

ISSN 2782-3377

ЖУРНАЛ
NOMADIC CIVILIZATION:
HISTORICAL RESEARCH

1(2) / 2021

ЖУРНАЛ
NOMADIC CIVILIZATION:
HISTORICAL RESEARCH

Научный электронный журнал

www.nomadic-kalmsu.ru

Том 1 № 2

2021

e-ISSN: 2782-3377

16+

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH

Academic E-Journal

www.nomadic-kalmsu.ru

Volume 1, Number 2

2021

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 № 2

Основан в 2021 году

Журнал «Nomadic civilization: historical research» – международный научный журнал в электронном формате, публикующий в открытом доступе на своих страницах труды теоретического и прикладного характера по актуальным вопросам истории и культуры кочевых народов Евразии.

Исследования специалистов в области кочевниковедения в целом обобщают историко-научный материал и воссоздают целостную картину кочевого евразийского мира. Издание сетевого журнала обеспечивает выполнение важной научной функции – коммуникативно-информационной, что не только позволяет накапливать достижения отечественной и зарубежной науки в области изучения кочевых евразийских народов, но и служит основой для новых открытий и идей в исследовании указанной проблематики.

Миссия журнала «Nomadic civilization: historical research» – поддержка развития отечественного и зарубежного кочевниковедения; публикация оригинальных и переводных статей; презентация научных идей и обсуждение дискуссионных вопросов, а также создание площадки для профессионального общения широкого круга специалистов-кочевниковедов.

Научный сетевой журнал предоставит возможность исследователям опубликовать результаты собственной научной и прикладной деятельности.

Основная цель журнала – предоставить возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области кочевниковедения, привлечь внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей вузов, читающих лекции по соответствующей тематике, к перспективным и актуальным направлениям современной науки.

Важнейшими задачами журнала являются:

- синтез фундаментальной науки и прикладных исследований в указанной области;
- продвижение результатов междисциплинарных исследований в данной сфере;
- усиление интеграции российских ученых в международное научное сообщество.

Разделы журнала:

Отечественная история; всеобщая история; археология; этнография, этнология и антропология; историография, источниковедение и методы исторического исследования; история международных отношений и внешней политики; теория и история культуры; теология.

Мы выходим 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский, английский, монгольский, немецкий, калмыцкий.

• Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл. № ФС77-80170 от 31 декабря 2020 г.

• ISSN: 2782-3377

• Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет.

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 № 2

The journal was founded in 2021

The journal “Nomadic civilization: historical research” is an international electronic scientific journal devoted to theoretical and applied significance of topical historical and cultural issues of nomadic Eurasian peoples.

The research of specialists in the field of nomad studies as a whole generalizes the historical and scientific material and recreates a holistic picture of the nomadic Eurasian world. The publication of the electronic journal contributes to the realization of an important scientific function (communicative and informational), which allows to accumulate not only the achievements of domestic and foreign science in the field of Nomad studies, but also serves as the basis for new discoveries and ideas in the study of this scientific problem.

The mission of the journal “Nomadic civilization: historical research” is to support the development of national and foreign studies on nomadism; to publish original and translated articles; to present scientific ideas and discuss controversial issues, as well as to create a platform for professional communication of a wide range of nomadic specialists.

The scientific journal will provide an opportunity for researchers to publish the results of their own scientific and applied activities.

The main purpose of the journal is to provide an opportunity for the scientific community to publish the latest original results of their research in the field of nomadic civilizations and cultures, to draw attention of scientists, including specialists from related fields, as well as university teachers who give lectures on relevant topics to promising and relevant areas of modern science.

The most important tasks of the journal are:

- synthesis of basic science and applied research in the field of Nomad studies;
- promotion of the results of interdisciplinary research in this field;
- strengthening the integration of Russian scientists into the international scientific community.

Sections of the journal:

National history; general history; archeology; ethnography, ethnology and anthropology; historiography, source studies and methods of historical research; history of international relations and foreign policy; theory and cultural history; theology

Published four times a year

The working languages of the network edition are Russian, English, Mongolian, German, Kalmyk.

- State registration of Roskomnadzor. Certificate of Media Registration (electronic version): Registration record № ФС77-80170 from December 31, 2020.
- ISSN: 2782-3377
- The materials published in the journal are intended for persons over 16 years.

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бадмаева Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Омакаева Эллара Уляевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шорковиц Дитмар, доктор исторических наук, профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Берлин, Германия)

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Сампилдондов Чулуун, академик, доктор исторических наук, Международная Ассоциация монголоведения (Улан-Батор, Монголия)

На. Сухбаатар, доктор исторических наук, профессор, Монгольский государственный университет образования (Улан-Батор, Монголия)

Артыкбаев Жамбыл Омарович, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН Институт истории, археологии и этнографии (Махачкала, Россия)

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия)

Кундакбаева Жанат Бековна, доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Команджаев Александр Нармаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Убушаев Владимир Бадахаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ФБГУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН» (Ростов-на-Дону, Россия)

Очир-Горяева Мария Александровна, доктор исторических наук, ФБГУН «Калмыцкий научный центр РАН» (Элиста, Россия)

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

EDITOR-IN-CHIEF

Badmaeva Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

Omakueva Ellara Ulyaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

EDITORIAL BOARD

Schorkowits Dittmar, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Max Planck Institute for Social Anthropology (Germany)

Popova Irina Fedorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Sampildondov Chuluun, Academician, Doctor of Historical Sciences, International Association of Mongolian Studies (Ulan-Bator, Mongolia)

Sukhebaatar Nadmidyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, Mongolian State University of Education (Ulan-Bator, Mongolia)

Artykbaev Zhambyl Omarovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Kidirniyazov Daniyal Saidakhmedovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

Kolesnikova Marina Evgenievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Kundakbaeva Zhanat Bekovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

Koltsov Petr Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Komandzhaev Alexander Narmaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Ubushaev Vladimir Badakhaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Lidzhieva Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Federal Research Center The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Ochir-Goryaeva Maria Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia)

Toropitsyn Ilya Vasilievich, Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Батсуурь А.

Сударч, сайд Инжаннашийн орчуулга

“Хэв дундын ёсон”-ны тухай өгүүлэх зуур 9

Кундакбаева Ж.Б., Нуратай А.А.

Наследственная элита казахского социума

XVII–XIX вв. в научном наследии Ирины Ерофеевой 20

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Очир-Горяева М.А.

Археологические памятники проживания – поселения эпохи бронзы

в Волго-Манычских степях 38

Батыров В.В.

Административная политика Российской империи в XIX в.

как основной фактор трансформации скотоводческого хозяйства у калмыков 58

ТЕОЛОГИЯ

Базаров А.А.

Поклонение буддийским учителям: визуальные образы

в повседневной ритуальной практике 79

ПЕРЕВОДЫ

Шорковиц Д.

Была ли Россия колониальной империей? 86

РЕЦЕНЗИИ

Бадмаева Е.Н., Омакаева Э.У.

Судьба кочевой цивилизации в России: новый взгляд историка

Синицын Ф.Л. «Россия и кочевники. От революции до древности».

М.: Вече, 2021. 288 с. 105

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Batsuuri A.

The Translation of the scholar and minister injannashi
is about «Hev dundyn yosun» 9

Kundakbayeva Z.B., Nuratay A.A.

The hereditary elite of the kazakh society of the XVII–XIX centuries
in the scientific heritage of Irina Yrofeyeva 20

NATIONAL HISTORY

Ochir-Goryaeva M.A.

Archaeological sites of residence – bronze age settlements
in the Volga-Manych steppes 38

Batyrov V.V.

Administrative policy of the Russian empire in the XIX century as the main factor
of the transformation of the cattle breeding economy among the kalmyks 58

THEOLOGY

Bazarov A.A.

Worship of Buddhist Teachers: Visual images in everyday ritual practice 79

TRANSLATIONS

Shorkovits D.

Was Russia a Colonial Empire? 86

REVIEWS

Badmaeva E.N., Omakeva E.U.

The fate of the nomadic civilization in Russia: a new view of the historian
SINITSYN F. L. “RUSSIA AND NOMADS.
FROM REVOLUTION TO ANTIQUITY”. Moscow: Veche, 2021. 288 c. 105

УДК 94(517)

СУДАРЧ, САЙД ИНЖАННАШИЙН ОРЧУУЛГА “ХЭВ ДУНДЫН ЁСОН”-НЫ ТУХАЙ ӨГҮҮЛЭХ ЗУУР

Батсуурь А.

Ховд их сургууль. Хэл зохиолын тэнхимийн профессор, Ховд, Монгол Улс

E-mail: batcuur@gmail.ru

Товч хураангуй

Сударч В.Инжиннаши орчуулгын гол зорилго нь танин мэдэхүйн үндэс, хожим мэдлэгт тэмүүлэгчдэд зориулсан гарын авлага болгон өгөх явдал юм. Энэ болбоос Күнз хийгээд Күнзийн сурталтны сэтгэлгээ соёлын нэг гол цөм бөгөөд үүнийг “Хэв дундыг сахихуй ёсон” гэдэг. Күнзийн «төв дунд» гэсэн зөгнөл одоо «хэв» гэсэн ойлголттой нягт уялдаж байна.

Инжаннашийн уран зохиолын туршлагыг нарийвчлан судалж үзвэл энэ үзэл бодлыг үндэс болгон ашиглах нь зүйтэй юм. 23 бүлгээс бүрдсэн «Чжун-юн» («Дунд ба тогтмол байдал» эсвэл «Төв ба нийтлэг байдал») каноник трактат нь МЭӨ 5-р зууны Күнзийн нэрт гүн ухаантан Зи Си-тэй холбоотой юм. Түүнийг Күнзийн ач хүү гэж үздэг. Энэ бол «Ёслолын бүртгэл» (Ли Чи)-ээс бие даасан текст болгон тусгаарласан ёс зүйн шинж чанартай трактат юм. Энэхүү текст нь онтологийн асуудлуудад зориулагдсан болно: энэ нь чин сэтгэлийн хувийн амжилт ба хүрээлэн буй бодит байдлын дарааллын хоорондох харилцааны метафизикийн зарчмуудыг бий болгодог. Зөв замаас юу ч хазайхгүй байх нь «дунд», өөрчлөх зүйл бол «тогтвортой байдал» биш юм. Дунд ба тогтмол байдал нь сүр жавхлантай тул жирийн хүмүүст хүрч чаддаггүй. Юуны өмнө тэд ард түмэндээ тохиолдож буй бүх зүйлийн хариуцлагыг хүлээдэг захирагчтай холбоотой байдаг. Энэ нь Күнзийн сайн мэддэг зарчмыг «алтан дунд» гэж тайлбарладаг. Ёс суртахууны энэхүү зарчим юунаас бүрдэхийг зохиогч тодорхойлжээ. Хүмүүсийн харилцаанд «зохирол» гэхээс илүү чухал зүйл байдаггүй гэж Күнз номлосон. “Хэв дундын ёсон” номд “...ёслол журамд нийцэхүйг “зохирол” хэмээмэй. Дунд болбоос тэнгэрийн дор хэрэг үйлийн эх үндэс болой, зохирол болбоос тэнгэрийн дор түгээмэл жам болой. Дунд хийгээд зохирол дор хүрэхүйд тэнгэр газар тус тусын сууринаа тогтнож, түмэн бодос төлжин дэлгэрэх бөлгөө” хэмээсэн байдаг. Зохирол нийцэл бол бүх тохиолдолд дагаж мөрдөх ёстой бүх нийтийн зам юм. Энэ нь «алтан дунд» зарчмыг хэрэгжүүлэхийг урьдчилан таамаглаж байна.

Түлхүүр үг

Инжаннаши, хэв дундын ёс, орчуулга, үзэл танилт.

UDC 94(517)

THE TRANSLATION OF THE SCHOLAR AND MINISTER INJANNASHI IS ABOUT «HEV DUNDYN YOSUN»

Batsuuri A.

Ph.D (History),

Hovd university. Professor, Department of linguistics, Khovd, Mongolia

E-mail: batcypyp@gmail.ru

Annotation

The main purpose of the translation of the scholar V. Injinnashi is to provide the basis of cognition and later a guide for those who seek knowledge. This is the core of Confucianism, and it is called “rule of norm and middle”. Confucius’s prophecy of the “central average” is now closely aligned with the notion of the “norm”. The “central average” or “norm” should not be “overstated” or “understated” and should only be “adjusted”. A closer look at Injannashi’s literary experience suggests that this view should be used as a basis. The canonical treatise «Chzhun-yun» («Middle and constancy» or «Centrality and Commonality»), consisting of 23 chapters, is attributed to Zi Si, a famous Confucian philosopher of the 5th century BC. He is considered as the grandson of Confucius. This is a treatise of an ethical nature, separated into an independent text from the “Records of the Ritual” (Li Chi). This text is devoted to ontological issues: it establishes the metaphysical principles of the relationship between sincere personal success and the sequence of surrounding reality. Not deviating from the right path is “middle”, and what changes is not “stability, constancy”. Middle and constant are so majestic that they are inaccessible to the common man. First of all, they are associated with the ruler, who takes responsibility for everything that happens to his people. The author defines what this moral principle consists of. Confucius preached that there is nothing more important in human relationships than “harmony”. The middle ground is the root of action under heaven, and harmony is the common ground under heaven. When the middle and harmony are reached, the heavens and the earth will be established and the thoughts will flourish. Harmony represents universal path, which must be adhered to in all circumstances. This implies the realization of the principle of the “golden mean”.

Key words

Injannashi, hev dundyn yosun, translation, authentication.

УДИРТГАЛ

Сударч, сайд Инжаннаши олон хасаг тэрэг ном судрыг цөлмөн уншиж, эртний хэрэг явдлыг тэнхэрүүлэн судалж, өөрийн үзэл санааг боловсруулан бүхийдээ эрт өдгөөгийн мэргэдийн үзэл танилт, ухаарал сэхээрлээс эш үндэс авч, олон зүйлийн хэрэг учир, явдал мөрийг шинжин, ул суурьтайгаар өөрийн бүтээл туурвилд тусгах, хэт хойчийн ирээдүйд хэрэг болуужин хэмээн шигтгэл цохолт хийх нэгэн зүйлийн урлан бүтээх аргыг голлон хэрэглэж, жинхэнэ дорно дахины соёлт хүмүүний үлгэр жишээг үзүүлсэн их номын үйлчин сударч байсан ажгуу. Чингэхдээ олон хэлний судар шастирыг уншиж судлахын сацуу хожим хойчийн мэдлэг ухааралд дурлагчдын хэргийн учир зарим нэгэн сонгодог бүтээл, судрыг монгол хэлнээ орчуулан үлдээжээ. Үүний нэг нь эртнээс нааших олон үеийн мэргэдийн үзэл санааны хөтөч, хятадын утга соёл, иргэншилд гүн бат суусан Күнзийн сэтгэлгээ, үзэл санааы эх сурвалж болох “Таван ном¹, дөрвөн бичиг²” /五经四书五/ хэмээх цоморлогт багтах Күнз /孔子/-ийн ач хүү Зы Си /子思/-ийн туурвисан “Хэв дунд ёсон” /中庸/ хэмээх “бичиг” юм.

Юуны тул уг бичгийг орчуулах болсон түүний далд эчнээ санааг туурвил бүтээлээс нь тодруулан үзэж, ертөнцийн жам ёсны үзэгдэл – мөн чанар, хүмүүний сэтгэлийн эерэгүү хийгээд сөргүү сэтгэл хөдлөлийн учир гогцоог хэрхэн ухаарч байсан үзэл ухаарал, танин мэдэхүйн томъёоллыг бага боловч нээн үзүүштэй учир доор эш үндэс татан тайлбарлахыг хичээв.

Сударч Инжаннаши “Дунд хэв”³ нэртэй орчуулгын гар бичмэлийн төгсгөлийн цохолбор өгүүлэлд:

Бурхан бодьсугийн номыг уншваас буян садан дэлгэрээд

Богд мэргэдийн бичгийг боловсруулбаас бодис бүхнээ нэвтэрч /48/⁴

Дэлхий дахины тэргүүн нэгэн бэрх чухал дунд хэвийн судар төгсөв.

Буян эрдэмт их Чин улсын наймдугаар үеийн Эзэн хааны арван сүүдрийн хэр

Бүрэнт засагчийн дөрөвдүгээр он, цагаан сарын арван нэгэн сахигч нэрт эзний өдөр шөнө зулын доор, хулгана цагийн эхэнд бичиж төгсгөн, өдрийг тэмдэглэв.” хэмээн тэмдэглэснээр хөөн үзвэл Бүрэн засагч (同治) 1856 онд төрсөн бол “арван сүүдрийн хэр” гэвэл 1866 он, тэрээр 1862 онд хаан ширээнд суусан гэвэл “Бүрэнт засагчийн дөрөвдүгээр он” нь мөн 1866 он болж, дээр дурдсан хоёр тоон баримт яв цав тохирч буй тул уг дэвтрыг 1866 онд орчуулжээ. Чухам хэдэн сарын хэдний өдөр уг орчуулгаа дүүргэж цэг хатгаснаа “цагаан сарын арван нэгэн сахигч нэрт эзний өдөр шөнө зулын доор, хулгана цагийн эхэнд” гэж дурдсанаар хөөн гаргавал: Билгийн тооллын XIV жарны улаан бар жилийн есөн улаан мэргэтэй, огторгуй суудалтай хаврын тэргүүн сарын шинийн 11-ний өдрийн хулгана цагийн эхэн

¹Таван ном гэдэгт: “Шүлэглэлт ном” /诗书/, “Засагт ном” /尚书/, “Зурхайт ном” /易经/, “Ёслолт ном” /礼记/, “Хавар намар” /春秋/

²Дөрвөн бичиг гэдэгт: “Шүүмжлэлт өгүүлэл” /论语/, “Мэнз бичиг” /孟子/, “Их суртахуй” /大学/, “Хэв дундын ёсон” /中庸/

³Уг орчуулга нь одоо “Өвөр монголын нийгмийн шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн номын санд хадгалагдаж байна. /“Ёжит зохиол сул тэмдэглэл тууж” /Инжаннашийн бүрэн зохиол/ боть, 2010, Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 0-р тал/

⁴“Монгол үсгийн дундад хэв” гар бичмэлийн нүүний дугаар

шөнө дүл, Аргын тооллын 1866 оны 02 сарын 25-ны өдөр ням гарагт шөнийн 23 цаг 40 минутын үед орчуулгаа төгсгөн, жаргаах цэгээ хатгаж ид 29 насандаа уг орчуулгыг хийснээ илтгэж, түүхэн чухал баримтыг үлдээжээ. Энд дурдсан цаг хугацааг нотолж бас “Инжиннаши би хорин ес насалтал” хэмээн төгсгөлийн цохолбор өгүүлэлдээ дурджээ.

“Бурхан бодьсадын номыг уншваас буян садан дэлгэрээд

Богд мэргэдийн бичгийг боловсруулбаас бодис бүхнээ нэвтэрч /48/

Дэлхий дахины тэргүүн нэгэн бэрх чухал дунд хэвийн судар төгсөв” гэж төгсгөлийн үгэнд санааны чанад, үзэл танилт нэгэнт тогсон болохоо Бурханы сургаал номлолын мөр зэргэмж болох гурван бодгалийн нэгэн даган замнагчийн ерөнхий нэрлэлт бодь хутгийн төлөөх дээд төрөлхтний¹ номыг судлан уншваас сайн үрийн чуулган буянт сэтгэлтэн, сансрын мунхаг харанхуйгаас гэтлэгчид олшрон дэлгэрэх хувьтайг зааж, ахиулан эртний мэргэдийн эергүү журамт ном бичгийг нягтлан судалж, **Буддын сургаал номлол – Күнзийн хэв журамтай** шүтэлцүүлэн боловсруулах бөгөөс сэрэхүйгээс тийн мэдэхүй хүртэлх таван цогц лугаа нэвтэрч, бэлгэ билгүүн дээшлэн сайжрах дундад үзэл², эергүү эвсэн амьдрахуйн хэв журамд нэврэхүйн үүд³ нь *“Дэлхий дахины тэргүүн нэгэн бэрх чухал дунд хэвийн судар”* хэмээн ухаарсны учир дор үүнийг орчуулсан болохоо тов тодорхой өгүүлжээ.

ХЭРЭГЛЭГДЭХҮҮН, АРГА

Сударч В. Инжиннажийн (Инжаннаши, 2010) үзэл нэгэнт тогссон тавин таван насандаа туурвисан “Үзэл санааг нь эс мэдэв” хэмээх шүүмжлэлт өгүүлэлд *“Нэгэн эрд гарсан хоёр эмийн тэмцэлдээн, нэгэн төрлийн баян ядуу хоёр гэрийн тэмцэлдээн, нэгэн хошууны албаны түшмэс шуувингийн⁴ тэмцэлдээн, нэгэн төрийн зальхай ба чигчийн⁵ эдгээр зэргийн олон зүйлийн тэмцэлдээнд цөмөөр тэмцэлдэхийн шалтгаан барилдлага нүдний өмнө машид ил байх үйл тул үүнийг үүрд байх нэгэнт тогтсон тэмцэлдээн”* хэмээн хувь бодгаль талаас нь үзвэл эсрэг тэсрэг атлаа тэмцэлдэх сэтгэлийн уг үндэс нэгэн ижил болохыг дүгнэж, бас санаа сэдэл, үйлс зорилго нь нэгэн чигтэй атлаа, бие биедээ мөчөөрхөх *“нэгэн ижлийн*

¹Гурван бодгаль: 1. Шравак (мо: сонссоноо дуурсгагч, тө: ཤྭ་ཐྱལ་པ་: śrāvaka,) гурван хөлгөний нэг шравакийн хөлгөнд орсон бодгаль. Их хөлгөний аймаг савыг өөрөө анхааран үл авсан бөгөөд бурхан тэргүүтнээс ном сонссоны учир сонсогч буюу шравак хэмээсэн буй. Сонссоноо бусдад дуурсгах учраас сонссоноо дуурсгагч ч хэмээмүй [БШСТТ. I-1999: 501]. 2. Брадигабуда (мо: өөрөө гэгээрсэн, тө: རྩ་ཐུག་པ་: pratyekabuddha) Брадигабуда нь өөрөө ганцаар оршихуйд баясах бөгөөд эцсийн цагт бусдын увдист үл дулдуйдан өөрийн бодийг илт болгох бөгөөд нисваанисаас ялж үйлдэх тул тийн нэрлэмүй. Брадигабуда хирсийн эвэр мэт бөгөөд чухал явагч их, өчүүхэн хоёр бөгөөд гурав болой [БШСТТ. I-1999: 150]. 3. Бодьсадва (мо: бодь баатар сэтгэлт, тө: བློ་སྦྱོར་པ་: bodhisattvāḥ) Их хөлгөний суралцах мөрийн бодгаль бөгөөд их бодийг олохын тул галавын өнө, газрын холыг үл ажран, тэргүүн ба үе гишүүний өглөг өгөхөд сэтгэл үл мятрах учир бодьсадва бодь баатар сэтгэлт хэмээжээ [БШСТТ. I-1999: 146].

²Буддизмын сонгодог гүн ухааны гол чиглэл болох дундад үзэл (мадхьямака)-ийн хоосон чанарын онолоор тайлбарлагдана. Аливаа юмс үзэгдлийг ганц зогсонго талаас биш мөн ганц хөдлөнгө талаас нь бус зогсонго хөдлөнгө хоёрын талаас нь бүхэл болгон таних буддын гүн ухааны үндсэн тогтсон таалын нэг нь төв үзэл буюу дунда үзэл юм.

³Күнзийн сэтгэлгээний өв цоморлог бүтээлүүд.

⁴Аливаа яамны бичээч: түшмэл шуувин [хоршоо] (төрийн яамны албан хаагч).

⁵Шударга, үнэнч.

урчуудын атгаг, нэгэн хөөлгөний отоочны атгаг, нэгэн номын гүрэмчийн атгаг, нэгэн ертөнцийн сургаалтны атгаг” гэх мэтийн алдас унал нь адил болохыг эчнээ тоочин дурдаж, чухамхүү эдгээр нь өмнө дурдсан тэмцэлдээний шалтгаантай хамт бүрэлдэх ажээ гэх үзэл танилтад хүрснээ “атгаг эдгээрүүд хэмээгч тэмцлийн орчлонтой хамт барилдан бүтсэн нэгэнт тогтсон энгийн зан” юм гэж томьёолжээ. Энэхүү томьёоллыг Инжаннашийн нанхиад хэлнээс орчуулсан Күнзийн ач хүү Зы Си-ийн (Зы Си, 2013) туурвисан “Хэв дунд”¹-аас эшлэн тодруулбал: “Хэлбэрэх үгүй нь дунд хэмээхүй. Үл халахыг нь хэв хэмээмүй. Дунд хэмээгч дэлхий дахины төв ёсон. Хэв хэмээгч тэнгэрийн доорхны тогтсон зүй”² гэж аливаа зүйлсийг ийм тийм хэмээн хоёр хязгаарт хэтийдүүлэлгүйгээр үүсэл үүтгэлийн үнэн мөн, төрөлх чанарт нь дулдуйдан танин барихыг “төв ёсон”, хэзээ ч осолдон хазайлгаж үл болох, атгаг, тэмцэлдээний бай, аль эсвэл халхавч бамбай үл болгох тийм чигч, хэзээ ч үл хэлбийлгэх тогтсон жам, зан журмыг “тогтсон зүй” хэмээн Инжаннаши ухааран ойлгож байсны гэрч бол түүний дээрх томьёолол юм (Сумадирадна, 1959; Жүгдэр, 1978; БШСТТ I-1999; Жалгаа, 2010).

ХЭЛЭЛЦҮҮЛЭГ

Чухамхүү санаа, агуулга бүхий томьёолол буддын судар шастирт тохиолдох үндсэн үзэл ойлголтын нэг юм. Үүнийг дэлгэрүүлэхийн тулд буддын гүн ухааны ойлголт ухагдахуунд түшин ярья.

“Тэр үзэгдэл өөрөө огоот эс бүтсний тул болой. Атгаг төдий нь үзэгдлийг эндүүрэхийн төдийд буйн тул болой” (Васубанду: 28a-28b) хэмээсэн эртний энэтхэгийн их сэтгэгч Васубандугийн үзэл нь аливаа юмс үзэгдлийн гадаад илрэл болсон шинж чанар нь тухайн зүйлийн дотоод мөн чанарыг илэрхийлэгч болж чадахгүй гэдэг үндэслэлийг гарган тавьж, тэр нь зөвхөн үзэгдлийн төдийд оршин танин мэдэхүйд зөвхөн янагуух үнэний харьцаанд оршигч юм гэж тодорхойлжээ (Batsuuri, 2011: 67). Чухамдаа тэрхүү муу сэтгэл, зүй бус ааш араншингийн мөнхүү чанар нь үзэгдэх өнгөндөө бус хүмүүний [сансрын] үйл, нисваанисаас үүдэгдэх нэг л уг үндэстэй болохыг өөрөөр хэлбэл бие-сэтгэлийн нэгдэл болох хүн буюу бодгалийг³ үйл нисваанисын эрхээр төрөгдөх “буян нүглийн авьяасаар үндэс нь дүүрээд түүн лүгээ даган зохилдсон амьтны төрлийг аваад эзлэн үйлдэх тул дүүрэн цувралт хэмээгдүй” (Сумадирадна, 1959: 265) хэмээн тодорхойлсноос тодорхой харж болно. Энэхүү үзэл ойлголтын суурь дээр уг “Үзэл санааг нь эс мэдэв” хэмээх шүүмжлэлт өгүүллийн үндсэн агуулгыг тавьж үзвэл “тэмцэлдээн”, “атгаг” хоёулаа үзэгдэх өнгө нь өөр өөр боловч үүдэх эх үүсвэрийн хувьд гагцхүү “орчлонтой хамт барилдан бүтсэн нэгэнт тогтсон энгийн зан” гэж “Хэв дунд”-д томьёолсныг богд

¹Энэхүү орчуулга нь “Монгол үсгийн дунд хэв” нэртэйгээр “Ёжит зохиол сул тэмдэглэл тууж” /Инжаннашийн бүрэн зохиол/ ботид Монгол бичгийн нийт 57 нүүр бүхий эхийг гэрэл зургаар оруулжээ. 260-316-р тал, Зы Си-ийн уг бүтээлийг М.Чимэдцэеэ 2013 онд, Ш.Эгшиг 2012 онд тус тус хятад хэлнээс орчуулан “Хэв дундын ёсон” нэртэйгээр хэвлүүлжээ.

²“Монгол үсгийн дунд хэв” “Ёжит зохиол сул тэмдэглэл тууж” /Инжаннашийн бүрэн зохиол/ Хөх хот, 2010, Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 260-р тал

Жич: Үүнийг М.Чимэдцэеэ “Эс хазайхуй, эс хэлбийхүйг “дунд” хэмээмой, эс хувирахуй, эс өөрчлөгдөхүйг “хэв” хэмээмой. “Дунд” хэмээхүй нь тэнгэрийн дор төв ёсон, хэв хэмээхүй нь тэнгэрийн дор тогтоосон жам болой” хэмээн орчуулжээ. Зы Си, “Хэв дундын ёсон”, УБ., 2013, 28-р тал

³Мо: дүүрэн цувиралт, Тө: ᠮᠣᠳᠤᠭᠣᠨ

Зонхов “Бодь мөрийн зэрэг”-тээ “Анхан нь орчлон бүтэхийн шалтгаанд үйл хийгээд нисваанис хоёр хэрэгтэй боловч, нисваанис эрхэм мөн бөлгөө. Нисваанис үгүй бөгөөс хураасан үйл тооноос нөгчсөн буй боловч чийг хийгээд шороо тэргүүтэн үгүй хөрөнгөөр ногоо үл бүтэхчилэн үйлд хамт нэгэн үйлдэх нөхцөл үгүйн тул зовлонгийн ногоо үл бүтэхийн тул хийгээд нисваанис буй бөгөөс үйл урьд хураасан үгүй боловч тэр даруй шинэ хурааж, хойт цогцыг авахын тул болой” (Зонхов: 121а) хэмээн өгүүлсэнтэй жишин адилтгаж үзвэл тун тодорхой харагдана.

Сударч Инжаннашийн “Бурхан бодьсадын ном”, “Богд мэргэдийн бичиг” хоёрын гүн утга, эчнээ санааг зэрэгцүүлэн үзэхдээ хэрхэн ухаарч, яахин таньсан барьж буйгаа тодорхой өгүүлжээ.

Үүнийг эш татан үзье. Инжаннаши би, өчүүхэн мэдлэгээр орлонгийн үйл мөрийг өдөр шөнө, жил сарыг мэдэлгүй бясалган бодож, эцэст нь “*мөнхүү¹ үг үгүй, үнэр үгүй, дуун үгүй, дүрс үгүйд хүрч зогсжээ*” хэмээн хоосон чанарыг таних, бодьсадын мэдлэгт очин хүрэх ажээ хэмээн таньсан болохоо дурдсан байна. Тэгэл хоосон чанар гэгч нь чухам юуг өгүүлж, тэр танин мэдэхүйн үндэс яагаад болдгийн учрыг тодруулбал Инжаннашийн юунд хүрээд зогссоныг хэлээд өгнө.

Өнөөгийн шинжлэх ухааны хандлага нь судлах зүйлийг нэгдмэл байр сууринаас авч үзэж, асуудлын мөн чанарыг хэт явцууруулан ямар нэгэн зүйлд нялзаахаас аль болох зайлсхийх болжээ. Тиймээс бид асуудлыг аль болох олон талаас нь нэгдмэл байдлаар авч үзэж, аливаа зүйлийн мөн чанарыг ерөнхийд нь илэрхийлж чадах нийтлэг дүгнэлт гаргах нөхцөл болсон “үл хувьсах чанар” (инвариантность)²-ыг Буддын ёсоор бол *хоосон чанар*³-ыг тогтоох шаардлагатай. Иймээс Буддын гүн ухааны шүтэн барилдлага, арга билиг, хоосон чанарын ёсоор шүтэлцүүлэн аливаа асуудлыг нэгдмэл байр сууринаас авч үздэг аргазүйг баримтлах нь зайлшгүй. Энэ нь нэг ёсондоо орчин үеийн шинжлэх ухааны голлох судалгааны аргазүй болох ерөнхий тогтолцооны аргазүйтэй нэлээд ойролцоо аргазүйн тогтолцоо гэж үзэж болно. Юуны түрүүн Буддын үндсэн дөрвөн *тогтсон таалал*⁴-ын танин мэдэхүйн оногдохуун болох “суурь”-ийг томъёолон үзэх мэдэгдэхүүний нэгдсэн тогтолцоог тодорхойлон гаргаж, түүнд сэтгэл оюун, ухамсартай холбоотой элементүүд нь ямар үүрэгтэй болохыг тогтооно гэсэн хэрэг.

Сударч Инжаннашицаашлавшруулан: “*Юунхэмээвээс, эртний богд төрөлхтөн сургаалийг үлдээсэн нь хойч үеийн хүмүүн төрөлхтөнийг богд болгохуйн үүд онолт бөгөөтөл*” хэмээн бодь мөрийн зэргээр замнан, үйл нясваанисаас хагацан, нирваан сэтгэлд хүрэх үрийн төлөөх сургаал номлол гэж таньсанаа тодорхой өгүүлж, зарим

¹Мөнхүү хэмээх нь мөн чанар, тэрхүү чанар, хоосон чанар гэдэгтэй нэгэн утгатай үг.

²Аливаа шинжлэх ухааны гол асуудал бол үл хувьсагч чанар (инвариантность) юм. Шинжлэх ухааны аль нэгэн салбарт гарч байгаа дэвшил нь үл хувьсагчийн холбооны талаар бидний мэдлэг гүнзгийрч байгаатай шууд холбоотой гэж батлан хэлж болно хэмээн эрдэмтэд үздэг.

³са.: śūnyatāh, тө.: སྤྲུལ་ཅིན་ Гүн ухаантан Агваанбалдан “Нөхцөл шалтгаанд дулдуйдан бүтсэн аливаа бүхэн нь өөрийн мөн чанараар хоосон хэмээн номлосон, үүнээс гайхамшиг болох сайн номлол хаа байх вэ?” [Агваанбалдан. Шүтэн барилдахуйн магтаал./rten ‘brel bstod pa’i grel/ 36b], [Жүгдэр Ч. Агваанбалдангийн гүн ухааны үзэл, УБ., 1978, 57-р тал] гэж тодорхойлсон байдаг.

⁴са.: siddhānta, тө.: བཤམ་པ་ нь шүтээн, мөр, үр гурав ба үзэл, бясалгал, явдал гурвын ялгалыг шинжлээд, өөрийн оюуны илдраа магад энэ болой хэмээн шийтгэсэн туйлын хувь үүнийг өгүүлэх бөгөөд түүнийг үзүүлэхээр өгүүлэгч үгсэд ч тогтсон таалал хэмээн нэрийдсэн буй болой. [БШСТТ. II-1999:282]

үес энэ сургаалыг өөрийн атгаг санаанд уяж “эдүгээх цагт нэгэн зүйлийн буюнт төрөлхтөн хэмээн гарч, үе үеийн улс төрд түрэмгий завшааныг эрхлэн шахагджээ” гэж сургаалын үндсэн чанагуух зорилгыг нь завсар зуурын ашиг завшаан болгож, эрх ашгийн бамбай болгож буйг ч шүүмжилжээ. Бодь мөрийн сургаал номлол нь чухам ямар ойлголт ухагдахуунд суурилан хөгжиж ирснийг товч төдий тодруулан үзвэл Инжаннашийн санаа онолт улам илэрхий болно.

Дарма хэмээх ойлголт нь аливаа оршихуйн үүтгэл санааг танин мэдэх бололцоо (ахуйлаг хийгээд санаалаг ойлголт¹)-ных нь хамт томьёолон үзэх авидармын ёсон дахь хамгийн гол үндсэн ойлголт мөн бөгөөд чухам л эндээс хүний сэтгэл, сэтгэцийн аливаа үйл үйлдэл, үр дүн (амгалан хийгээд зовлон, зовлон ч бус амгалан ч бус)-г ухааран сэрж, өөрийн сэтгэлийн дотоод үндэс дэх нисваанис хэмээн нэрлэгдэх, өрнийн судлаачдын клеша хэмээн санскритаар нэрлэн зүй бус ёс суртахууны элементүүд гэж ойлгох сэтгэлийн сөрөг нөлөөлөл буюу эрчмийг хаан, түүнийг боомтлох ерөндөгийг улам боловсронгуй болгох явцад хүмүүний бие хэл сэтгэлийн үйл, үйлдвэрийг сайн зүгт залан жолоодох арга зам (мөр)²-ыг үндэслэн бий болгоод, эцсийн зорилго болох нирваан хэмээх сэтгэлийн эерэг төлөв байдал буюу гэгээрэл (үр)³-ийг олох нэг ёсондоо сэтгэлээ таньсан хүн (бодьсатва)⁴-ий өөрийгөө танин мэдэхүйн онолын төвшинд хүртэл авидармын ёс⁵ хөгжихдөө Бурхан багшийн номлосон анхдугаар номын хүрднээс эш үндэс авсаар гуравдугаар номын хүрдэнд дээд авидарма хэмээн нэрлэгдэх хүртлээ алгуур аажим төгөлдөржсөөр иржээ. Чухамхүү энд л Буддын сэтгэл судлал буюу сэтгэлийн тухай сургаалын хамаг охь шим нь оршин буй болно.

Инжаннашийн дээрх үзэл онолт нас ахихад хэрхэн лавшран тогтсоныг түүний бүтээл туурвилаас эш татан өгүүснээс харж болно. Цаанаа “зэвүүрхэн жигших нууц атгаг сэтгэл” өвөрлөөд, наанаа “нүүрийн дээр инээн нийлүүлэн үзэх” атлаа яаж тийн авирлаж, хуурмаг сэтгэл гаргаж чаддагийг “цүлис би хажуунаас харсаар” мэдэрч “маш олноос олонтоо үзсээр сая ийм нэгэн зүйлийн хилэнцэт хорхой мэт хүн хэтэрхий олонтоо байхыг лав цав олж мэдээд өөрийн зантайгаа таацуулан үзвэл аяа үнэхээр тэнгэр газар алслан, галав дэлхий өөрчлөгджээ” хэмээн өөнөө энэ цаг юутай цөвүүн болсныг үзэж, “Авай эдгээр зэргийн атгаг харанхуйн агаар амьсгалын дотроос зангидаж бүтсэн хүн хэмээгчид эгнэгт энгийнээсээ этгээдхэн олноосоо онцгойхон хэмээн явах ардын дотроос гарах буй еэ” хэмээн хүн ардын оюун санаа улам улмаар харанхуй болж буйн шалтгаан нь, “төрөлх тув тунгалаг” гэгээн сэтгэл ямх ямхаар бус алд алдаар бүүдийн байгааг олж хараад хэрхэх учраа олохгүй бачууран байгаагаа Инжаннаши “Үзэл санааг нь эс мэдэв” хэмээн өөрийнхөө сэтгэл санаагаа нээж, “Аяа үүгээр үзвэл, этгээд үзэлтэн нэгэнт эеэргүү гэгээнд үл хүрэхийг мэдэвч этгээд таны үзэл саналыг нь эс мэдэв. Эрхбиш лав нэгэн зүйлийн эрхлэн баримтласан онол санал буй болой. Нарийвчлан асуухуйяа бэрхтэй” үүний учрыг олж, хужрыг тунгаахыг хожмын мэргэдэд захин үлдээсэн ажээ.

Тэрээр “Богд мэргэдийн бичиг” нь “долоон жил эс хоригдсон аваас”, “тэр мэт самуун цагт эс тохиолдсон бөгөөс”, “хотод эс хоносон болвоос”, “бусдын бурууд”,

¹мо.: суурь, са.: nidana тө.:གཞི

²са.: marga, тө.: ལམ

³са.: phala, тө.: འབྲས་བུ

⁴са.: bodhisattva, тө.: བླ་ཆུབ་སེམས་དབང

⁵са.: siddhanta, тогтсон таалал, тө.: བླ་མཐུན

“өөрийн үнэнчид”, “цагийн самуунд” гэх мэт завшаант явдал хэрэг тулгарсны хувиар Күнз зэрэгцсэн “Таван ном, дөрвөн бичиг” хэрхэн ямар саад савчидтай тулгарч, уламжлан өнөө хүрч ирсэнийг тодотгоод, Энэ гурван богд сая өөр бусад цаг энэ гурван гэгийг эрдэмт улируулан хэрэглэжээ” хэмээн дурджээ.

“Илэрхий гэрч баримтат, богдын бичгийн туйлд хүрвээс ярагтаахоосон чанарын бурханы номын ухааныг түшиглэмүй, эдүгээгийн мэргэд өөрийн тусыг олохуйдаан үл хичээн бүгд бурханы тусыг олохыг хичээмүй. Энэ мөн, хоосны гаднах хоосон чанар бус уу? хэмээн бид хоёр нэгэн зэрэг элэг хөштөл инээлдсэн бөлгөө” хэмээн “Бурхан бодьсадын ном”, “Богд мэргэдийн бичиг” хоёрыг зэрэгцүүлэн, үзэл онолтыг нь шүтэлцүүлэн явах байтал үзтэл гаднах атгаг үзэгдэлд төөрөгдөн номын мөн чанарын ухааныг үл олох бус уу? гэж ёсжлол идээмийн үймээнийг үүсгэсэн ажээ.

ҮР ДҮН

Сударч Инжаннаши “миний энэхүү “дунд хэв”-ийн онолт нь чанараар эхлэн хоосноор төгссөн нь ил элэсоор удирдласан болгон битүү эрдэмд хүрүүлэх арга шалтгаан мэт, богдын дүрмийг гадна илтгээд бурханы онолтыг дотроо агуулжээ” хэмээн “Хэвийн дундын ёсон”-ны мөнхүү гүн учир нь аливаа юмсыг бараглах “чанараар эхлэн” барьж, чанад оршихуйг “хоосноор төгссөн”-өөр танин ухаарч, инад – чинад чанаруудыг харилцан шүтэлцээнд таних эрдмийн суурь нь “богдын дүрмийг гадна илтгээд бурханы онолтыг дотроо агуулжээ” гэж дүгнэсэн хэрэг юм.

Инжаннашийн бодол санаанд нэгэн сэжиг, түүний шалтаан чухам юунд буйг “бидний монголын шүтээн барилдлага ба шударгын буян нь хэдий зүйтэй мэт боловч, эдийн хишиг хийгээд ухааны хувь даан ч нимгэн, адагтаан ил гэгээн, тус гавьяат, соёлын ухаан үл төрөгдөх атал эчнээ нууц хоосон чанарт номын санваар хэрхэн дэлгэрсэн болов” хэмээн бодолхийлэн ийм сайхан буян шударгын үйлийг хийх нь зүйн хэрэг боловч хураасан нь бага, ухаарсан нь өчүүхэн тул тус эрдэм, соёл гэгээрэлгүй байтал юунд буддын санваар, шагшаавад дэлгэрэх нь юу вэ гэж халаглан өгүүлжээ. Үүний учир шалтгааныг тэрээр байгаль, орчин, улирал мөчийн аливаа үзэгдэл зүй зохисоороо тохиохгүй учир хүн ард нь зориг зүрхгүй авч хий хуудам мэдэлтэй боловч, онцгойрон мэргэжих нь цөөн байх гэж учирлаад “Олонх нь судар шинжвээс шарын шашны түйтгэр болмуй, бэхэс амталваас бичгийн хаалганы хулгай болмуй” хэмээн мунхаран бодолхийлэх учир “Үүний дундаас гэнэт, өдрийн одон, шөнийн солонго мэт нэгжгээд хошоод цолгорсон мэдэл ухаантан гарваас, од эсвээс эд чухаг, эсвээс эрх дутуу, эрхбиш нэгэн зүйлээр түүний хүчнийг бууруулж, цолгорон нэвтрэхэд хүрэх үгүй” гэж ёжлон өгүүлжээ.

Эцэст нь “Бурханы номонд үйлийн эрх хэмээмүй. Богдын бичигт тэнгэрийн төрөлх хэмээмүй” хэмээн уг хоёр номлол сургаалын танин мэдэхүй суурь өөр өөр боловч “уг мөн чанарын онолт нь нэгэн адил” гээд Бурханы номд “цөмөөр өнгө үгүй, үнэр үгүй, дуун үгүй, бод үгүй хоосон агаараар өөрийн хувьдаа ирж очихыг адилтган үлгэрлэн өгүүлсэн буюу”. Харин Богдын бичиг нь “Тэнгэрийн төрүүлсэн хэмээгч Хурмаст тэнгэр түүнийг албадаж илгээснийг өгүүлсэн бус, бичгийн ёсонд илбэ ил гэрч, тодорхой тэмдэг үгүйг өгүүлэх үгүй тул, арга үгүй Хөх тэнгэр, гурван гэрэл, аянга, гилбэлгээнийг барьж, нийтээр итгэмжлүүлж, сайнд удирдах сэдлээр буюу” гэж танин мэдэх зам мөр нь өөр өөр болохыг тодорхойлжээ.

Инжаннаши уг төгсгөлийн цохолбор өгүүллээ “Богд Зы Си үйлийн эрхийг эс мэдсэн бус, бусдын эс мэдэхийг мэдэж тэнгэр хэмээсэн болой, Мэргэд бээр хянан шинжлэх ажаму” хэмээн “Хэв дундын ёсон”-ыг зохиогч Богд Зы Си бээр хамгийг мэдсэний үр шим аливаа зүйлс цөм шүтэн барилдах жам ёсыг дундад үзлээр танин мэдэх бололцоотой гэж үзсэнийг хожмын мэргэд шинжин судлахыг захиж, энэхүү өгүүлэлдээ цэг хатгажээ.

ДҮГНЭЛТ

• Сударч, сайд В. Инжиннашийн “Хэв дундын ёсон”-ыг орчуулсан гол зорилго нь аливаа зүйлийг танин мэдэхүйн суурь, хожим хойчийн эрдэм мэдлэгт тэмүүлэгчийн гарын авлагад өргөхийн учир ажээ.

• Орчуулгын хэл найруулга уламжлалт монгол бичгийн хэлний урсам найруулгаар бодит ойлголт ухагдахууныг оновчтой оноон нэр хадаж орчуулсан нь илт харагдана.

• В.Инжаннашийн ертөнцийг үзэх үзэл, баримталж ирсэн үзэл танилт нь бүр залуу насанд нь хэвшин тогтсон болохоо орчуулгын төгсгөлийн цохолбор өгүүлэлд бүрнээ илэрхийлж, хожим хойчийн уран бүтээл, туувилдаа баримталсаар ирснийг нас хэвийсэн үед туурвисан “Үзэл санааг нь эс мэдэв” хэмээх ёжит өгүүллээр нь хөөн үзэхэд тодорхой харагдана.

• “Бурхан бодьсадын ном”, “Богд мэргэдийн бичиг” хоёрыг энэ тэнцүү судалж, нэгийг нь өрөөсгөлдүүлэн хэтийдүүлэх бус шүтэн барилдуулж ухаарч байсан нь түүний үзэл танилтын эх суурь болж байжээ.

• Сударч, сайд В. Инжаннашийн урлан бүтээх туурвил зүйн туршлагыг нарийвчлан судлахдаа энэхүү үзэл танилтаар дэвсгэр хийвэл зохилтой мэт.

Ном зүй

Агваанбалдан. *Шүтэн барилдахуйн магтаал* /rten 'brel bstod pa'i gre/ 36b.

Батсуурь, А. (2011). *Буддын гүн ухааны авидармын ёсонд сэтгэцийн үзэгдлийг тайлбарласан нь /диссертаци/. УБ., 67-р тал.*

Буддын шашин соёлын тайлбар толь, Буддын судлал (1999). Цуврал-II, Нэг, хоёрдугаар дэвтэр. УБ /зохиогчид: Ш. Чоймаа, Л. Тэрбиш, Д. Бүрнээ, Л. Чулуунбаатар/.

Васубанду. *Dharmadharmatavibhangavrtti*, Ном хийгээд номын чанарыг тийн ялгахуй, 28a-28b нүүр.

Жалгаа, Б. (2010). *Инжаннашийн оны бичиг*. УБ., 198-199-р тал.

Жүгдэр, Ч. (1978). *Агваанбалдангийн гүн ухааны үзэл*, УБ., , 57-р тал.

Зонхов. *Их бодь мөрийн зэрэг* /Byang chub lam rim chen po/ 121a.

Зы Си (2013). *Хэв дундын ёсон / орчуулсан М. Чимэдцэеэ*. УБ., 28-р тал.

Инжаннаши, В. (2010) *Ёжит зохиол сул тэмдэглэл тууж /Инжаннашийн бүрэн зохиол/. Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо.*

Сумадирадна (1959). *Төвөд монголын дохионы бичиг нэр үг утга гурвыг тодруулан харанхуйг арилгагч зул, I-II боть*, УБ. 265-р нүүр.

References

- Agvaanbaldan. *Praise of idolatry* / rten 'brel bstod pa'i grel / 36b.
- Batsuuri, A. (2011). *Explanation of mental phenomena in the avidarmic practice of Buddhist philosophy* (dissertation). UB., 67.
- Dictionary of Buddhism and Culture, Buddhist Studies* (1999). Series-II, Books One and Two. UB / authors: Sh. Чоймаа, Л. Terbish, D. Burnee, L. Chuluunbaatar/.
- Vasubandu. *Dharmadharmatavibhangavrtti, Thus the Distinction between Book and Book Quality*, 28a-28b.
- Zhalgaa, B. (2010). *Injannashi's letter*. UB., 198-199.
- Jugder, Ch. (1978). *Agvaanbaldan's philosophical views*. Ulaanbaatar, 57.
- Tsonkhov. *The degree of the Great Bodhi Line* / Byang chub lam rim chen po/ 121a.
- Zy Si (2013). *Moderation* / translated by M. Chimedtsee. UB., Page 28.
- Инжаннаши, В. (2010) *Yojit's novel is a weak note* / Injannashi's complete novel/. Inner Mongolia People's Press Committee.
- Sumadiradna (1959). *Tibetan-Mongolian Sign Language, Nouns, Senses, Darkness Eraser*, Volumes I-II, UB. 265.

ХАВСРАЛТ¹

Бурхан бодьсадын номыг уншваас буян садан дэлгэрээд
 Богд мэргэдийн бичгийг боловсруулбаас бодис бүхнээ нэвтэрч /48/
 Дэлхий дахины тэргүүн нэгэн бэрх чухал дунд хэвийн судар төгсөв.
 Буян эрдэмт их Чин улсын наймдугаар үеийн
 Эзэн хааны арван сүүдрийн хэр
 Бүрэлт засагчийн дөрөвдүгээр он
 Цагаан сарын арван нэгэн сахигч нэрт эзний өдөр шөнө зулын доор
 Хулгана цагийн эхэнд бичиж төгсгөн, өдрийг тэмдэглэв.

Инжаннаши би, миний бармагийн тоосны төдий мэдлээр агуу огторгуй мэт орчлонгийн үйлийг хянаваас, өдөр шөнө үргэлжлэн, жил сар золголдон үг үгүй, дуу үгүй, тэргүүнгудайн эргэцүүлэн тойруулан бодсоор, эцэст /49/ мөнхүү үг үгүй, үнэр үгүй, дуун үгүй, дүрс үгүйд хүрч зогсжээ. Юун хэмээвээс, эртний богд төрөлхтөн сургаалийг үлдээсэн нь хойч үеийн хүмүүн төрөлхтөнийг богд болгохуйн үүд онолт бөгөөтөл, эдүгээх цагт нэгэн зүйлийн буянт төрөлхтөн хэмээн гарч, үе үеийн улс төрд түрэмгий завшааныг эрхлэн шахагджээ. Ер Вэн, Ү хоёр вангийн мэт эзэн ба Жэү, Шоо хоёр гүнгийн адил сайд үл гарах нь юуны шалтгааныг эс олж мэдсэнээр дув дуугай, сэв сэмээр болохоос өөр юуныг сэтгэх, тиймийн тул илт туулсан Шагжамүни бурхан ийм ардад сэнхрэл болгон, дээд хоосны хаалганд дэвшүүлэх замыг нээн гаргасан ч буй еэ. /50/ Инжиннаши би хорин ес насалтал, намайг мэдэж чадсан нэгээхэн нөхөр, Шоо Хү, Жиян Шэн-гийн өгүүлсэн нь: “Улаан тоосны бид бээр, ном бичиг хоёроос бус зүйлийг хэлэлцвээс эсвээс биеэ магтмуй, эсвээс бусдыг

¹“Монгол үсгийн дунд хэв” “Ёжит зохиол сул тэмдэглэл тууж” /Инжаннашийн бүрэн зохиол/ Хөх хот, 2010, Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо 307-335-р тал.

буруушаамуй, эсвээс цагийг муушаамуй, энэ гурваас үл гармуй. Эрт, Вэн ван, Иү Ли хотод долоон жил эс хоригдсон аваас, “Еи Жинг ном” /“Зурхайт ном” 易经 yì jīng /-ыг хэн ялган гаргамуй. Пү Си, тэр мэт самуун цагт эс тохиолдсон бөгөөс “Цүн Чиү бичиг”-ийг /“Хавар намар” 春秋 chūnqiū / хэн үүдэн чадамуй? Еэ Гүн, Цоо Хэхотод эс хоносон болвоос, “Заү Ли судар” /“Ёслолт ном” 礼记 lǐ jì /-ыг хэрхэн нэгтгэмүй. Вэн ван бусдын бурууд “Зурхай”-г ялган чадав, Жэү гүн /51/ өөрийн үнэнчид “Ёслол”-ыг хоцруулан чадав, Пү Си, цагийн самуунд “Засаг”-ийг тодорхойлон чадав. Энэ гурван богд сая өөр бусад цаг энэ гурван гэмийг эрдэмт улируулан хэрэглэжээ. Илэрхий гэрч баримтат, богдын бичгийн туйлд хүрвээс ярагтаахоосон чанарын бурханы номын ухааныг түшиглэмүй, эдүгээгийн мэргэд өөрийн тусыг олохуйдаан үл хичээн бүгд бурханы тусыг олохыг хичээмүй. Энэ мөн, хоосны гаднах хоосон чанар бусуу? хэмээн бид хоёул нэгэн зэрэг элэг хөштөл инээлдсэн бөлгөө. Түүнчлэн, Инжаннаши би хэдүйбээр энэхүү “Дөрвөн бичиг”-ийн ухааныг баахан ч үл төсөөлөн бөгөөд цөлбөн бичсэн нь, /52/ хойч үед уншин төсөөлөгчид гарваас, барамын тоосны төдий, монголд тус болму хэмээсэн бөлгөө.

Ер миний мэдэж төсөөлсөн газар бяцхан ч үгүй, тийм боловч, багш нүгүүд битүү үгээр жолоодон сэнхрүүлэх, мянган утга, түмэн ухааны дотроос нэгэн ширхэг хагас мөхлөгийн төдий бараглан дагамжилсан миний энэхүү “дунд хэв”-ийн онолт нь чанараар эхлэн хоосноор төгссөн нь ил элэсоор удирласан болгон битүү эрдэмд хүрүүлэх арга шалтгаан мэт, богдын дүрмийг гадна илтгээд бурханы онолтыг дотроо агуулжээ. Инжаннаши би, ухааны хувьд багц төдий хүртэж төрсөн болбоос, урьд вангийн ёсыг сонсон төсөөлөх бөлгөө. /53/ Багш нөхөр Шоо Хү-гийн хэлсэн үг, бидний монголын шүтээн барилдлага ба шударгын буян нь хэдий зүйтэй мэт боловч, эдийн хишиг хийгээд ухааны хувь даан ч нимгэн, адагтаан ил гэгээн, тус гавьяат, соёлын ухаан үл төрөгдөх атал эчнээ нууц хоосон чанарт номын санваар хэрхэн дэлгэрсэн болов. Бидний энэ орны тэнгэрийн цаг мөс, гурван тохой дугуй хөлдмүй, газрын чадал цэцэг дөрвөн сард сая дэлгэрмүй, энэ нь бэлгийн амьсгал тавирчээ, уул болвоос орой үргэлжлэн, ус бөгөөс ёроол урвалхийлмуй, энэ нь шороон чадал мөхөсджээ. Тиймийн тул хүн нь зориг үгүй, амьтан нь өнгө үгүй, үүний дотор гол мөрөн үзүүр гарч далайд нэвтэрсэн, өвөр хэдэн хошууны /54/ хүн нь баахан мэдэлтэй шиг гэвч цолгорон нэвтэрч онцгой гарах нь машид цөөн. Олонх нь судар шинжвээс шарын шашны түйтгэр болмуй, бэхэс амталваас бичгийн хаалганы хулгай болмуй. Үүний дундаас гэнэт, өдрийн одон, шөнийн солонго мэт нэжгээд хошоод цолгорсон мэдэл ухаантан гарваас, од эсвээс эд чухаг, эсвээс эрх дутуу, эрхбиш нэгэн зүйлээр түүний хүчнийг бууруулж, цолгорон нэвтрэхэд хүрэх үгүй. Тиймийн тул манай Монголын бурхан ба богд гарахыг олонтоо олж сонсоогүй хэмээмүй. Аяа мөн болой, үнэн ажгуу. Үүгээр үзвээс, тэнгэр хүмүүнийг төрүүлэхүйд орон газрын чадал лугаа тэнцүүлэн хосолдуулан, барилдуулан төрүүлэхийг мэдвээс болох болой. /55/ Бурханы номонд үйлийн эрх хэмээмүй. Богдын бичигт тэнгэрийн төрөлх хэмээмүй. Түүний уг мөн чанарын онолт нь нэгэн адил, цөмөөр өнгө үгүй, үнэр үгүй, дуун үгүй, бод үгүй хоосон агаараар өөрийн хувьдаа ирж очихыг адилтган үлгэрлэн өгүүлсэн буюу. Тэнгэрийн төрүүлсэн хэмээгч Хурмаст тэнгэр түүнийг албадаж илгээснийг өгүүлсэн бус, бичгийн ёсонд илбэ ил гэрч, тодорхой тэмдэг үгүйг өгүүлэх үгүй тул, арга үгүй Хөх тэнгэр, гурван гэрэл, аянга, гилбэлгээнийг барьж, нийтээр итгэмжлүүлж, сайнд удирдах сэдлээр буюу. Богд Зы Си үйлийн эрхийг эс мэдсэн бус, бусдын эс мэдэхийг мэдэж тэнгэр хэмээсэн болой, Мэргэд бээр хянан шинжлэх ажаму. /56/

УДК 94(574)+930 (092)

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ЭЛИТА КАЗАХСКОГО СОЦИУМА XVII–XIX вв. В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ИРИНЫ ЕРОФЕЕВОЙ

Жанат Бековна Кундакбаева

доктор исторических наук, профессор

Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

E-mail: janbekkun@mail.ru

Айгуль Асхаткызы Нуратай

магистрант

Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

E-mail: aigulnuratay@gmail.com

А н н о т а ц и я

В данной статье личность и творчество казахстанского ученого Ирины Викторовны Ерофеевой, недавно ушедшей от нас, рассматривается как самостоятельный объект научной коммеморации. Круг ее интересов был довольно широк, а научное наследие поистине уникальное. В нашем исследовании предметом историографического анализа стали в основном работы И.Ерофеевой, касающиеся наследственной привилегированной элиты кочевого общества казахов в процессе колониального подчинения Российской империи, шедшего на протяжении довольно длительного исторического времени. В них ученый ясно и четко поставила вопрос о стратегиях поведения национальной наследственной элиты казахов в этот непростой для народа исторический период. И.Ерофеева представила не только полновесную картину ликвидации в Казахстане института ханской власти, но и того, как Российская империя в процессе колониального подчинения обошлась со «старым степным институтом, сословием традиционной знати – торе или султан». Именно И. Ерофеевой принадлежит постановка вопроса о мобилизующей роли традиционной правящей элиты казахов в противодействии царизму. Российская империя в конечном итоге, по словам ученой, добилась важной цели, поставленной перед началом колониального подчинения казахской степи – преломила господствовавшую в течение многих веков в сознании казахов непререкаемую привилегированность султанского сословия. Большое значение для изучения социальной стратификации казахского общества имперского периода имеют «четкие типовые критерии при определении статусной идентификации казахских правителей», разработанные И. Ерофеевой.

В целом, проведенный анализ исследований ученого в выбранном нами аспекте изучения ее работ определенно показал: Ирина Ерофеева навсегда вошла в мировую науку своим выдающимся вкладом в изучение истории казахского народа в момент колониального подчинения России, в особенности его наследственной аристократии.

Ключевые слова

Российская империя, колониальное подчинение, казахская наследственная элита, маркеры социальной стратификации казахского социума, ханская власть, биографии и эпистолярное наследие казахских ханов, ханская сфрагистика, генеалогия казахской правящей элиты.

UDC 94(574)+930 (092)

THE HEREDITARY ELITE OF THE KAZAKH SOCIETY OF THE XVII–XIX CENTURIES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF IRINA YEROFEYEVA

Kundakbayeva Zhanat Bekovna

Doctor of Historical Sciences,

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: janbekkun@mail.ru

Nuratay Aigul Askhatkyzy

master's student

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: aigulnuratay@gmail.com

Annotation

The personality and creativity of the Kazakh scientist Irina Viktorovna Yeropfeveva, who recently left us, is considered in this article as an independent object of scientific commemoration. Her range of interests was quite wide, and her scientific heritage was truly unique. In our study, the subject of historiographic analysis was mainly the works of I. Yeropfeveva concerning the hereditary privileged elite of the nomadic society of the Kazakhs in the process of colonial subordination of the Russian Empire, which went on for quite a long historical time. The scientist clearly and precisely raised the question of the strategies of behavior of the national hereditary elite of the Kazakhs in this difficult historical period. I. Yeropfeveva not only presented a full-fledged picture of the elimination of the institution of khan power in Kazakhstan, but also showed how the Russian empire dealt with the “old steppe institution, the estate of the traditional nobility – *töre* or *sultan*” in the process of colonial subordination. It was I. Yeropfeveva who raised the question of the mobilizing role of the traditional ruling elite of the Kazakhs in opposing tsarism. According to the scientist, the Russian Empire eventually achieved an important goal set before the beginning of the colonial subordination of the Kazakh steppe. It broke the indisputable privilege of the *sultan's* estate that had prevailed for many centuries in the minds of the Kazakhs. “Clear standard criteria for determining the status identification of Kazakh rulers” developed by I. Yeropfeveva are of great importance for the study of the social stratification of the Kazakh society of the imperial period. In general, the analysis of the scientist's research in the chosen aspect of studying her works definitely showed that Irina Yeropfeveva has forever entered the world science with her outstanding contribution to the study of the history of the Kazakh people at the time of the colonial subordination of Russia, especially its hereditary aristocracy.

Key words

Russian Empire, colonial subordination, Kazakh hereditary elite, markers of social stratification of Kazakh society, Khan's power, biographies and epistolary heritage of Kazakh khans, Khan's sphragistics, genealogy of the Kazakh ruling elite.

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2020 года казахстанская наука понесла невосполнимую утрату – ушла из жизни Ирина Ерофеева, талантливый ученый, оставивший яркий след в мировой науке и внесший значительную лепту в изучении истории казахского народа, в частности, политической культуры казахов в период колониального подчинения России. В условиях становления нового дисциплинарного опыта в постсоветском Казахстане нельзя переоценить место этого крупного ученого в мировой науке и ее научную деятельность. С трудами И. Ерофеевой знакомы не только специалисты в области имперской истории, но и все ученые, которые занимаются Казахстаном, Средней Азией и степными народами России. А. Моррисон, профессор Оксфордского университета, автор фундаментальной монографии по истории завоевания Центральной Азии, а также глубоких исследований «административной и политической истории российского колониализма» опубликовал некролог в ведущем издании – *Central Asian Survey* (Morrison, 2021). Американский профессор в проникновенных словах прощания с Ириной Викторовной Ерофеевой отдал дань искреннего уважения и признательности талантливому казахстанскому ученому, дал краткую и емкую характеристику ее работ и отметил значительный вклад одаренного историка в академическую науку республики и мировую историографию.

Предметом исследования в настоящей статье являются работы И. Ерофеевой, в основном посвященные изучению наследственной элиты казахского кочевого социума в период колониального подчинения казахов Российской империей. Цель: путем герменевтического прочтения ее работ представить многомерную картину трансформации казахского кочевого социума после прихода на их земли Российской империи. Опора на научное наследие Ирины Викторовны, вне сомнения, поможет ее единомышленникам и продолжателям решить новые исследовательские задачи в познании феномена степной цивилизации, изучении казахской национальной элиты и в целом степного народа, а также истории казахско-русских отношений. И нам ее коллегам, последователям и ученикам крайне интересно и познавательно узнать историю Казахстана и России XVIII–XIX вв. из работ именно этого блистательного ученого, как говорится, из первых уст, чтобы самим уверенно двигаться дальше в исследовательском поиске. И еще: в данной статье нам представляется крайне важным определить место Ирины Ерофеевой в научном пространстве Казахстана и мировой историографии и закрепить, что также немаловажно для нас, память об этом замечательном ученом и удивительном человеке.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основными материалами и источниками для данной статьи стали работы И. Ерофеевой, посвященные периоду колониального подчинения казахов Российской империи и изучению наследственной элиты казахского кочевого социума. Методологической основой нашего исследования являются принципы историзма и объективности, системный подход, ретроспективный и перспективный анализ. Их применение позволило охарактеризовать научные поиски и достижения ученого в получении исторических знаний о Казахской степи в рассматриваемый период

времени, представлении целостной картины развития казахского социума и наследственной национальной элиты в эпоху колониального подчинения казахов Российской империи. Комплексное изучение научного наследия И. Ерофеевой помогло нам в раскрытии во всем многообразии, насколько это возможно, ее яркой, творческой индивидуальности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде всего, предваряя наш разговор о творческом наследии И. Ерофеевой, хотелось бы сказать о недостаточной изученности ее научной биографии, об отсутствии специальных исследований о работах этого, несомненно, выдающегося ученого. Тем не менее, значительный вклад исследователя в мировую историографию подчеркивался многими историками: мы уже упоминали американского профессора Оксфордского университета А. Моррисона. По словам другого известного ученого, профессора университета Висконсин-Мадисон, доктора исторических наук Анатолия Хазанова, ее научная деятельность в постсоветский период «способствовала становлению исторической науки суверенного Казахстана ... Ирина была одним из лучших в мире специалистов по истории Казахстана XVIII–XIX веков, несмотря на то, что все ее работы опубликованы по-русски, не самом распространенном языке в научном мире, они хорошо знакомы и часто цитируются специалистами в самых различных странах от Японии до Америки».

Памяти И.В. Ерофеевой написана статья казахстанского ученого Каната Уксенбая. Как отметил К. Уксенбай, предметом ее исследований является история казахской элиты XVIII–XIX вв., политическая и военная история, источники и историография Нового времени. В своей статье автор, в частности, подробно остановился на работах И. Ерофеевой, посвященных жизни и деятельности казахских ханов и султанов. Дал краткий анализ и научную оценку многим ее трудам: фундаментальному двухтомному труду «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.»; монографиям, посвященным историческим персонажам – казахскому хану Абулхаиру, Жанибек-батыру и другим работам, где исследовались родословные казахских ханов, символы казахской государственности, казахско-джунгарские войны, Аныракайская битва.

Ирина Викторовна, неистовая в науке, всегда была рада встрече и творческому общению с такими же, как она, одержимыми исследователями. Выступая с докладом на Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России в г. Элисте, Ирина Викторовна с восхищением говорила о работах такого же превосходного знатока того периода истории, которым вплотную занималась она сама, калмыцкого ученого В. П. Санчирова. Доктор исторических наук Е. Н. Бадмаева вспоминает: «Надо было видеть лица этих двух одержимых в науке людей, неподдельно радовавшихся состоявшейся встречей на научном симпозиуме и чрезвычайно довольных от творческого общения друг с другом. После конференции они долго говорили, в основном на научные темы, каждый делился своим видением изучаемой ими исторической эпохи, высказывал собственные суждения, оценки событиям и определенным историческим деятелям. Сколько было у них обоих научных планов, как жаль, что им уже не суждено сбыться, так как два этих талантливых ученых ушли из жизни.

К слову сказать, калмыцкий ученый, уже после конференции, в разговоре с нами – своими коллегами – весьма высоко отозвался о научных работах Ирины Викторовны, именовал ее не иначе, как «неистовый рыцарь науки».

Ирина Викторовна как-то по-матерински тепло и особо трепетно относилась к талантливой молодой поросли ученых, в частности, из числа калмыцких ученых, всячески поддерживала их. По словам доктора исторических наук Леонида Боброва из Новосибирска, «наверное, как никто другой, она сделала очень многое, чтобы преодолеть историческое отчуждение, например, между казахами и ойратами. Помню, как на очередную конференцию она пригласила Владимира Тепкеева – нашего коллегу из Калмыкии. И Ирина Викторовна очень опекала его и всем говорила: «Вот он, настоящий ойрат, наследник ойратской славы!».

И такие примеры, характеризующие с самых разных и лучших сторон научные и личные качества Ирины Викторовны, могут привести многие ее коллеги по профессиональному цеху.

Среди богатого интеллектуального наследия И. Ерофеевой особо выделяется проведенное ею всестороннее исследование наследственной аристократии казахского общества во времена колониального подчинения Россией Казахстана в XVIII – XIX вв., отличающееся глубиной проникновения в изучаемую проблему, точными обобщениями и выводами. Общая концепция о характере русско-казахских отношений в указанный период, предложенная Ириной Викторовной и ее коллегами, хотя и лишена оценочных моментов, тем не менее, по большому счету, говорит о том, как произошло колониальное подчинение Казахстана Россией. В процессе изучения указанного периода Ирина Викторовна затронула в своих исследованиях отдельные проблемы непростых казахско-русских отношений, а именно: в чем заключались интересы Российского государства и степной аристократии? Какие новые смыслы привнесло российское колониальное подчинение в социальную структуру казахов?

Большое научное значение имеют выводы И. Ерофеевой о том, что вплоть до последней трети XIX в. Россия была весьма ограничена в своих попытках навязать свою волю казахской степи. Ее вывод об абсолютной несовместимости политических норм кочевников с российскими нормами и о разном понимании, что такое суверенитет у степных правителей и российских властей, является существенным вкладом в изучение намерений казахской элиты, которая обратилась с просьбой о подданстве России. И. Ерофеева в процессе исследования углубленно коснулась того, какие черты носила ханская власть до прихода Российской империи. Кто управлял казахским социумом в этот период? Как Российская империя обошлась, устанавливая свое господство над территориями казахов, с традиционными степными институтами: ханской властью, привилегированными сословиями казахского общества? Исследуя, в частности, привилегированную национальную элиту, И. Ерофеева написала в биографическом жанре ряд интересных и глубоких работ, вызвавших широкий научный интерес. Это и монографии разного жанра – от биографической книги об Абулхаир-хане или о генеалогии казахских ханов, биографических очерков казахских чингизидов до работ источниковедческого характера, в том числе по эпистолярному наследию казахской правящей верхушки и ханской сфрагистики. В процессе подчинения казахов Россия установила практически

полный контроль над «степными социально-политическими структурами» и в особенности над институтом ханской власти. Это был относительно долгий по времени и сложный по характеру процесс.

Российская империя, не имея достаточных ресурсов и не обладая полномочным знанием о характере власти ханов над степным населением, шла постепенно к полной отмене института ханской власти. Лишь в 1822 г. указом Александра I был ликвидирован институт хана в Среднем Жузе, в 1824 г. отменена ханская власть в Младшем Жузе, а в 1845 г. – в Букеевской Орде. И. Ерофеева писала: «Отмена института ханской власти, а вместе с ней и преимущественного права ханов осуществлять внеэкономическое регулирование социальной жизни казахов-кочевников, по сути дела, означала централизованное присвоение самодержавием права верховной поземельной собственности на территорию Казахстана» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 179). Вначале Российская империя получила право просто утверждать казахских ханов, потом назначать их, затем, разжигая междоусобицу между претендентами на ханский трон, «искусственно умножила количество ханов». Преследуя свои цели, Россия стала сажать на трон «самых послушных, но малоавторитетных и недееспособных султанов» и отстранять от власти «излишне самостоятельных и потенциально независимых ханов». В конечном итоге «в результате этой целенаправленной политики в конце второго десятилетия XIX в. были созданы все необходимые условия для ликвидации института ханской власти и глубоких социально-политических преобразований» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 175).

Неотъемлемой частью данной концепции является не только процесс ликвидации ханской власти у казахов, но и то, как Российская империя в процессе колониального подчинения обошлась с традиционными социальными институтами казахского общества (султаны, старшины, бии) путем создания аппарата внеэкономического принуждения (регулярные войска, казаки и административный аппарат) (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 190). Российская империя к концу 60-х годов XIX в. полностью отменяет «сословные привилегии всей элиты белой кости» и «генеалогической системы доминирования», но делает это без резких шагов, не применяя силовые методы. В 20-40 гг. XIX в. имперская власть проводит «политику правовой и административной поддержки сословного престижа и имиджа казахских султанов». Далее она усиленно проводит политику «постепенного приспособления традиционной правящей элиты кочевников к вводимым инновациям и инкорпорацию ее наиболее перспективных представителей в сословно-бюрократическую систему Российской империи». С этой целью создаются органы среднего уровня, которые стали называться «старший султан», «султан-правитель». И. Ерофеева пишет: «В этот период основной акцент в политической деятельности высших российских должностных лиц был перенесен в сословия торе или султанов, на тех представителей «белой кости», которые, по их мнению, «наиболее перспективны», «влиятельны» и «хотели бы быть полезными России»... проявляли стремление «верно служить» интересам российского престола и неуклонно проводить цели имперской политики в жизнь». Именно из числа таковых подбираются и назначаются представители султанского сословия в органы исполнительной власти на местах. Те из султанов, кто был, по мнению имперской власти, нелоялен к России, законодательно лишались права на политическую власть (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 180).

Ирина Викторовна определила новые смыслы, которые привнесла Россия в социальные отношения казахов, и показала, каким образом они поменялись в казахской степи. Теперь место человека определяется не его происхождением, а верностью империи, заслугами перед Россией. При этом, как отмечают авторы, Россия искусно сочетает политику дискриминации отдельных султанов, срамливания их друг с другом с политикой материального (освобождение от налогов) и морального (медали, поездки во двор, присвоение звания майор, Табель о рангах) стимулирования, «венцом которой стала возможность для султанов стать дворянами, с правом на частное наследственное землевладение» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 181-184).

Как видим из исследований Ирины Викторовны и совместных ее с другими авторами работ, Россия в результате проводимой целенаправленной и изоциренной политики смогла расколоть «господствующий слой традиционного кочевого общества» и привлечь отдельных ее представителей на службу империи. Заслуга И. Ерофеевой еще и в том, что она ясно и четко поставила вопрос о стратегиях поведения наследственной аристократии казахов в результате колониального подчинения России. Одни султаны стали «государственными служащими колониального аппарата, на базе которых происходило постепенное формирование бюрократической прослойки местных управленцев» (Масанов, Ерофеева и др., 2001: 182). Другая же часть султанского сословия стала во главе противников России. Именно И. Ерофеевой принадлежит постановка вопроса о мобилизующей роли традиционной правящей элиты казахов в противодействии царизму. Она доказательно показала, что российское правительство, увидев многолетнюю оппозиционность, мобилизующий потенциал, влияние, ресурсы, которыми обладают противники его власти, отказалось от правовой и административной поддержки сословного престижа и имиджа казахских султанов, особенно после восстания Кенесары Касымова. В противовес оппозиционной национальной элите, чтобы ущемить ее привилегии, российская власть допустила избрание на должность старшего султана не только лиц султанского происхождения. Это было официально узаконено 23 февраля 1855 г. положением Сибирского комитета «О порядке избрания по Сибирской степи в старшие султаны». Более того, с конца 60-х гг., как мы сказали выше, происходит полная отмена сословных привилегий всей элиты «белой кости» и генеалогической системы доминирования. Тем самым и таким образом Российская империя добилась своей цели – преломила господствовавшую в течение многих веков в сознании казахов непререкаемую привилегированность султанского сословия и предложенными новациями по ограничению его наследственных прав укрепила свое влияние в регионе.

В своем некрологе А. Моррисон особо подчеркнул, что И. Ерофеева в исследованиях обращала пристальное внимание на взаимоотношения казахских чингизидов с российской элитой в XVII–XIX вв. Она внимательно изучила сложившийся расклад среди казахской правящей элиты – чингизидов – после прихода Российской империи в казахскую степь. В предшествующей историографии исследователи показали политическое и статусно-правовое положение казахских чингизидов. И. Ерофеева, продолжая изыскания по данному вопросу, досконально исследовала социальные и культурные аспекты жизни аристократического сословия казахов, его роль и место в общественной жизни в имперский период.

Современная наука не стоит на месте, она стремительно развивается. Сегодня изучение истории характеризуется появлением новых исследовательских дисциплин, опирающихся на старые методологические подходы, в частности, вновь актуальным стал материалистический подход. Потому, видимо, не случайно, И. Ерофеева стала пристально изучать предметно-вещевой мир казахских чингизидов, символику повседневной жизни, что дало ей возможность представить маркеры социальных статусов/социальной стратификации казахского социума (Ерофеева, Усманова, 2014: 643-669).

Для изучения социальной стратификации казахского общества имперского периода большое значение имеют разработанные И. Ерофеевой «четкие типовые критерии при определении статусной идентификации казахских правителей». Так, исследователь определила, что султанами в казахском обществе называли тех чингизидов, «которые возглавляли разные по величине ассоциативные группировки кочевников» (союзы родов, племен, жузов) «и были непосредственно задействованы в структурах политического управления казахским обществом. Все же остальные выходцы из аристократического сословия торе, которые не управляли социальными подразделениями казахского населения и не имели своего собственного пастбищного надела юрта, султанами не назывались и не имели каплевидной печати» (Ерофеева, 2001: 23).

В отношении изучения социальной стратификации национального социума Ирина Викторовна опередила время и открыла дорогу будущим исследователям, дала направление исследовательского поиска. В блестящих работах источниковедческого характера И. Ерофеева показала, как в степном этикете отражались привилегии наследственной аристократии казахов. Она коснулась в своих исследованиях вопроса о почетных титулах, присваиваемых за военные заслуги. Ирина Викторовна определила, что титул бахадур / батыр являлся для казахов почетным званием или эпитетом. «Батыром казахи называли любого храброго и опытного воина» (Ерофеева, 2001: 23). Данным титулом наделяли представителей, как наследственной казахской элиты, так и неаристократического сословия. Но для султанов это звание имело большое значение: при избрании хана крупные боевые подвиги служили своеобразным пропуском в ханы. Получение данного звания, его престиж напрямую зависели от степени военной угрозы казахам со стороны других народов и племен. Исследователь обратила внимание на исчезновение титула «бахадур» в удостоверительных формулах султанов после относительного завершения многочисленных войн казахов с джунгарами.

Особой заслугой И. Ерофеевой является всестороннее изучение верховной власти у казахов. Здесь следует отметить, что исследователь считала, что у казахов существовали достаточно развитые и определенным образом оформленные структуры власти разных вертикальных уровней, унаследованные от тюрков. В то же время она говорит об особенностях верховной власти у казахов: «о дискретном, пульсирующем и обратимом характере централизации властных полномочий на уровне верховной власти» и принципе меритократии и персонифицированном характере всей системы властных отношений у казахов» (Ерофеева, 2001: 35). Исследователь показала, что в основу наследования титула хана были положены два основных принципа: генеалогическая система родства и принцип меритократии (Ерофеева, 2001: 25). Кто из чингизидов мог стать ханом в казахском обществе? Не самый знатный и близкий

человек по происхождению к предыдущему хану, а самые сильные, влиятельные, авторитетные среди кочевников султаны, которые проявили себя в военной и организационно-управленческой сферах и на основе этих личных качеств имели поддержку самых влиятельных родов. Таким образом, она определила принципы передачи верховной власти у казахов – «симбиоз генеалогического и меритократического принципов» и «соответственно отсутствие строго регламентированного порядка наследования политической власти на институциональном уровне» (Ерофеева, 2001: 25).

Другим значительным вкладом в изучение казахской политической культуры эпохи колониального подчинения является династическая генеалогия казахских чингизидов. По словам Б. Сужикова, книга И. В. Ерофеевой «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники)» положила конец путанице в титулатуре, именах и родственных связях казахской правящей элиты периода средневековья: «Несмотря на почти герметическую замкнутость казахской правящей верхушки, превалирующую эндогамию и привнесенную извне систему дележа властных отпращиваний, генеалогия казахских торе, сайидов и кожа, представленная в книге, свидетельствует о высокой внутренней динамике аппарата господства меньшинства... родословные древа... впервые продемонстрированные в композиционном ракурсе и строгой иерархической классификации предоставляют щедрый материал... для исследований в области казахской политической истории. Они дают ключ к пониманию того, как за счет скрытых, на первый взгляд, солидирующих инструментов семейно-клановых связей... правящий класс, унаследовавший стереотипы круговой поруки монгольского имперского истеблишмента, осуществлял управление казахским социумом. Управление имело имманентные формы представительской и исполнительной власти, основанные на принципах степной демократии казакшылык» (Ерофеева, 2003: 4).

И. Ерофеева в своих работах представила тщательно выверенную поколенную летопись семей казахских ханов: Аблая, Абулхаира, Батыра и Барака. Линию казахских ханов XVI–XVII вв. она ведет от девятого сына Жанибек-хана (одного из основоположников Казахского ханства) – Жадик-султана, а после возведения на трон в 1710 г. Абулхаира и Осек-султана от восьмого сына – Жанибек-хана.

Как видим, труды И. Ерофеевой о казахских ханах – конкретных субъектах властных отношений – занимают большое место в изучении ханской власти в Казахстане. Биографические очерки казахских чингизидов, персональный состав правящей казахской элиты, степень генеалогического родства между ними – вот неполный перечень результатов ее исследований. Благодаря И. Ерофеевой сегодня мы имеем галерею казахских ханов разного ранга, их биографии, реконструированные на основе тщательно выверенных источников. К примеру, третья часть книги о символах казахской государственности состоит из ряда кратких очерков о казахских ханах и султанах с семнадцатого по девятнадцатый века (Ерофеева, 2001: 106-114). Несмотря на краткость, очерки о казахских ханах – это результат многолетних изысканий, потребовавший огромных усилий. И. Ерофеева уточнила годы жизни и правления казахских ханов, представила информацию о казахских родах, которыми они управляли, местах кочевания. Так, непреходящую ценность имеет информация

об Абулхаир-хане, «титулованном правителе Младшего Жуза» (Ерофеева, 2001: 107–114); Абулмамбете, хане Среднего Жуза 1739–1771 гг. (Ерофеева, 2001: 115); Нуралы, хане Младшего Жуза 1748–1786 гг. (Ерофеева, 2001: 115–118); Барак-султане, хане группы казахских родов Среднего и Старшего жузов (Ерофеева, 2001: 118–121); Пиралы-хане, 1770–1805 титулованном правителе мангышлакских туркмен и казахов рода адай (Ерофеева, 2001: 121–123); Аблае 1771–1780 гг., хане Среднего и Старшего Жузов (Ерофеева, 2001: 123–128).

Вклад И. Ерофеевой в изучение правящей элиты казахов Б. Сужиков определил, таким образом, выделив суть: это «персонификация людей, наложивших определенный отпечаток своей деятельностью на государственную историю» (Ерофеева, 2003: 3). Можно по праву сказать, что в казахстанской историографии ни по какому периоду нет трудов, равных по уровню книгам Ирины Викторовны. Венцом данного направления в исследовательской деятельности И. Ерофеевой явилась монография об Абалхаир-хане. И. Ерофеева, давая взвешенную оценку Абулхаиру, показывает его как проницательного политического деятеля, одержавшего ряд побед над калмыками (Ерофеева, 2007). Книга вызвала заслуженное внимание специалистов по истории Казахстана колониального периода (Моисеев, 2000) не только своей источниковой базой, панорамным взглядом на жизнь казахского общества и, в частности, правящей верхушки в период джунгарской агрессии, но и принципиальной трактовкой характера русско-казахских отношений в момент обращения Абулхаир-хана к российской императрице с просьбой о подданстве. По словам оксфордского профессора А. Моррисона, И. Ерофеева представила совершенно новый взгляд на характер отношений Абулхаира с Россией (Morrison, 2021). Обращаясь к российской императрице с просьбой о подданстве, Абулхаир рассматривал его как союз, а не подчинение и зависимые отношения. Эту линию в трактовке русско-казахских отношений И. Ерофеева продолжила в последующем, публикуя письма казахских ханов. Она считала, что отношения между правящей элитой казахов и российским государством носили сугубо прагматичный характер. Было ясно, что в той исторической ситуации военная и экономическая мощь от кочевников переходит к оседлым обществам и хозяйствам. Поэтому казахская правящая элита была вынуждена считаться с этим новым геополитическим раскладом и примириться со своими оседлыми соседями – Россией, Китаем, Хивой и Кокандом. Казахская правящая элита не только получала от России подарки, льготы в торговле, но и имела возможность укрепить свою власть над казахским кочевым обществом. И Абулхаир и Аблай использовали эти возможности умело, однако Аблай имел некоторое преимущество – возможность вести переговоры с Цинами, с которыми у него отношения были ближе, чем с Россией.

В преамбуле к двухтомному изданию писем казахских ханов И. Ерофеева подчеркивает, что письма казахских ханов показывают, что Россия была весьма ограничена в своих попытках навязать свою волю казахской степи вплоть до последней трети XIX в.: «Объемная переписка, порожденная этими отношениями, также обнаруживает, как пределы возможностей Российской Империи навязать свою волю степи до третьего десятилетия девятнадцатого века» были абсолютно несовместимы со «степными политическими нормами с преобладающими ограниченными и исключительными идеями суверенитета в Оренбурге, Омске и Санкт-Петербурге».

Корень противоречий видится в разном понимании, что такое суверенитет у степных правителей и российских властей, что вызывало определенные трения между ними. И. Ерофеева опережает время, придя к выводу, что ни концепция колониального угнетения, ни концепция сопротивления не могут охватить всего сложного, многообразного характера русско-казахских отношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

И. Ерофеева оставила после себя превосходные образцы источниковедческих исследований, где речь идет «о главных символах традиционной казахской государственности эпохи ее становления и последующего развития» – прикладных печатях казахских ханов и султанов (Ерофеева, 2001: 9). И. Ерофеева была автором проекта, введения, биографии ханов, научных комментариев, явилась составителем и ответственным редактором сборника документов, который навсегда вошел не только в казахстанскую, но и мировую науку как весьма ценная коллекция документов. А. Моррисон очень высоко оценил двухтомное издание писем казахских ханов: «что за фундаментальный труд – тщательно отредактированный, великолепный и важный ресурс для всех, кто изучает российские степные рубежи конца XVII – начала XIX вв.» (Morrison, 2021). Ее книги снабжены необходимыми пояснениями и научными комментариями. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку сегодня академическое пространство постсоветского периода заполнили издания сборников документов совершенно дилетантского характера, без каких-либо авторских пояснений и научно-справочного аппарата.

И. Ерофеева выявила характерные особенности традиционной сфрагистики казахской правящей элиты – каплевидная форма печати, среднеазиатский (чагатайский) тюрки, вырезанный способ нанесения резьбы на матрицу и арабская графика, черный цвет оттиска рукописного оригинала. В книге опубликованы 31 факсимиле оттисков печатей казахских ханов, из которых 29 принадлежит титулованным особам. Но для того, чтобы опубликовать их, потребовались годы неутомимой работы. И. Ерофеева нашла и проработала четыреста сорок три оригинала писем казахской правящей элиты. В них было выявлено сто восемнадцать печатей двадцати пяти лиц. В книге были изданы только самые четкие образцы. Печати изданы по мировым канонам сфрагистики. В издании печать сопровождается полный текст легенды, полное имя владельца, хронологические рубежи, размер оттиска, количество четких экземпляров оттисков, адресаты и даты заверенных печатью писем, места, где хранятся оригиналы и т.д. (Ерофеева, 2001: 33).

Данная работа важна и с исторической точки зрения, поскольку коснулась целого ряда социокультурных и политических проблем. Прежде всего, это касается проблемы особенностей функционирования ханской власти в кочевом обществе казахов. Книга ценна не только глубоким источниковедческим анализом «казахской чингизидской сфрагистики», но и тем, что в ней показана история «казахской правящей ветви чингизидов». Сведения, которые И. Ерофеева извлекла из лаконичной информации удостоверительных легенд печатей казахских правителей (Ерофеева, 2001: 29), стали важным источником по социально-политической истории Казахстана. Она показывает, как со временем менялась политическая и социокультурная жизнь казахов. Ханская печать была для Российской империи символом легитимности выступать от

имени казахов, для самих ханов – своеобразным удостоверением личности. Обращение к основным символам ханской власти как «института внешнего оформления верховной власти в любом государстве» стало добротной основой для участия И. Ерофеевой в дискуссии о том, была ли государственность у казахов.

Как отмечает сама И. Ерофеева, в сборнике опубликованы триста шестнадцать переводов писем казахских ханов и султанов, а также две с половиной тысячи писем казахских ханов и султанов, из которых одна тысяча семьсот пятьдесят впервые были опубликованы. Письма выявлены в архивах России (АВПРИ, РГАДА, РГИА), Китая, Турции и Узбекистана. Значение данных документов огромно, поскольку ученые всего мира испытывают настоящий голод в документах, которые исходили бы от самих казахов, так как корпус письменных источников представлен в основном только документами, исходившими от России (Ерофеева, 2014).

Для казахстанской науки данный сборник имеет непреходящее значение, поскольку опубликованные в последние годы не имеют научной ценности. Дело в том, что большинство авторов откровенно «пренебрегли общепринятыми в науке правилами издания исторических источников» или вовсе не были знакомы с таковыми. Большое количество изданий обесценено, потому что не содержат никаких материалов научно-справочного характера, факсимиле архивных текстов, научных комментариев, биографий авторов, а также не знакомы с правилами воспроизведения текстов по современным правилам (на основе новейшей грамматики какого-то бы то ни было языка с сохранением стилистических или фонетических особенностей подлинника, не дают имена собственные, специальные термины, этнические и географические названия в транслитерации оригинала). В этом смысле публикация И. Ерофеевой писем казахских ханов является для молодых ученых образцом того, как нужно публиковать исторические источники. Ученого отличает крайняя скрупулезность на всех стадиях публикации исторических документов. Еще в своей ранней работе – публикации путевых заметок, записок, отчетов русских путешественников середины XVIII – первой половины XIX вв., среди которых восемнадцать неопубликованных, рукописных записок путешественников по казахским степям, – И. Ерофеева строго соблюдала археографические правила публикации документов. Труды русских авторов по географии, топонимике и исторической этнографии Казахстана опубликованы по современным правилам грамматики русского языка с сохранением стилистических и фонетических особенностей подлинника. Имена собственные, специальные термины, этнические и географические названия даны в транслитерации оригинала. Примечания авторов текстов помечены звездочками и помещены ниже основного текста, примечания авторов сборника, помеченные арабскими цифрами, приведены в подстрочнике постраничных текстов¹.

¹Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о казахской степи XVIII – середины XIX века: Сб. док и мат-лов / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 758 с.; Ерофеева, И.В. Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII-первой трети XVIII века. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 178 с.; Андреев, И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков И.Г. Андреев, И.В. Ерофеева. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.; Ерофеева, И.В. История Казахстана в западных источниках. Алматы: Санат, 2006. 408 с.; Ерофеева, И.В. Казахстан второй половины XIX – первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. – Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата, 1979. – 28 с.

Таким же образом опубликовано и эпистолярное наследие казахской правящей верхушки. И. Ерофеева является автором великолепного очерка с всеобъемлющей характеристикой видовых особенностей источника, особенностей создания, языка, орудий письма, состава документов (Ерофеева, 2014: 15–77). И. Ерофеева является образцом для подражания и в смысле скрупулезного цитирования всех тех, кто в той или иной мере занимался письмами казахских ханов. Не секрет, что сегодня и в России, и в Казахстане авторы страдают тем, что больше озабочены контролем индекса цитируемости конкурентов, нежели научной добросовестностью. Часто молодые ученые представляют крайне усеченную версию историографии.

Кроме высокопрофессионального источниковедческого очерка огромную ценность имеют приложения и указатели (научно-справочный аппарат). Так, И. Ерофеева представила таблицу «Хивинские ханы из казахской ветви джучидов» (Ерофеева, 2014: 619–621). Данная таблица – плод ее многолетних изысканий. Список казахских ханов, сидевших на троне Хивинского ханства, является огромным вкладом в изучение династии чингизидов, ханских династий в Казахстане и Центральной Азии, сферы действия монгольского права восемнадцатого века.

И. Ерофеева в данном сборнике документов провела кропотливую работу по составлению списка переводчиков у казахских ханов. Данное приложение имеет непреходящее научное значение, поскольку, как известно, казахские ханы писали не сами, а в создании писем использовались писари из татар и башкир (будь то в найме или взятые в плен). И на сегодняшний день дискуссионным является вопрос: можно ли считать авторами писем ханов. Создание сводной таблицы писарей казахских ханов является солидной базой для изучения каждого конкретного случая. От выяснения образовательного уровня, происхождения, степени грамотности писарей зависела и степень их участия в создании письма. Таким образом, с полным основанием можно считать, что издание И. Ерофеевой писем казахской правящей элиты является крупным вкладом в источниковедение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трудах И.В. Ерофеевой представлена полная история «казахской ветви чингизидов». Эта история не только политическая, но и прежде всего социальная и культурная. Это история не только о том, как Российская империя обошлась со «старым степным институтом, сословием традиционной знати – торе или султан» в процессе колониального подчинения, но и история о вещественном мире, которые окружали правящую казахскую элиту и символикe власти и символикe повседневной жизни, маркерах социальной стратификации и социальных статусов. Ей принадлежит заслуга в изучении социальных и культурных аспектов жизни аристократического сословия казахов. Однако объектом исследования И. Ерофеевой был не только правящий слой, но все чингизиды. Ученый определяет два статуса казахских чингизидов эпохи Нового времени. Первая группа султанов, наследственных чингизидов, включала носителей светской власти в казахских жузах. Они были правителями групп родов, племен и племенных союзов и имели свой йурт – собственный пастбищный надел. Вторая группа была представлена просто чингизидами, которые не имели йурта и не управляли социальными подразделениями кочевников.

И. Ерофеева активно участвовала в обсуждении многих дискуссионных вопросов, ставших особенно актуальными в современный период обретения казахским народом государственности. Памятно ее участие в дискуссии, касающейся вопроса о существовании у казахов государственной модели организации социума, отрицании традиций государственной власти у кочевников. Изучая проблемы функционирования ханской власти в казахском кочевом социуме, а также символов верховной власти, И. Ерофеева не отрицает наличия государственности у казахов. Она считала, что у казахов существовали достаточно развитые и определенным образом оформленные структуры власти разных вертикальных уровней, унаследованные от тюрков. В то же время она говорит об особенностях верховной власти у казахов: «о дискретном, пульсирующем и обратимом характере централизации властных полномочий на уровне верховной власти» и принципе меритократии и персонифицированном характере всей системы властных отношений у казахов.

Вторая дискуссия, в которой также активно участвовала Ирина Викторовна, касалась вопроса о характере господства Российской империи над казахской степью. Как подчеркивает профессор Оксфордского университета А. Моррисон, И. Ерофеева никогда не уклонялась от описания характера экспансии российского правления в Центральной Азии как колониальной и отвергала советскую формулу «наименьшее зло». В четырехступенчатой схеме колониального подчинения Россией Казахстана И. Ерофеева и ее коллеги емко и четко показали, как Российская империя на протяжении 1730–1868 гг. постепенно шла к полному подчинению казахских земель власти Российской империи. Со временем ей удалось установить, насколько это возможно, практически полный контроль над «степными социально-политическими структурами» и в особенности над институтом ханской власти. В концепции колониального подчинения Казахстана И. Ерофеева представила полновесную картину ликвидации институтов власти у казахов, введения на их кочевой территории российской системы управления, а также окружения казахских земель цепью хорошо оснащенных крепостей и фортпостов. Российской империи удалось расколоть казахскую наследственную элиту путем предоставления ей различных преференций, сглаживания, подкупа и пр. Одна часть казахских чингизидов стала государственными служащими российского аппарата управления, частью бюрократической системы России. Другая часть султанского сословия стала во главе противников России, которая по мере укрепления российского влияния в регионе стала терять свою былую силу и со временем сошла с политической арены. В конечном итоге Казахстан в результате колониальной экспансии стал частью имперской России.

И. Ерофеева в своих многолетних научных изысканиях о наследственной национальной элите пыталась найти глубинные ответы на историю русско-казахских отношений, проблемы развития тогдашнего казахского общества. В своих тщательно выверенных выводах, оценках происходивших событий и исторических персонажей она основывалась на найденных ею многочисленных документах из различных архивов, а также мнениях и суждениях своих коллег. Своим преданным отношением к науке, своими великолепными научными трудами Ирина Викторовна Ерофеева всегда будет образцом для подражания многим поколениям молодых ученых.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарим доктора исторических наук, профессора Ж. Абылхожина, друга и соратника И. Ерофеевой, за воспоминания и ценные советы.

Литература

Ерофеева, И.В. (2001). *Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время)*. Алматы: Аркаим.

Ерофеева, И.В. (2014). *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.* / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани».

Ерофеева, И.В. (2003). *Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв.* Алматы: ТОО «Print-S».

Ерофеева, И.В. (2007). *Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик*. Алматы: Дайк-Пресс.

Ерофеева, И. В. (2001). Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865 гг.). *История Казахстана: народы и культуры*: Учебное пособие / Масанов Н. Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс.

Ерофеева, И.В., Усманова, Э.Р. (2014). Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII–первой четверти XIX вв. *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов* / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ компании».

Масанов, Н.Э., Абылхожин, Ж.Б., Ерофеева, И.В. (2007). *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. Алматы: Дайк-Пресс.

Моисеев, В.А. Ерофеева И.В. (2020). Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. *Вестник Евразии*. 2000. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irina-erofeeva-han-abulhair-polkovodets-pravitel-i-politik> (дата обращения: 07.06.2021).

Сужиков, Б.М. (2003). От редактора. Ерофеева, И.В. *Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники)*. Алматы: Print S.

Morrison, Alexander (2021). Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020). *Central Asian Survey*. Vol. 40, No. 3, pp. 474–476.

References

Erofeeva, I. V. (2001). *Symbols of the Kazakh statehood (late middle ages and modern times)*. Almaty: Arkaim (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2014). *Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675-1821* / Vved., biogr., comment., comp. and ed. by I. V. Erofeeva. T. I. Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780. Almaty: ABDI Company (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2003). *Pedigrees of Kazakh khans and tribal group kozha of the XVIII-XIX centuries*. Almaty: Print-S LLP (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2007). *Khan Abulhair: commander, ruler, politician*. Almaty: Dyke-Press (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2001). The evolution of the Khan's power and the inclusion of Kazakhstan into the Russian Empire (1731-1865). The history of Kazakhstan: peoples and cultures: A textbook / Masanov N. E. et al. Almaty: Dyke-Press (in Russian).

Erofeeva, I. V., Usmanova, E. R. (2014). External insignia of the ruling Kazakh elite of the XVIII-first quarter of the XIX centuries. *Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675-1821* / Vved., biogr., comment., comp. and ed. by I. V. Erofeeva. T. I. Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780 Almaty: JSC "ABDI companies" (in Russian).

Masanov, N. E., Abylkhozhin, Zh. B., Erofeeva, I. V. (2007). *Scientific knowledge and myth-making in the modern historiography of Kazakhstan*. Almaty: Dyke-Press (in Russian).

Moiseev, V. A. Erofeeva I. V. (2020). Khan Abulhair: commander, ruler and politician. *Bulletin of Eurasia*. 2000. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irina-erofeeva-han-abulhair-polkovodets-pravitel-i-politik> (date of reference: 07.06.2021) (in Russian).

Uzhikov, B. M. (2003). From the editor. *Yerofeyeva, I. V. Genealogies of Kazakh khans and leather of the XVIII-XIX centuries (history, historiography, sources)*. Almaty: Print S (in Russian).

Morrison, Alexander (2021). Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020). *Central Asian Survey*. Vol. 40, No. 3, pp. 474–476.

УДК 902.2 (470.47)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРОЖИВАНИЯ – ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОЛГО-МАНЫЧСКИХ СТЕПЯХ

Мария Александровна Очир-Горяева

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: mariaochir@gmail.com

А н н о т а ц и я

Актуальность изучения археологических памятников проживания – поселений эпохи бронзы в Волго-Манычских степях – заключается в том, что в отечественной науке данный пласт памятников практически не изучен, и исследования по ним опубликованы в малом количестве, в отличие от погребальных памятников – курганов. Тем не менее целенаправленный поиск поселений эпохи бронзы и раннего железного века на территории нашей страны велся и ведется многими археологами, в том числе и автором данного исследования. В ходе раскопок в Волго-Манычских степях обнаружены сотни мест проживания или стоянок. В настоящей статье мы продолжили развернутое изучение поселения, найденного в 1976 г. Е. В. Шнайдштейн на территории Республики Калмыкия, на берегу озера Заханта. Дополнительные исследования этого уникального археологического памятника, проведенные нами в 2002 г., показали, что там находятся два поселения срубной культуры. Материалы проведенного исследования позволили выявить общие и особенные черты поселений в эпоху бронзы в Приволжье как части степей от Карпат до Урала, определить тип хозяйств племен, населявших данную местность, дать более или менее ясное представление о протекавших на территории культурно-исторических процессах в рассматриваемый нами исторический период.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Волго-Манычские степи, памятники проживания, эпоха бронзы, курганы, типы хозяйств, кочевники, скотоводство, стоянки, поселения.

UDC 902.2 (470.47)

ARCHAEOLOGICAL SITES OF RESIDENCE – BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE VOLGA-MANYCH STEPPES

Ochir-Goryaeva Maria A.

Dr. Sc. (History), Chief Researcher Associate,
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russian Federation
E-mail: mariaochir@gmail.com

Annotation

The relevance of the study of archaeological sites of residence – a Bronze Age settlement in the Volga-Manych steppes – lies in the fact that in Russian science the place of residence has not been studied and studies on them have been published in small quantities, in contrast to funerary monuments-barrows. The main reason for this “inattention” on the part of scientists lies in the small size of these settlements, which is why they are usually referred to as “seasonal camps of mobile cattle breeders” rather than permanent dwellings. Nevertheless, a targeted search for settlements of the Bronze and Early Iron Age on the territory of our country was conducted and is being carried out by many archaeologists, including the author of this study. During excavations in the Volga-Manych steppes, hundreds of places of residence or sites were discovered. One of them is a settlement found in 1976 by E.V. Schneidstein on the territory of the Republic of Kalmykia, on the shore of Lake Zakhanata. Additional studies of the archaeological site, conducted by us in 2002, showed that there are two settlements of the carcass culture. In this article, we continued a detailed study of this unique cultural monument located in the Kalmyk steppe. The materials of the study allowed us to identify the general and special features of settlements in the Bronze Age in the Volga region as part of the steppes from the Carpathians to the Urals, to determine the type of farms of the tribes inhabiting this area, contributed to the formation of a more or less clear idea of the cultural and historical processes taking place on the territory in the historical period.

Key words

Volga-Manych steppes, living monuments, the Bronze Age, barrows, types of farms, nomads, cattle breeding, parking, settlements

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени культура населения бронзового века Волго-Манычских степей Приволжья изучалась только по материалам погребальных памятников-курганов. Материалы с мест проживания в степи из-за небольших размеров традиционно относились к «сезонным стоянкам подвижных скотоводов» и не были практически изучены и опубликованы. В российской археологии вследствие недостаточной изученности проблемы сложилась точка зрения о зарождении номадизма в восточноевропейских степях в эпоху бронзы. В один узел переплелись или связались две разные проблемы – вопрос о культурно-хозяйственном типе населения восточноевропейских степей в бронзовом веке и вопрос о возникновении кочевого скотоводства. Между тем оба вопроса можно рассматривать отдельно друг от друга, как две самостоятельные исследовательские проблемы, каждая из которых имеет свой круг источников и, безусловно, требует отдельного исследования.

Поэтому, как нам представляется, такую вполне конкретную научную проблему, как вопрос о типе хозяйства племен эпохи бронзы Приволжья как части степей от Карпат до Урала, лучше исследовать используя оба вида археологических источников – погребальные памятники и места проживания (поселения или стоянки) Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI – III в. до н.э.

Предметом исследования в данной статье являются археологические памятники проживания – поселения эпохи бронзы в Волго-Манычских степях. Целью работы является характеристика поселений эпохи бронзы данного региона, определившая основную задачу статьи – выявить типичные и особенные черты поселений эпохи бронзы Волго-Манычских степей Приволжья. В исследовании важнейшей научной проблематики, связанной с изучением культуры населения бронзового века в приволжских степях, мы видим актуальность данной статьи. Развернутое изучение поселений эпохи бронзы в Волго-Манычских степях способствует формированию более или менее ясного представления о культурно-исторических процессах, протекавших в эпоху бронзы на данной территории, позволяет определить тип хозяйства в приволжских степях в рассматриваемый нами период.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу работы положен принцип историзма о закономерностях развития общества. Исследование построено на всестороннем изучении археологических памятников проживания – поселения эпохи бронзы в Волго-Манычских степях, обработка и анализ которых приводит к получению новых знаний и переосмыслению уже накопленного материала. Исследовательский анализ основывался на принципах историзма, взаимообусловленности, дедукции, индукции и научной объективности. В работе с материалом исследования нами применялись статистические и статистико-комбинаторные методы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Памятники проживания-поселения, найденные в результате археологических раскопок в различных частях обширной российской территории, являются предметом постоянного исследовательского внимания. На первом этапе научных исследований, археологические материалы часто рассматривались единым массивом без учета хронологических, территориальных особенностей, специфики типа поселения, социальных характеристик и культурных традиций населения, проживавшего на конкретной территории, в определенное время и т.д. В археологической науке существовали различные, зачастую прямо противоположные мнения насчет наличия поселений в эпоху бронзы в степной части Европы. А. Наглер, придававший большое значение изучению поселений, полагал, что на основе их изучения можно получить представление обо всем обществе (Nagler, 1996: 66). Н. Я. Мерперт, а вслед за ним и профессор М.И. Артамонов считали, что в условиях сухих степей невозможен оседлый образ жизни, следовательно, в сальско-маньчских степях нет поселений бронзового века (Мерперт, 1974; Артамонов, 1977). С. Пустовалов причислял все поселения к летовкам и зимовкам и на основании своих выводов полагал, что население (вся или его часть) занималось стойловым содержанием скота, которое не имеет отношения к кочевому «престижному» экстенсивному скотоводству (Pustovalov, 1994: 126). В регионах Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и др. археологами выявлен мощный пласт катакомбных памятников, среди которых встречаются и поселения (Малов, Филипченко, 1995: 52–61; Юдин, Матюхин, Захариков, Касанкин, 1996: 119–140; Халяпин, 1998: 77–80; Галкин, Дремов, Железчиков, 1993: 56–87). Непосредственно на территории современной Калмыкии, в Волго-Маньчских степях, в разные годы исследователями П.С. Рыковым, И.В. Синицыным, У.Э. Эрднеевым, Н.Д. Прасловым, Е.В. Шнайштейн, П.М. Кольцовым, Н.М. Маловым, Н.И. Шишлиной был обнаружен целый ряд стоянок и поселений эпохи бронзы. В.П. Шилов, имея в виду участок восточноевропейских степей, основную часть которого занимает современная Республика Калмыкия, констатировал отсутствие долговременных оседлых поселений. На основании своих выводов он категорично утверждал о полной невозможности ведения населением оседлого образа жизни в степи (Шилов, 1975: 8). Л.С. Клейн отрицал факт отсутствия в курганах Калмыкии срубных погребений, что свидетельствовало, по его мнению, о проживании в Волго-Маньчских степях оседлого населения в эпоху поздней бронзы (Клейн, 1980: 30-36). Целенаправленный поиск поселений эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Маньчских степях велся многими исследователями, в том числе и автором данного исследования (Очир-Горяева, Бросседер, 2008: 42–51).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Места проживания или стоянки на рассматриваемой нами территории исчисляются десятками, если не сотнями. Н. Я. Мерперт указывает на 130 и 50 пунктов; В. П. Шилов упоминает более 200 поселений. Ими были указаны только стоянки.

обнаруженные разведками В. Д. Белецкого в 1957 г. и А. Н. Мелентьева в 1967 г. в нижнем Заволжье, или на левом песчаном берегу Волги в самом ее нижнем течении. В более поздней публикации В. П. Шилов указывал уже на большее количество стоянок – «400 поселений эпохи неолита, энеолита, бронзы» (Шилов, 1981: 8). И это не считая десятков пунктов, перечисленных еще А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким, на которых производились работы разведочного характера членами Саратовской Архивной Комиссии. Эти авторы еще в 1935 г. писали: «Одним из колоссальных недостатков в деле изучения родового общества степной полосы нашего Союза является слабая изученность поселений того времени. Погребальный материал, как относящийся к явлениям надстроечного порядка, отражает действительность в искаженном виде, а поэтому для более точных знаний необходим материал селищ, к сожалению, мало нам известный, вернее – малоисследованный, т. к. вообще указаний на места поселений и подъемного материала с них имеется достаточное количество» (Круглов, Подгаецкий, 1935: 27). Данное замечание ученых, заметим, остается актуальным и сегодня.

Срубные погребения встречаются не только в прилегающих к Волге районах, но и далеко на юге Ергенинской возвышенности, например, в могильнике Хар Зуха (Очир-Горяева, 1991). В сводке погребений, раскопанных на территории Калмыкии с 1929 по 1979 гг., учтено 134 погребения срубной культуры (Щукин, 1985: 17, табл. 1). Срубные погребения встречаются и намного южнее: на Ставрополье и на Северном Кавказе (Державин, 1991; Nagler, 1996).

На территории Республики Калмыкия, на берегу озера Заханата, в 1976 г. было открыто поселение (Шнайштейн, 1976). Дополнительные исследования показали, что там находятся два поселения срубной культуры (Очир-Горяева, 2002). Поселение Заханата расположено на мысу полукруглой мягкой формы, выдающемуся в сторону озера. Ориентиром для этого местонахождения служит большой курган с триангуляционным пунктом на вершине, расположенный в южной части мыса. С западной стороны этого кургана, буквально рядом с ним, располагались жилой дом и кошара чабана Мергена Андреева, арендующего земли совхоза «Аршанский» Сарпинского района. В 80 метрах на юго-восток от кургана, который является предпоследним курганом и находится несколько южнее большого кургана с плоской вершиной, в 16-17 метрах от среза береговой линии, вдоль дороги на кошару и на самой дороге найдены многочисленные фрагменты лепной керамики и отдельные мелкие раздробленные кости животных. Колея проселочной дороги заглублена сантиметров на 20 и ввиду этого обнажила скопление костей и керамики. На ненарушенных участках степи также имеются находки керамики. Отсутствие здесь круговой керамики и особенная многочисленность находок послужили причиной закладки здесь разведочного шурфа (Заханата – 1-2002).

Шурф 1 был разбит на небольшом склоне в 16, 2 м от обрыва к озеру, в 977 м на север от кургана с триангуляционным знаком, с западной стороны, у самого края дороги, ведущей от указанной выше кошары на север. Хотя наибольшее количество находок сделано на дороге, которая, заглубляясь в грунт, вероятно, выбивает на поверхность многочисленные фрагменты керамики и костей животных. Шурф был заложен на задернованном участке в надежде захватить ненарушенный культурный слой.

Шурф имел в длину 5 метров и в ширину 4 метра. Ориентирован длинными сторонами по линии север-юг. На поверхности шурфа подъемный материал не найден. Нивелировка поверхности произведена через каждый метр (рис.21). За нулевой пункт взят штырь на соседнем кургане.

Уровень 0. Дерновый слой снимался легко и был от 5 до 7 см толщиной. Сразу под дерновым слоем были встречены единичные находки – керамика и кости животных. Находки сделаны по всей поверхности шурфа. Керамика встречена двух сортов: чисто серая однородная, покрытая в большей степени солевыми отложениями, и черноглиняная керамика с красной поверхностью с небольшим «ангобом» или заглаженной поверхностью. Оба вида керамики имеют грубое тесто. Ниже гумуса шел слой солонца вертикальной комковатой структуры. Солонец имеет темнокрасный цвет и почти закаменевшую плотность. Находки продолжали встречаться в слое солонца. Однако работа продвигалась с большим трудом в связи с окаменелостью почвы и тем, что она отваливалась грубыми, призматической формы кусками, не давая возможности более тонких срезов. Находки многочисленны. Особенно много фрагментов было найдено в 8, 18 и 9 квадратах, от 10 до 17 фрагментов. Не было находок в первом квадрате (приложение 3, по коллекционной описи можно проследить статистику). Кости животных более многочисленны в юго-восточных квадратах. После снятия слоя солонца была предпринята попытка спланировать поверхность. Сделать это было чрезвычайно трудно ввиду той же окаменелости почвы. Работа мастерками была невозможна. Пришлось зачищать лопатами. В полу раскопа в квадрате 19 и 24, то есть в самом юго-восточном углу шурфа, было извлечено значительное количество костей животных (рис. 22).

Уровень 1. В восточном профиле были замечены кости животных и керамика (рис. 31-32). Поэтому было принято решение сделать прирезку еще на один метр на восток. Сразу после снятия гумуса на всей площади прирезки был зачищен развал костей и фрагментов керамики (рис. 25-27). Среди них найдены камень-песчаник овальной формы (рис.1, 6, 25), фрагменты керамики без орнамента. Один только фрагмент имеет горизонтальные следы заглаживания, довольно регулярные (рис. 1, 8; 26). Керамика исключительно лепная. В квадрате 20 найден фрагмент венчика баночного сосуда с веревочным орнаментом (рис.1, 2). В квадрате 6 найден фрагмент керамики с прочерченным линейным орнаментом. Кости животных представлены во фрагментах. Видовому определению поддались только некоторые из них. Из десятого квадрата происходят два фрагмента лопатки лошади, одна – пальцевая фаланга крупного рогатого скота и вторая – фрагмент лопатки крупного животного. В двенадцатом квадрате найдена пяточная кость мелкого рогатого скота. Из костей, найденных при зачистке уровня 1, в квадрате 19 и 24 – фрагмент плечевой кости лошади. На восточном краю седьмого квадрата на уровне 1 зафиксировано темное пятно в виде вытянутого овала размером 27 см x 20 см, глубиной до 10 см. На южном краю второго квадрата зафиксировано еще одно маленькое пятно каплевидной формы. Заполнение тоже темного цвета – органического или растительного происхождения. Зачищенная поверхность шурфа содержит еще остатки солонца. В районе квадратов 14 и 19 прослеживается нечетких очертаний овальное пятно более темного цвета, размером 180 см x 60см (рис. 29).

Уровень 2. После снятия находок шурф был углублен еще на полштыка, примерно на 30 см. Земля на этом уровне стала гораздо мягче и несколько влажнее. Находки представлены в основном костями животных. Керамика встречалась только по два-три фрагмента на квадрат. Только в квадратах 14, 19, 20, 24, 25, то есть опять-таки в юго-восточном углу шурфа, керамика была по-прежнему многочисленной. Определимые фрагменты костей животных из девятого квадрата принадлежали лошади (фрагменты зуба) и свинье (одна целая фаланга пальца). Фрагменты костей из девятнадцатого квадрата – крупному и мелкому рогатому скоту. Фрагменты костей из двадцать четвертого квадрата принадлежали лошади. Найдено также два куса кремня – кремневое кресало неправильной формы (квадрат 13), (рис.1, 4, 5). В квадрате 9 найдено костяное изделие, изготовленное из стенки трубчатой кости в виде плоской полулунницы с заостренными концами. Возможно это проколка (рис.1,1).

После снятия всех находок площадь шурфа была спланирована и зарисована. На поверхности шурфа, по направлению с юго-восточного угла на северо-запад и оттуда на северо-восток, зафиксирован целый ряд темных пятен небольшого размера. Все они были глубиной не более 10 см. Пятно в районе квадратов 14 и 19 прослеживается по-прежнему. Земля в квадрате 5 также отличается от окружения несколько более красноватым оттенком. Шурф был углублен еще на полштыка. Находки стали редкими. Только в квадратах 20 и 22 найдены фрагменты керамики. В остальных квадратах только кости животных, среди них фрагменты зубов лошади. Поверхность шурфа была снова спланирована. Все пятна исчезли. Поверхность ровная. Шурф был прокопан еще на штык для контроля. Находок не обнаружено.

Описание восточного профиля до прирезки (рис. 33). Верхний слой составляет равномерный слой от 10-15 см, слой современного гумуса. В этом месте он намного превышает обычную мощность гумуса в степи, так как край шурфа приходится на борт проселочной дороги. Нижний подстилающий слой – слой засоленной белой глины. Над ним залегает мощный равномерный слой коричневой материковой глины. Над слоем глины лежит также регулярный слой солонца призматической структуры. Однако именно в этом профиле слой солонца имеет несколько иной, более светлый оттенок, чем солонец в других профилях. Обычно солонец имеет красно-коричневый цвет и выраженную призматическую структуру, так называемый слой промерзания. Объяснить это явление можно причинами перерывности или более молодым возрастом образования солонца. Именно в этом слое отмечены и находки – кости животных, фрагменты керамики и сусловина. Слой мягкого солонца залегает на отметках от 90 до 115 см глубины. Слой этот проходит через весь профиль, несколько утоньшаясь к северу. Кости животных зафиксированы в пятом, в десятом и в двадцатом квадратах. Фрагменты керамики в двадцать пятом квадрате (рис.).

Описание восточного профиля после прирезки (рис. 33). Слоя современного гумуса практически нет, так как край шурфа в этом месте приходится на колею проселочной дороги. Первым фиксируется слой красно-коричневого солонца каменисто-жесткой структуры мощностью до 20-30 см. Подстилает его ненарушенный слой материковой коричневой глины. В двадцатом квадрате, в верхней части солонца, в профиле фиксируются кости животных. В двадцать пятом квадрате также в верхней части солонца – фрагменты керамики.

Описание западного профиля (рис. 23, 30). Слой современного гумуса носит регулярный и равномерный характер. Его подстилает такой же равномерный слой солонца, мощностью 30-40 см, под которым располагается слой желтой материковой глины. Слой засоленной белесой глины находится глубже, обнаружен в южной стороне шурфа. В 21 квадрате под слоем солонца виден в профиле фрагмент кости животного (рис.).

Описание северного профиля (рис. 30). Гумусный слой в северном профиле несколько уже, чем в южном профиле. Объясняется это, вероятно, тем, что шурф расположен на склоне небольшого возвышения, и его поверхность имеет скат как с запада на восток, так и с севера на юг. На более возвышенном участке гумус тоньше, чем на пониженном. Гумус подстилает регулярный слой солонца. В районе пятого квадрата гумус и слой солонца полностью отсутствуют. В этом месте проходит колея проселочной дороги, ведущей от кошары в сторону с. Терячи, вдоль береговой линии озера. В западной части профиля под слоем желтой глины обнаружен слой просоленной белесой глины (рис.).

Описание южного профиля (рис. 30). Гумус также хорошо выражен и в западном профиле. Подстилающий слой солонца насыщен находками – керамикой и костями. Как уже отмечалось, при описании шурфа находок больше в восточной стороне. В 23 квадрате в профиле зафиксированы фрагменты костей. На границе между 23 и 24 квадратом в профиле виден фрагмент керамики. В 25 квадрате имеется скопление костей животных. Здесь наблюдается и самое глубокое залегание находок – до 35 см. В подстилающей солонец материковой желтой глине находок нет. В западной, более возвышенной части профиля, обнаружены волнообразные пласты засоленной глины (рис.). Для образца из шурфа «А» поселения Заханата была получена радиоуглеродная дата по кости овцы (Приложение 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Волго-Маньчжских степях найден целый ряд памятников проживания эпохи бронзы. На территории Калмыкии срубные памятники представлены типичными для остального ареала распространения культуры курганными погребениями и поселениями. Однако более значительного количества находок, дающих основание говорить о следах «селища» или поселения, как упомянутые выше следы проживания, датирующиеся эпохой бронзы для более поздних эпох и, прежде всего, раннего железного века, пока не зафиксировано.

Изучение поселений различных эпох в последнее время выделилось в отдельное научное направление, которое достаточно успешно развивается, о чем свидетельствуют материалы, полученные в результате недавних археологических раскопок городских и сельских поселений предшествующих эпох. В этих исследованиях рассматриваются географические, экономические, политические и иные факторы и условия, повлиявшие на возникновение и развитие исторических поселений, что говорит о том, что их изучение приняло более комплексный характер. Ученые-археологи применяют самую различную стратегию для обнаружения остатков культурных слоев мест проживания, в частности, в сухостепной и пустынно-степной зоне.

И первостепенная задача, которая стоит перед археологической наукой, не только найти и описать памятники глубокой старины, но на основе глубокого и всестороннего исследования определить их роль и значение в культурно-исторических процессах, протекавших в обществе в различные эпохи, в том числе в эпоху бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

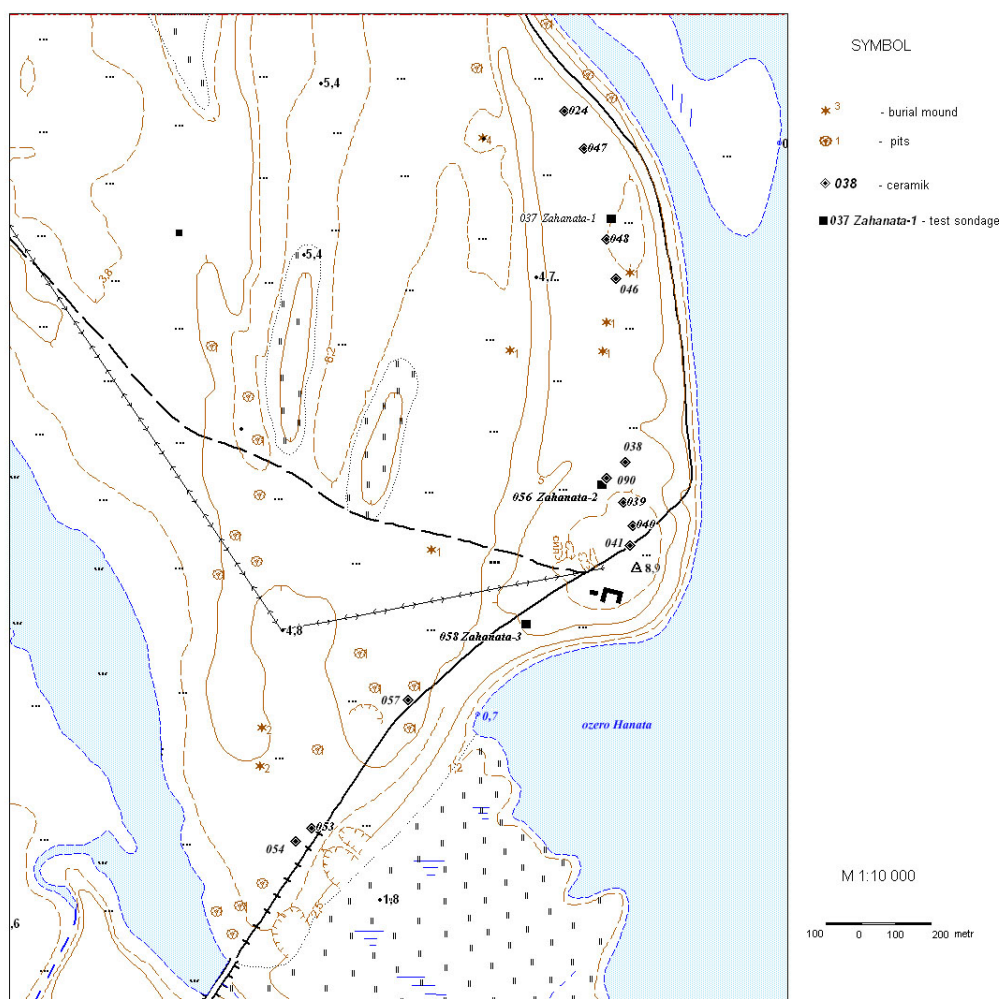

Abbildung 14. Карта. Заханата. Заханата-1-2002. Шурф А.
План нивелировки

Abbildung 15. Заханата – 1. Шурф А. План нивелировки поверхности

-68	-78	-70	-82	-90 -97
Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат
1	2	3	4	5
-67	-72	-77	-79	-82 -97
Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат
6	7	8	9	10

-68 Квадрат 11	-72 Квадрат 12	-76 Квадрат 13	-80 Квадрат 14	-82 -97 Квадрат 15
-66 Квадрат 16	-71 Квадрат 17	-70 Квадрат 18	-80 Квадрат 19	-80 -97 Квадрат 20
-63 Квадрат 21	-64 Квадрат 22	-75 Квадрат 23	-80 Квадрат 24	-85 -93 Квадрат 25
-60	-63	-68	-82	-84 -83

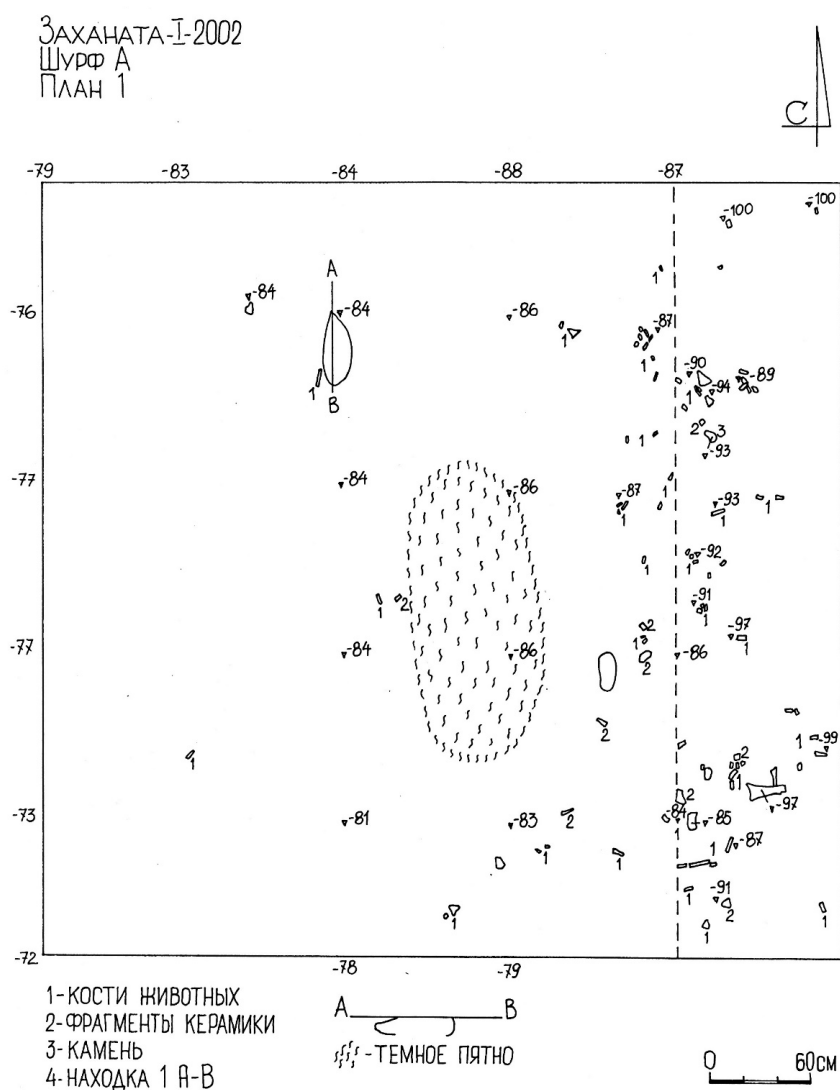

Abbildung 18. Заханата-1. Шурф А. План 1

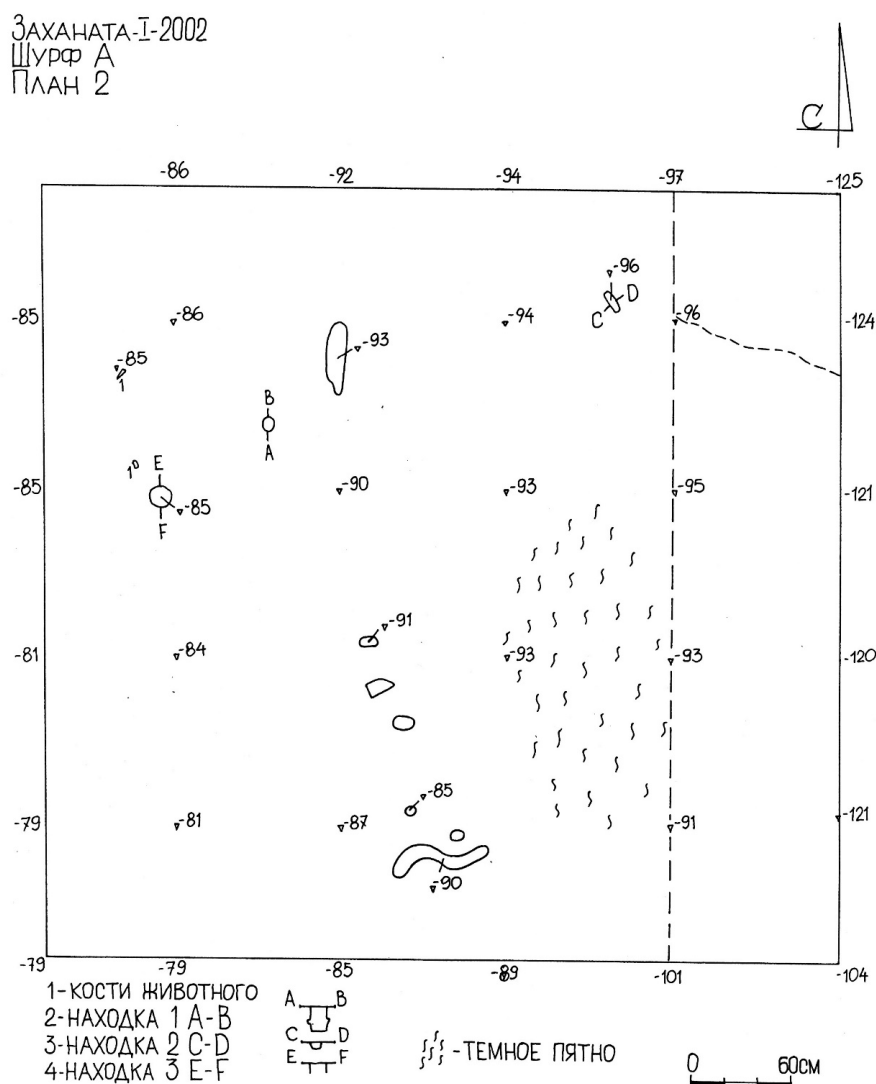

Abbildung 23. Заханата-1. Шурф А. План 2

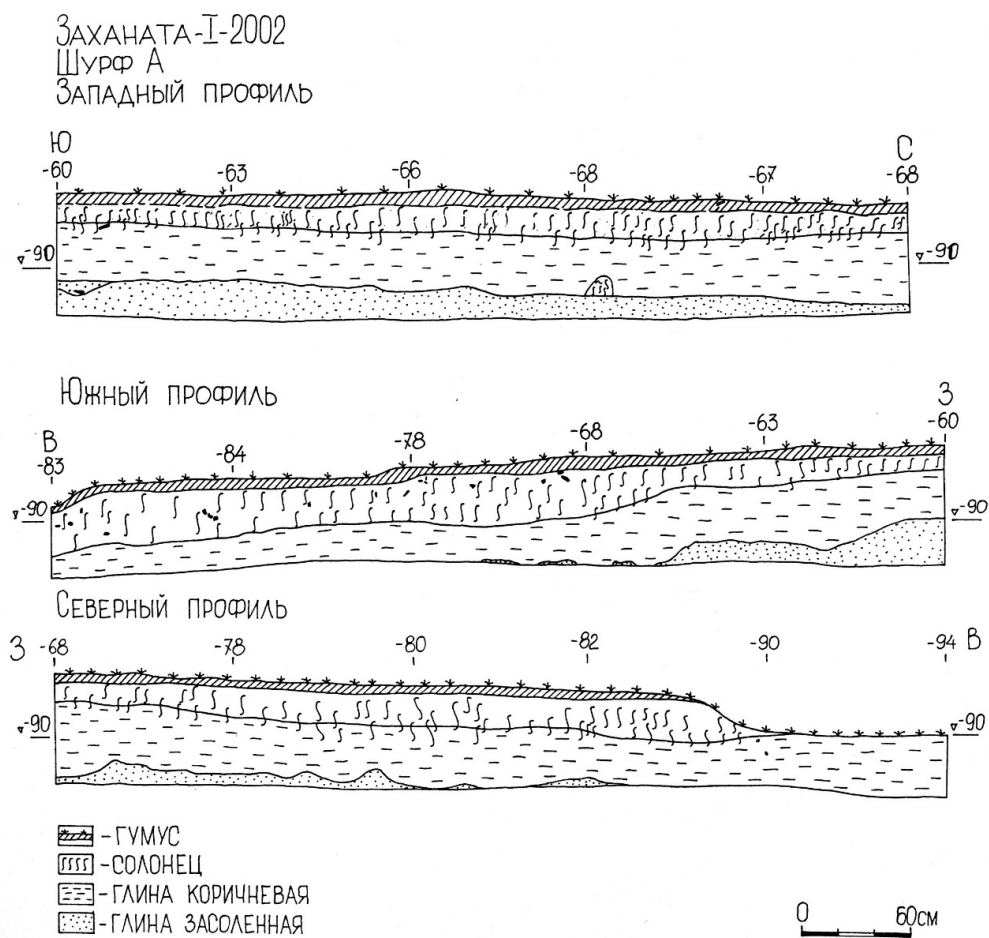
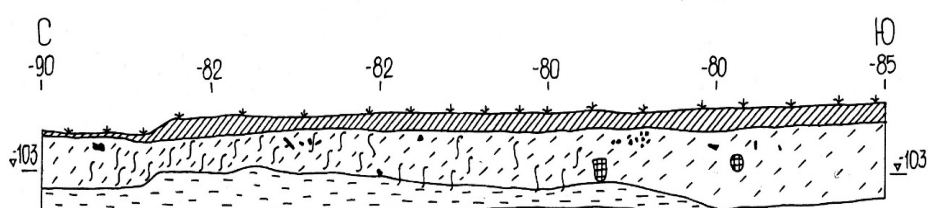
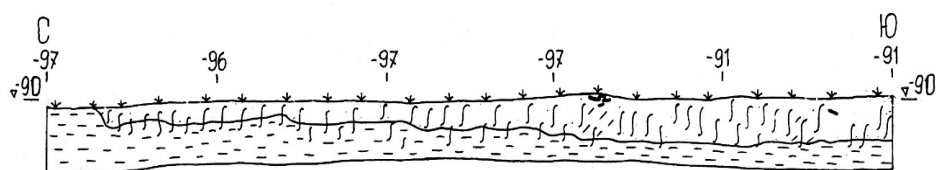

Abbildung 24. Заханата-1. Шурф А. Профили – западный, южный, северный

Заханата-І-2002
Шурф А
Восточный профиль до прирезки

Восточный профиль после прирезки

- ГУМУС
- СВЕТАЯ ГЛИНА
- СОЛОНЕЦ
- ГЛИНА КОРИЧНЕВАЯ
- СУСЛОВИНЫ

0 60cm

Abbildung 27. Заханата-1. Шурф А. Восточный профиль

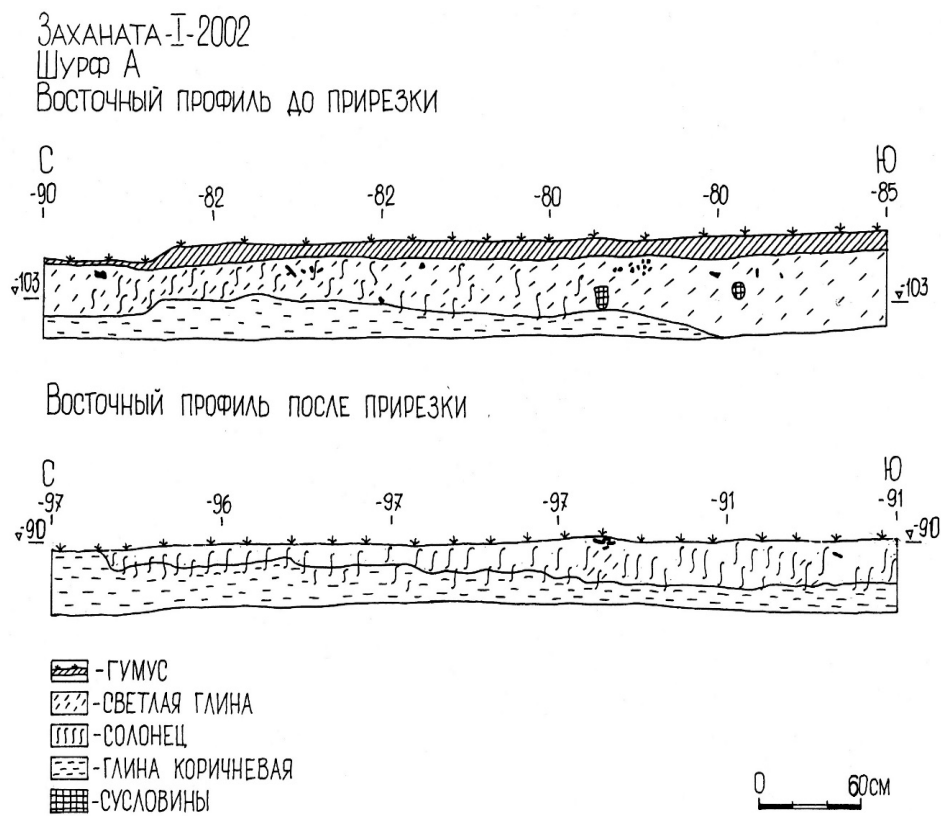

Abbildung 27. Заханата-1. Шурф А. Восточный профиль

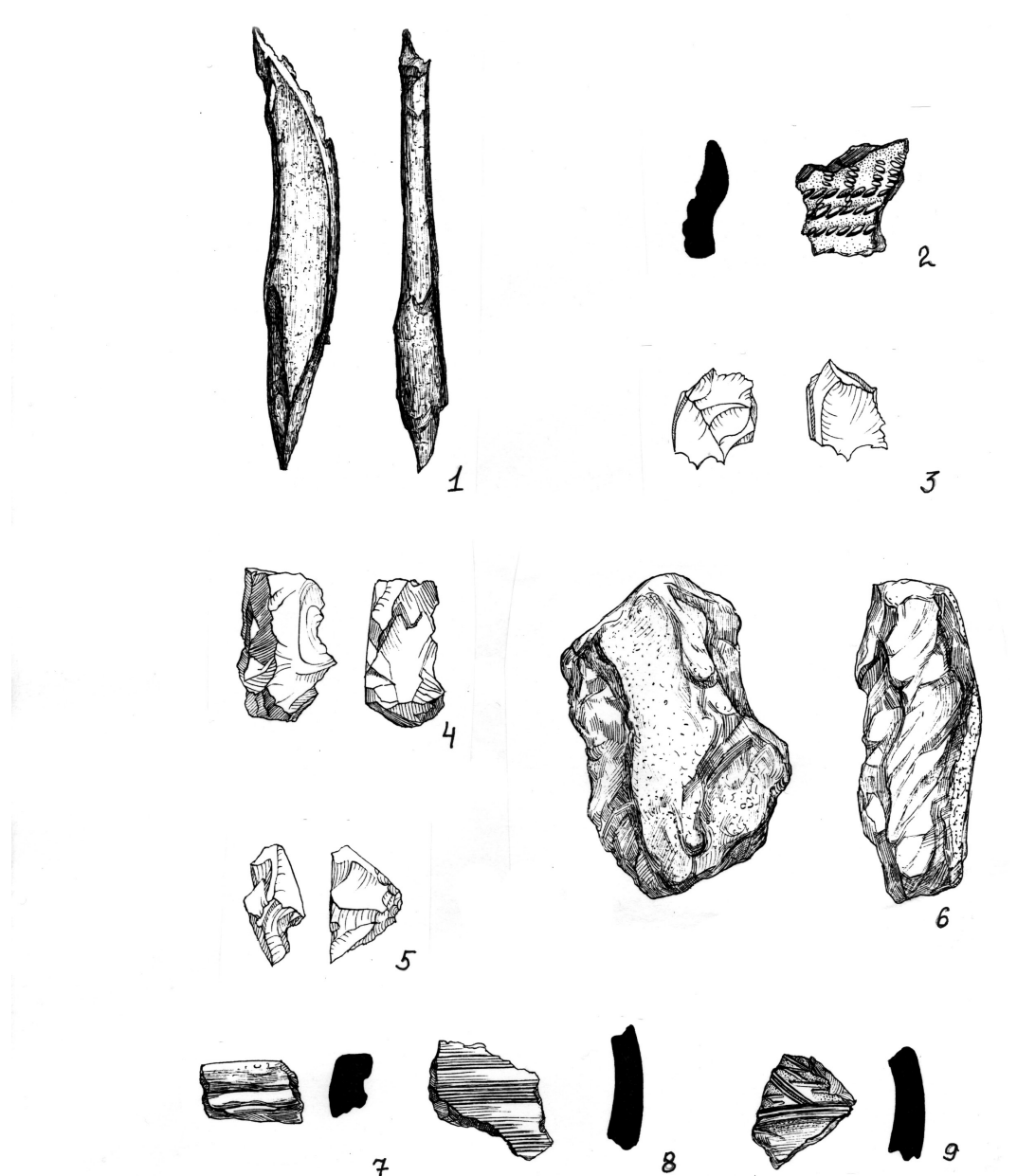

Abbildung 1 1- проколка костяная Заханата-1-2002. шурф А.9/2; 2 – фрагмент керамики Заханата-1-2002.шурф А 20/1; 3 – кремь. Заханата-1-2002.шурф А. 6/2; 4, 5 – кремь. Заханата-1-2002.шурф А. 13/2; 6 – камень-песчаник Заханата-1-2002.шурф А. 10/0; 7 – фрагмент керамики из отвала. Заханата-1-2002.шурф А. ; 8 – фрагмент керамики Заханата-1-2002.шурф А. 20/0 ; 9 – фрагмент керамики Заханата-1-2002.шурф А . 6/1

Abbildung 94. Заханата-1. Шурф А. Квадрат 9/2. Изделие из кости

**Abbildung 95. Заханата-2002. Шурф А. Квадрат 6/1.
Фрагмент керамики с геометрическим орнаментом**

**Abbildung 97. Заханата-1-2002. Шурф А. Квадрат 20/1.
Фрагмент керамики с веревочным орнаментом**

Abbildung 98. Заханата-1-2002. Шурф А. Квадрат 10/0.
Изделие из камня песчаника

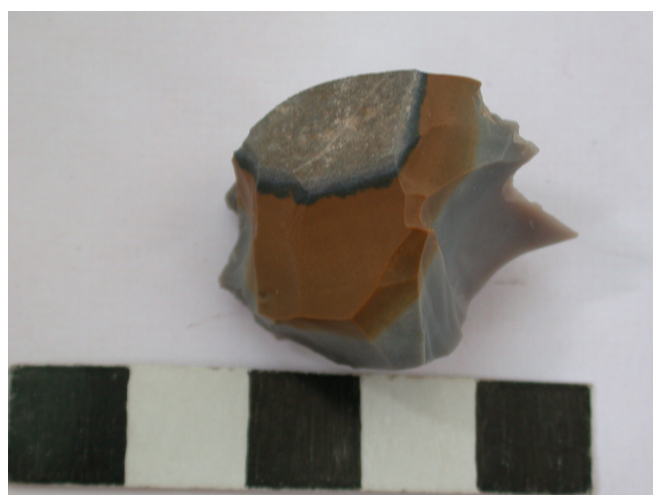

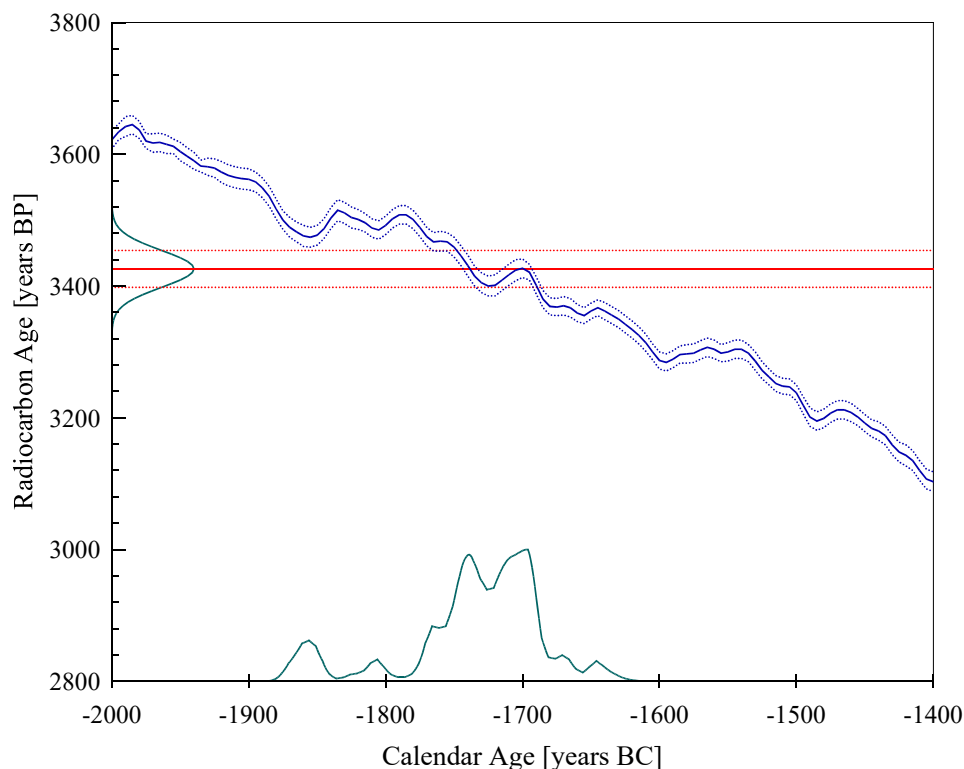
Abbildung 99. Заханата-2002. Шурф А. Квадрат 6/2. Кресало кремневое

KIA45811 Zahanata I 2002; Schnitt A 14/0

Knochen, Russland, Republic Kalmykien, Zahanata, Entnahmetiefe: 0,12–0,18 m.

Fraktion	PMC (korrigiert) [†]	Radiokarbonalter	□ ¹³ C(‰) [‡]
Knochen, Kollagen, 3,0 mg C	65,28 ± 0,23	3425 ± 30 BP	-19,69 ± 0,17

Radiocarbon Age:	BP	3426 ± 28
One Sigma Range:	cal BC 1756–1687	(Probability 68,3 %)
Two Sigma Range:	cal BC 1874–1843	(Probability 7,7 %)
(Probability 95,4 %)	1816–1799	(Probability 2,9 %)
	1779–1659	(Probability 82,9 %)
	1654–1637	(Probability 1,9 %)

Литература

- Галкин, Л. Л., Дремов, И. И., Железчиков, Б. Ф. (1993). Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье. *Археология России: Свод археологических источников*. Т. 1. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Державин, В. Л. (1991). *Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы*. М.: ИА.
- Клейн, Л.С. (1980). *Возникновение кочевого скотоводства. Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово: КемГУ.
- Круглов, Е. П., Подгаецкий, Г. В. (1935). *Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства*. М., Л.: ОГИЗ.
- Малов, Н.М., Филипченко, В.Р. (1995). Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья. *Археологический вестник*. Вып. 4. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Очир-Горяева, М.А., Бросседер, У. (2008). Поселения в степи. Проблемы изучения и интерпретации. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета.
- Очир-Горяева, М. А. (1991). *Отчет о раскопках могильника Хар-Зуха в Ики-Бурульском районе в 1991 г.* Научный архив КИГИ РАН. Фонд 14. Описание 2. Номер 68.
- Очир-Горяева, М. А. (2002). *Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2002 году*. Научный архив КИГИ РАН. Фонд 14. Описание 2. Дело 89.
- Халяпин, М.Б. (1998). Памятники эпохи средней бронзы Южного Приуралья (по материалам Оренбуржья). *Проблемы археологии юго-восточной Европы*. VII Донская конференция. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета.

Цуцкин, Е. В. (1985). Археологические исследования Калмыкии. *Древности Калмыкии*. Элиста: Калм. НИИИФЭ.

Шилов, В. П. (1981). Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе. *Древности Калмыкии*. Элиста: Калмыцкий НИИИФЭ.

Шнайдштейн, Е. В. (1977). Раскопки курганов в Калмыцкой АССР. *Археологические открытия 1976 года*. М.: Наука.

Юдин, А.И., Матюхин, А.Д., Захариков, А.П., Касанкин, Г.И. (1996). Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья. *Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году*. Выпуск 1. Саратов: Дирекция охраны памятников истории и археологии.

Nagler, A. (1996). Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. *Archäologie in Eurasien*. Band 3.

Pustovalov, S. (1994). Economy and Social Organisation of Northern Pontic Steppe -Forest- Steppe pastoral populations. 2750-2000 BC. *Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC*.

References

Galkin, L. L., Dremov, I. I., Zhelezchikov, B. F. (1993). Monuments of the carcass culture: Volga-Ural interfluvium / *Archeology of Russia: Code of archaeological sources*. T. 1. Saratov: Publishing house of the Saratov University (in Russian).

Derzhavin, V. (1991). *Stepnoe Stavropol Territory in the Early and Middle Bronze Age*. M: IA (in Russian).

Klein, L.S. (1980). The emergence of nomadic cattle breeding. *Scythian-Siberian cultural and historical unity*. Kemerovo: KemGU (in Russian).

Kruglov, E.P., Podgaetsky, G.V. (1935). Generic society of the steppes of Eastern Europe. *The main forms of material production*. M., L.: OGIZ (in Russian).

Malov, N.M., Filipchenko, V.R. (1995). Monuments of the catacomb culture of the Lower Volga. *Archaeological Bulletin*. Vol. 4. Saratov: Saratov University Press (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A., Brossedder U. (2008). Settlements in the steppe. Problems of study and interpretation. *Bulletin of the Caspian region: archeology, history, ethnology*. Issue 1. Elista: Publishing house of the Kalmyk University (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M. A. (1991). *Report on the excavation of the Har-Zuh burial ground in Iki-Burulsky district in 1991*. Scientific archive of the KIGI RAS. Fund 14. Inventory 2. Number 68.

Ochir-Goryaeva, M. A. (2002). *Report on archaeological research in the Republic of Kalmykia in 2002*. Scientific archive of the KIGI RAS. Fund 14. Inventory 2. Number 89.

Chaliapin, M. (1998). Monuments of the Middle Bronze Age of the Southern Urals (based on materials from the Orenburg region). *Problems of Archeology of Southeastern Europe*. VII Don Conference. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press (in Russian).

Tsutskin, E.V. (1985). Archaeological research of Kalmykia. *Antiquities of Kalmykia*. Elista: Kalm. NIIFE (in Russian).

Shilov, V.P. (1981). Problems of the origin of nomadic cattle breeding in Eastern Europe. *Antiquities of Kalmykia*. Elista: Kalm. NIIFE (in Russian).

Schneidstein, E. V. (1977). Excavations of the mounds in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. *Archaeological Discoveries 1976*. M.: Nauka (in Russian).

Yudin, A.I., Matyukhin, A.D., Zakharikov, A.P., Kasankin, G.I. (1996). Early-log mound burial grounds Zolotaya Gora and Kochetnoye and problems of the formation of a logging culture of the Lower Volga. *Protection and research of archeological monuments of the Saratov region in 1995*. Saratov: Directorate for the Protection of Historical and Archaeological Monuments (in Russian).

Nagler, A. (1996). Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. *Archäologie in Eurasien*. Band 3.

Pustovalov, S. (1994). Economy and Social Organisation of Northern Pontic Steppe -Forest- Steppe pastoral populations. 2750-2000 BC. *Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC*. Poznan, 1994, 86-134.

УДК 94(470.47)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В. КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У КАЛМЫКОВ

Валерий Владимирович Батыров

кандидат исторических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

E-mail: valerabatyrov@gmail.com

А н н о т а ц и я

Статья посвящена вопросам административной политики Российской империи, которая оказала огромное влияние на развитие кризиса калмыцкого скотоводства в первой половине XIX в. Царская администрация, несмотря на то, что располагала богатым историческим опытом взаимоотношений с калмыцким этносом, к началу указанного века имела минимальные знания о его жизни, сути и движущих силах кочевого скотоводства, являвшихся для власти по разным объективным и субъективным причинам «терра инкогнито». Видимая неустойчивость и рискованность кочевого скотоводства в Калмыцкой степи из раза в раз подвигали астраханских губернаторов, под началом которых находились оставшиеся на Волге калмыки после 1771 года, к идее привести их к оседлому образу жизни и приобщить к земледелию. Власть как бы не предполагала и не задумывалась над тем, что радикальный переход от кочевого образа жизни к оседлости и резкая смена хозяйственной деятельности могли привести к болезненной ломке национального менталитета калмыков, большинство которых были не готовы к кардинальным изменениям своей жизни, предлагаемым царской администрацией. К концу XIX в. административная политика Российской империи, проводимая в регионе, обусловила отход калмыков от традиций кочевания, привела к глубокому социальному расслоению в обществе и формированию товарного производства.

К л ю ч е в ы е с л о в а

История Калмыкии, история России, кочевое скотоводство, административная политика Российской империи в XIX в., крестьянская переселенческая деревня, традиционное общество, кризис кочевого скотоводства.

UDC 94(470.47)

ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY AS THE MAIN FACTOR OF THE TRANSFORMATION OF THE CATTLE BREEDING ECONOMY AMONG THE KALMYKS

Batyrov Valery V.

candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the administrative policy of the Russian Empire, which had a huge impact on the development of the Kalmyk cattle breeding crisis in the first half of the XIX century. The tsarist administration, despite the fact that it had a rich historical experience of relations with the Kalmyk people, by the beginning of this century had minimal knowledge about its life, the essence and driving forces of nomadic cattle breeding, which were “terra incognita” for the authorities for various objective and subjective reasons. The apparent instability and riskiness of nomadic cattle breeding in the Kalmyk steppe from time to time prompted the Astrakhan governors, under whom the Kalmyks who remained on the Volga after 1771 were located, to the idea of bringing them to a sedentary lifestyle and introducing them to agriculture. The authorities did not seem to assume and did not think about the fact that a radical transition from a nomadic lifestyle to sedentarism and a sharp change in economic activity could lead to a painful breakdown of the national mentality of the Kalmyks, most of whom were not ready for the radical changes in their lives proposed by the tsarist administration.

By the end of the XIX century, the administrative policy of the Russian Empire carried out in the region caused the departure of the Kalmyks from the traditions of nomadism, led to a deep social stratification in society and the formation of commodity production.

Key words

History of Kalmykia, history of Russia, nomadic livestock breeding, 19th-century administrative policies of the Russian Empire, peasant resettlement village, traditional society, the crisis of nomadic cattle breeding.

ВВЕДЕНИЕ

Тема взаимоотношений Российской империи с её национальными окраинами была и остается одной из самых приоритетных в отечественном востоковедении. Однако различные аспекты политики царской администрации в XIX – начале XX вв. в отношении кочевых народов, проблемы экономического строя и эволюция общества номадов, специфические особенности кочевого скотоводческого хозяйства, земельные отношения в кочевых территориях еще не изучены в достаточной степени и по-прежнему вызывают научные дискуссии и споры. Калмыки и их предки, как известно, на протяжении длительного времени, и в прежнем Отечестве и на волжских берегах, занимались кочевым скотоводством. В традиционном ойратском и калмыцком кочевом обществе именно скот являлся главным мерилем богатства и успеха, основой жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Значение скотоводства определялось тем, что занятие им обеспечивало номадов продуктами питания, сырьем, рабочим скотом. За годы кочевнической жизни они выработали определенные традиции ведения хозяйства и в целях сохранения размножения собственного скота постоянно меняли места своих кочевков. Сезонные перекочевки являлись важнейшим условием функционирования калмыцкого кочевого скотоводства, которые позволяли наиболее оптимально распределять пастбищные кормовые ресурсы для обеспечения скота. Земледелие в Калмыцкой степи в исследуемый период находилось в зачаточном состоянии, которым занимались в основном русское население из числа переселенцев и лишь небольшая часть калмыцкого населения, проживавшая на плодородных территориях в Большедербетовском и некоторых аймаках обеих частей Малодербетовского улусов. В целом в общем хозяйственном комплексе территории земледелие играло сравнительно небольшую роль. Основой жизнедеятельности калмыков к началу XX в. по-прежнему оставалось кочевое скотоводство, включавшее в себя разведение «четырех видов скота» – овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, занятие которым, по словам Е. Бадмаевой, исторически определяло хозяйственно-культурный тип номадов (Бадмаева, 2010: 67). Рассмотрению специфики, особенностей развития скотоводческого хозяйства калмыков, земельно-имущественных отношений в регионе, которые являются в исследовании объектом и предметом исследования, посвящена данная статья. Цель исследования – проведение на основе использования большого круга нарративных и статистических источников, свидетельств современников, в основном государственных чиновников, исследований отечественных краеведов и ученых, как дореволюционных, так и современных, комплексного анализа развития животноводства, земельно-имущественных отношений в Калмыкии в XIX – начале XX вв. В соответствии с поставленной целью в настоящей статье решаются следующие задачи:

– анализ динамики развития животноводства в Калмыкии в XIX – начале XX вв.; характеристика состояния земельно-имущественных отношений в степном регионе в указанный период,

– выяснение содержания основных направлений аграрной политики российского правительства в степном регионе, ее трансформирующего воздействия на развитие животноводства, решение земельно-имущественных отношений в Калмыкии в обозначенное время.

Именно потребность в комплексном изучении проблем развития кочевого скотоводства и в целом калмыцкого общества в XIX – начале XX вв. в одном из регионов Российской империи – Калмыкии, определила актуальность и новизну данной статьи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниками для нашего исследования стали архивные материалы, в том числе правового характера, документальные свидетельства современников, в основном чиновников местной администрации, которые являлись авторами работ о состоянии и развитии животноводства, земельно-имущественных отношений в Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. Ценные сведения по рассматриваемой нами проблеме содержат статьи, заметки, работы Я. П. Дубровы, архимандрита Гурия (Степанова), иеромонаха Мефодия (Львовского), И. А. Житецкого, Н. И. Страхова, Н. О. Очирова и др. В них, так или иначе, затрагиваются специфика образа жизни калмыков, особенности ведения частного хозяйства и пр. Использовались в исследовании опубликованные статьи и работы отечественных ученых, вышедшие с конца 50-х гг. прошлого века и по настоящее время, которые рассматривали социально-экономическое, культурное, хозяйственное развитие калмыцкого народа и степного региона в дооктябрьский период, в том числе в аспекте рассматриваемой нами проблемы. При написании настоящей статьи автор основывался на принципах историзма, рассматривая концепции и взгляды отечественных и зарубежных исследователей на историю, быт и хозяйство кочевого калмыцкого народа в их развитии и обусловленности, а также опирался на методы научного познания, применимые для исторических исследований – проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный и сопоставительный методы.

ОБСУЖДЕНИЕ

История одного из заметных кочевых народов на евроазиатском пространстве в прошлом – калмыков – не осталась без внимания отечественных и зарубежных ученых, что выразилось в появлении в дореволюционный, советский периоды и в новое российское время сотен научных исследований. В центре их внимания – общественно-политическое и социально-экономическое развитие кочевых калмыков, в том числе животноводства, земельно-имущественных отношений в Калмыкии в XIX – начале XX века. Первые работы, принадлежавшие перу видных ученых-востоковедов – В. В. Григорьеву, Н. И. Ильминскому и другим, по проблемам кочевых народов в отечественной ориенталистике стали появляться после середины XIX в. Именно с этого времени востоковедная наука начала оказывать определенное воздействие на административную политику Российского государства. Надо сказать, что влияние науки в тот период, в особенности начальный, было недостаточным и слабым. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что вплоть до середины XIX в., в отечественном востоковедении даже не произошло размежевания на отдельные дисциплины. Главным содержанием востоковедных исследований в основном являлись выявление, перевод и комментарий древних

или средневековых источников. Актуальные политические, социальные и хозяйственные вопросы восточных регионов российской империи еще не были в сфере исследовательского внимания ученых данного научного направления. Наибольшую известность получили среди служащих в иноэтничных регионах публицистические статьи В. В. Григорьева, в которых он пытался дать оценку российским задачам и интересам в Центральной Азии (Схиммельпеннинк, 2004: 248; Колчерин, 2014: 111). Первые работы отечественных ориенталистов были познавательными, содержали много ценной информации о восточных народах и тем интересны для современных исследователей. Одной из таких работ является авторский цикл статей И.А. Житецкого под названием «Астраханские калмыки (наблюдения и заметки)», где он дал по возможности подробный анализ состояния кочевого калмыцкого хозяйства, тесно связанного с природно-климатическими условиями, привел ценные сведения о путях кочевков калмыков, малоизученных исследователями и по сей день. Н. Очиров связал наметившийся постепенный переход к оседлости калмыков в XIX – начале XX века в первую очередь с сокращением земельной площади Калмыкии в связи с истощением почвы и усилившимся притоком переселенцев. На Калмыцкую степь обратили более пристальное внимание, в частности, стали организовываться научные экспедиции для определения размеров земельных угодий. В Калмыцкой степи работали несколько земельных комиссий, одной из которых была экспедиция по исследованию степных областей под руководством К. И. Костенкова. Экспедиция была организована министерством государственных имуществ в 1858–1860 гг. для научного и хозяйственного исследования Кумо-Манычской низменности и Калмыцкой степи (Калмыцкая степь, 1868). Участниками исследования было выделено несколько десятков миллионов земли, которые, по ее мнению, не использовались в полной мере и определялись как «излишки». Этими данными заинтересовались в царской администрации, в последующем они повлияли на принятие решений на государственном уровне о переселении крестьян в Калмыцкую степь.

Состояние скотоводческого хозяйства и земельно-имущественных отношений в Калмыкии в дореволюционный период, неоднозначный процесс вовлечения кочевого и полукочевого калмыцкого хозяйства в общероссийский рынок, постепенный переход калмыков на оседлый образ жизни стали предметом исследования в рамках изучения в целом истории калмыцкого народа, в частности, дореволюционного периода, в работах С. Б. Бадмаева, К.Н. Максимова, Л. С. Бурчиновой, А. Н. Команджаева, М. М. Батмаева, А. В. Цурюмова, И. В. Лиджиевой и др. На нынешнем этапе исторического познания калмыцкие авторы пытаются привлечь в своих работах современные методики для анализа, в частности, математические методы при использовании массовых статистических источников, что дает дополнительные перспективы для более объективной характеристики скотоводческого хозяйства и земельно-имущественных отношений в Калмыкии. Так, например, А.Н. Команджаев и А.Н. Андропов привлекают в своих исследованиях сводные годовые отчеты Отделения ордынских народов Астраханской палаты государственного имущества, как наиболее полно отражающие действительное состояние калмыцкого кочевнического хозяйства (Команджаев, Андропов, 2013) История и характеристика переселенческого движения крестьян в Калмыкию, влияние данного процесса на социально-экономическое развитие кочевого калмыцкого народа рассмотрены в

работах С. С. Белоусова (Белоусов, 2002). Как показывают работы отечественных авторов, кочевое животноводство и калмыцкое общество под воздействием решений царской администрации к концу XIX в. переживало сложный процесс трансформации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Новые политические, экономические и социальные реалии, возникшие после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства, поставили вопрос о дальнейшей судьбе и выживании оставшейся в России части калмыцкого народа. Администрация императора Павла I, можно сказать, пошла на беспрецедентный шаг, восстановив Калмыцкое ханство, и 14 октября 1800 г. владетель Малодербетовского улуса Чучей Тундутов был возведен в сан наместника хана. Кто-то, возможно, увидит в принятом решении правителя сиюминутную причуду и волюнтаристскую прихоть, но, скорее всего, император учитывал былые заслуги калмыцкого народа в защите российского государства, потенциальную боевую силу оставшихся в составе России калмыков, достаточное количество имеющихся у них скота. Пусть на короткое время калмыки оказались в непосредственном подчинении правительства, получив, по словам И. Борисенко, право претендовать на огромные территории, утерянные ими после 1771 г. (Борисенко, 1991: 64).

Надо сказать, что законное право на кочевание по определенным российским территориям калмыки получили почти сразу после своего прихода на волжские территории. В период бытования Калмыцкого ханства российское правительство установило, насколько это возможно, более четкую границу и маршруты калмыцких кочевий. Постоянные территории летних и зимних кочевий улусов находились по обеим сторонам р. Волги. В конце XVIII в. профессор П. С. Паллас, который во время своих путешествий побывал в Калмыцкой степи, оставил следующие сведения: «Калмыки со стадами своими зимою кочуют в полуденной стороне Волжской степи и вдоль берега Каспийского моря <...> По наступлении весны подаются они помалу к северу» (Паллас, 1809: 481–482).

Администрация Павла I после решения о восстановлении статуса калмыцкого народа стала устанавливать новые границы территорий кочевий nomads. Большую роль в деле отвода территорий сыграло Министерство внутренних дел, которое указало, что, несмотря на указ императора Павла I от 27 сентября 1800 г. из-за невозможности установить точные границы прежних кочевий и урочищ, по которым кочевали калмыки, земли в «том пространстве» отдать калмыкам «никак не можно». Также положение осложнялось тем, что большая часть из этих спорных земель уже давно была роздана в частное владение. Поэтому в Сенате закрепили за калмыками территории, которые не были в частном владении, приказав «вразумить их (калмыков. – В. Б.), чрез Приставов и Старшин, <...>, чтоб приняли они безропотно те распоряжения, кои к отводу им земель за нужное признано сделать» (ПСЗ РИ 1830а: 653).

Выше отмеченные нами наметившиеся тенденции в восстановлении в полной мере статуса Калмыцкой степи и кочевых территорий, оставшихся на волжских территориях калмыков, просуществовали недолго, поскольку вступали вразрез с

экономическим развитием приволжских земель. Уже в 1801 г. следующий император Александр I в своей грамоте на имя ханского наместника перевел калмыков в подчинение астраханского военного губернатора. Образовывался институт приставов с целью создания полноценного аппарата управления калмыцким народом, которые назначались Коллегией иностранных дел, а непосредственно подчинялись астраханскому военному и гражданскому губернаторам. (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 219. Л. 8–9). В 1802 г. императором было приказано отвести калмыкам территории от Царицына до берегов Каспийского моря. Однако с самого начала отвод земли оказался затруднительным из-за возникавших конфликтов между калмыками и русскими крестьянами, проживавшими по р. Волге. Император Александр I для окончательного разрешения земельных споров и разграничения кочевых территорий в мае 1803 г. выпустил указ, которым предписывалось саратовскому гражданскому губернатору П. У. Белякову совместно с князем А. К. Цициановым решить вопрос «до отвода земель Калмыкам касающимся» (ПСЗ РИ. 1830а: 635–636). 12 июня 1803 г. Сенат дал астраханскому военному губернатору князю А. К. Цицианову поручение об «отводе земли в Астраханской губернии калмыкам» и назначить особого чиновника. Это задание было возложено на генерал-майора Астраханского гарнизонного полка И. И. Завалишина (ПСЗ РИ. 1830б: 290). 27 октября 1803 года Коллегия иностранных дел получила указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и суда их Зарго Астраханскому военному губернатору», дезавуировавший законодательные инициативы Павла I по отношению к калмыцкому народу. По этому указу астраханский военный губернатор должен был представлять раз в шесть месяцев лишь краткие сведения о состоянии калмыцкого народа в Коллегию иностранных дел (ПСЗ РИ. 1830а: 955).

Подготовка проекта о калмыцких землях велась совместно астраханским и саратовским губернаторами. И. И. Завалишин после изучения вопроса подготовил проект положения «О назначении земель калмыкам в Астраханской и Кавказской губернии», на основании которого в Сенате было принято «Положение об отводе земель Калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и частию Саратовской» от 19 мая 1806 г. (ПСЗ РИ. 1830б: 283). По этому указу в качестве кочевых мест калмыцкому народу устанавливалась территория от р. Волги до границ области Войска Донского, а также от р. Кумы до селений Чапурники и Цаца. За пределами этих территорий остались земли вдоль крупных рек, которые признавались «способными для поселения» крестьян. Это, прежде всего, реки Волга, Маныч и Калаус. Правительство, изъяв земли вдоль крупных рек из кочевий, скорее всего, осознало, что главным неудобством «новых» калмыцких территорий является малое количество на них водных ресурсов. Так, многочисленные частные поместья, а также селения казенных крестьян почти полностью отрезали торгутские улусы от доступа к р. Волге. Для решения этой злободневной проблемы предлагалось нарезать скотопрогоны в удобных местах. Только дербетским улусам временно до заселения этих территорий крестьянами разрешалось кочевать вдоль р. Маныч и Калаус, но и там предполагалось нарезать земли для будущих скотопрогонов (ПСЗ РИ. 1830б: 284).

В условиях сложившегося сокращения отведенных ранее правительством калмыцких земель наиболее остро стал вопрос о возможности кочевания туркмен на пастбищных территориях, занимаемых калмыками. Еще в 1803 г. туркменский

пристав, статский советник Дзюбин, указывал, ссылаясь на решение Государственной коллегии иностранных дел: «трухменцы с первоначального прихода в подданство российское при калмыцком Аюке хане кочевки всегда с калмыками до побега калмыцкого в 1770 году бывшего и по том также до ныне по тем самым местам, как и прежде в летнее время кочуют след в след калмыкам» (ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). 11 апреля 1809 г. в целях разрешения проблемы кочевий на указанной территории Главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане генерал-фельдмаршал И. В. Гудович прислал Главному приставу калмыцкого народа А. И. Ахвердову копию с отношения товарища министра иностранных дел А. Н. Салтыкова, в котором приказывалось присоединить – «приписать» – туркменских татар к калмыкам (ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 34). Результатом принятого административного решения по объединению двух кочевых народов под управлением одного административного органа стал отвод земель «трухменскому народу», по которому река Кума должна была стать границей между калмыками и народом «магометанского вероисповедания». Однако «трухменцам по уважению тому, что на землях, им отходимых, верблюды их при Куме и Мочагах не могут выносить овода, дозволяется переходить чрез реку сию и кочевать по следам калмыков по Калаусу и Эргеням». Переход скота разрешался только в двух местах «при урочищах Джилан Кему и Гахаин Гаталган». Данное решение правительства почти сразу стало причиной разногласий между калмыками и туркменами, в первую очередь из-за того, что для калмыцких скотоводов эти территории были зимовыми местами. Многочисленные стычки и жалобы со стороны обоих народов привели к тому, что «по выходе калмык весною из Мочагов, запрещается трухменцам вытравливать зимовые их места <...> Запрещается трухменцам и армянам во время отсутствия калмыков с реки Кумы и из Мочагов выжигать там камыш для выгону и ловли зверей (ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 92). В документе также отмечались многочисленные злоупотребления со стороны жителей города Кизляра, которые стали «гонять стада свои под видом Трухменских».

Серьёзные конфликты по поводу использования кочевых земель случались и внутри калмыцкого общества. Представители калмыцкой элиты, преследуя свои личные, частнособственнические интересы, пользуясь бесконтрольностью со стороны губернской администрации, производили различного рода злоупотребления с землей, тем самым нарушая многовековые национальные традиции управления кочевьями. Так, в 1823 г. жители Дербетовского улуса подали коллективное прошение Главному калмыцкому приставу А. В. Каханову, в котором сообщали, что их покойный улусовладелец Эрдени Тундутов «самовольно без согласия своих зайсангов и прочаго народа» продал территории по левую сторону р. Кумы помещику А. Ф. Реброву, хотя он «сам собою без согласия подвластных распоряжаться права не имел» (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 54).

В 1821 г. Министерство иностранных дел России направило Главному приставу калмыцкого народа А. Каханову указание собрать мнения калмыцких владельцев о новых изменениях в Степном Уложении с учетом изменившейся ситуации в вопросах пользования кочевьями номадами. 19 марта 1822 г. А. Каханов созвал совещание в урочище Зинзили из представителей калмыцкой знати и буддийского духовенства (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 61). Однако итоги съезда оказались безрезультатными

вследствие того, что представители калмыцкой элиты не смогли выбрать единую позицию по выработке общекалмыцких требований и запросов к российской администрации, в частности, по защите территории кочевий калмыцких улусов.

Центральная администрация, надо сказать, никогда не оставляла попыток «экспроприировать» бескрайние, пустующие, на их взгляд, территории кочевий калмыков, на которых «беспорядочно блуждают небольшие группы кочевников». Еще в первой половине XIX в. Главный попечитель А. М. Фадеев указывал на наличие якобы огромных, свободных территорий у калмыков: «ныне в пользовании калмык там находящиеся земли, 1 598 142 десятины» (ГА АО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 12. Л. 10). Губернская власть с дозволения центральной администрации принялась усиленно проводить захват так называемых земельных «излишков» у калмыцкого населения. Начало колонизации территории кочевий калмыков и др. кочевых народов было положено в конце XVIII в. И первым опытом стали события 1785 г., когда генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний Г. А. Потемкин, желая обеспечить торговлю и курьерскую службу на дороге из Царицына на Кавказскую линию и в город Черный Яр, предложил поселить при почтовых станах «сходцев из других губерний и поляк». По его приказу крестьянские семьи были «вводворены по Кавказскому тракту в селения Чапурники, Цаца, а по чернойярской дороге при Татьянинской и Поповинской почтах слободы – Светлый Яр и Райгородок» (ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2502. Л. 114). В начале XIX в. саратовский губернатор П. У. Беляков предложил основать еще несколько русских поселений на дорожном тракте от Царицына на Кавказ на территории калмыцких кочевий. По его мнению, основание еще нескольких русских поселений калмыки потерпят, ибо за отделением «горсти земли русским поселянам, останутся калмыкам обширнейшие степи» (ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2502. Л. 116 об.).

Из-за «корректировки» земельных угодий, принадлежавших ранее калмыкам, в сторону уменьшения калмыцкое скотоводческое хозяйство в условиях экстенсивного ведения скотоводства стало испытывать кризисные явления, приходиться в «расстройство», приведшее к резкому обнищанию калмыцкого населения. В 1827 г. сенатор Ф. И. Энгель, прибывший в Астраханскую губернию, после недолгого изучения сложившейся ситуации на месте пришел к выводу о том, что главной причиной падения скотоводства у калмыцкого народа и его обнищания стала неограниченная власть нойонов, которым, по его мнению, «Положение об управлении калмыцким народом от 1825 г.» «дало много привилегий и власти». Показательно, что сам сенатор Энгель не связывал падение уровня жизни калмыков с ограничением территории их кочевий, хотя он имел возможность на основе сведений, получаемых им с мест, составить мнение о влиянии процесса «урезания» территории калмыцких кочевий на состояние калмыцкого скотоводческого хозяйства, полноценное развитие которого служило основным источником жизнеобеспечения степного населения. Между тем об этом прямо и недвусмысленно говорилось в ответе Комиссии калмыцких дел на запрос сенатора: для калмыков «примитивное» кочевое скотоводство является «обильным источником благосостояния» (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 368. Л. 5). Среди других причин, вызвавших кризисные явления в калмыцком обществе и хозяйстве, называли пагубное «влияние духовенства, нравственный разврат в народе и, наконец, сам порядок управления» (Костенков, 1870: 24).

Центральная администрация, начиная с XVIII века, последовательно проводила линию на привитие калмыкам навыков оседлой жизни, которая на практике встречала несогласие со стороны почти всех слоев кочевого общества. К чести верховной власти она, столкнувшись с негативным отношением степняков к принуждению к оседлости, в этот период не стала прибегать к жестким административным методам, проводя, если можно так выразиться, более «мягкий» вариант обоседления кочевых калмыков. Администраторы, долгое время не видевшие перспективы для развития калмыцкого кочевого скотоводства, в целом кочевого общества, в конечном итоге отказались от дальнейших попыток их коренного реформирования. Им оставалось только продолжить политику невмешательства во внутреннюю жизнь калмыцкого общества, в его хозяйственную жизнь, заниматься, по сути, простейшим администрированием вопросов управления Калмыцкой степи. Вместе с тем властями для приобщения кочевников к оседлой жизни применялись различного рода ухищрения, уговоры и пр. Показательны в этом отношении только лишь три примера, демонстрирующие откровенное желание царской администрации через нойонов и зайсангов склонить калмыков к переходу на оседлый образ жизни и к занятию земледелием. Так, в 1765 г. хошутский нойон Замьян, будучи в Петербурге на приеме у императрицы Екатерины II, обратился к ней с просьбой построить ему деревянный дом и «изъявил желание жить на русском порядке». На высказанную просьбу Замьян получил согласие с условием перевести на оседлость своих подвластных. Понятно, что данное условие нойон не смог выполнить в силу объективных причин и обстоятельств. 19 июля 1798 г. его приемный сын Тюмень-Джиргалан купил землю за 4000 руб. у коллежского асессора М. Везелева (так называемую Цаган Ламинскую дачу) в Енотаевском уезде. Джиргалан проживал на купленной земле, однако одно только нахождение на ней отнюдь не означало переход этого знатного калмыка к оседлому образу жизни, так как его скотоводческое хозяйство по-прежнему оставалось кочевым. В начале XIX в. внук Замьяна Серебджаб Тюмень в своем прошении к астраханскому губернатору И. Я. Бухарину упоминал, что имеет «постоянное селение, а не кочевое селение Тюменевка». Действительно в поселке были поселены калмыки, которых Тюмень пытался приучить к ремёслам, а также к занятию земледелием путем заведения бахчей. Но и эта попытка в целом оказалась неудачной по причине активного неприятия нововведений нойона его подвластными людьми, продолжавшими в основном заниматься кочевым скотоводческим хозяйством. И все же данные примеры свидетельствуют о начавшемся постепенном переходе отдельных нойонов под давлением администрации к оседлому образу жизни и смене хозяйственной деятельности.

Будущее калмыцкого скотоводства постоянно находилось в поле зрения российских чиновников, большинство из которых сходилась во мнении, что кочевое скотоводство как остаток «калмыцкой старины» не жизнеспособно к «дальнейшему прогрессу», а потому оно со временем исчезнет. Во многом такого рода убеждения, в частности, губернских чиновников, курировавших Калмыцкую степь, в массе своей имевших административный опыт государственной службы в неочевых регионах, складывались из незнания ими специфики кочевого хозяйствования и природно-климатических условий аридной территории, слабой осведомленности о действительном положении калмыцкого скотоводства. Отчасти это происходило

из-за недостатка и, зачастую, отсутствия административных кадров в улусах и хотонах, вплотную и профессионально занимавшихся учетом скота и подготовкой для губернского начальства сведений об их количестве. Учетная и статистическая работа на местах из-за попустительства властей проводилась спустя рукава. Достаточно сказать, что даже в конце XIX в. собирание сведений «первой важности» о скотоводстве возлагалось на опекунов и правителей улусов, которые в основном занимались управлением своего хозяйства, перепоручая эти обязанности на аймачных зайсангов и родовых старшин, «а главное – сведения эти не проверяются никогда» (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16).

Астраханские губернаторы и попечители калмыцкого народа придавали первостепенное значение только развитию в регионе оседлого земледелия, которым в большинстве своем занималось православное население России. Лишь отдельные представители российской администрации, например, барон Н. И. Вревский, считали, что в Калмыцкой степи «главной формой хозяйства необходимо считать скотоводство», которое существует «не как исключительное следствие привычек и характера народа, но имеет в своей основе, главным образом, естественные условия страны» (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 33).

Переход к оседлости, по мнению чиновников, должен был способствовать преодолению «косности» образа жизни калмыцкого кочевого общества. Привитие калмыкам русской православной гражданственности являлось необходимым условием полноценного вхождения калмыцкого народа в единую русскую православную общность, после чего узкое и косное буддийское духовенство уже не сможет оказывать на калмыцких кочевников своего негативного влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации [Страхов, 1810: 26].

В 1835 г. после принятия «Положения об управлении Калмыцким народом» на вновь учрежденную должность Главного попечителя калмыцкого народа был назначен тайный советник А. М. Фадеев. В бумагах, составленных им во время службы (1836–1839 гг.), чиновник определенно высказывал «предположение о постепенном направлении калмыцкого народа к хлебопашеству не может и иначе быть проведено <...> как ходом весьма медленным. Дух сего народа, – вековые их обычаи, – и разсеянность удобных земель для хлебопашества поставляют непреодолимые препоны к ускорению в том успехов» (ГА АО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 12. Л. 10).

Последним из правящей элиты, кто пытался добиться перевода калмыков на оседлый образ жизни, но несколько иным образом, чем другие чиновники, стал астраханский губернатор И. С. Тимирязев. Он подготовил в 1836 г. проект по образованию особого казачьего калмыцкого полка, на который предполагалось возложить кордонную службу. В феврале 1837 г. губернатор отправил два представления на имя военного министра А. И. Чернышева и министра внутренних дел Д. Н. Блудова, содержавшие уже готовый проект формирования Астраханского калмыцкого казачьего полка (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 2). Создание полка, как считал чиновник, должно было привести 650 калмыцких семей к оседлой жизни (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 5–7). Одновременно губернатор 26 июня 1836 г. приказывал товарищу Главного Попечителя Спыткову узнать, нет ли среди калмыков Большедербетовского улуса желающих «основать твердую оседлость и заняться хлебопашеством». В случае отсутствия возжелающих среди калмыков, губернатор приказывал продолжить

политику склонения кочевников к полуоседлому образу жизни путем организованной заготовки кормов и обустройства постоянных помещений для скота: «к заготовлению на зимнее время для скота их корму, зделания приютов оному для предохранения от гибели в зимняя вьюги и холода» (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 7. Л. 4).

В 1844 г. очередной прибывший для ревизии в Астраханскую губернию чиновник – сенатор П. П. Гагарин окончательно поставил крест на попытке организации калмыцкого полка, убедив правительство отозвать И. С. Тимирязева из Астраханской губернии (Бузгулов, 1997: 93). С уходом И. С. Тимирязева проект создания калмыцкого полка оказался заброшенным. П. П. Гагарин в докладной записке («отношении») на имя Министра Государственных имуществ графа П. Д. Киселёва высказал весьма нелестное «мнение» о калмыцком народе: «постоянной от них пользы почти нет никакой; от податей они изъяты, а из натуральной повинности для правительства несут одну кордонную, весьма ничтожную, для которой ежегодно командируются к Астраханскому казачьему войску 205 калмыков» Он также отмечал, что «кочевая жизнь порождала в их среде (калмыков. – В.Б.) болезни, бедность, разные противоправные поступки» (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 24. Л. 50). Усилия всех уровней администрации по обоседлению калмыков, по его твердому убеждению, должно было однозначно привести к росту их материального благосостояния, приобщению этноса к русской культуре и православной религии.

Мнение сенатора П. П. Гагарина, возможно, стало для правительства одним из решающих доводов, определивших дальнейшую судьбу калмыцкого народа и развитие кочевого скотоводства. На основании его докладной записки царская администрация запустила целую череду мероприятий по переселению русских крестьян на калмыцкие земли. Указом от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» предусматривалось создание 44 станиц у дорог, пролежавших через калмыцкие кочевья, в которых могли быть поселены по добровольному согласию калмыки всех сословий (Белоусов, 2002: 120).

В другом правовом документе этого времени «Положение об управлении калмыцким народом от 1848 г.» предлагались меры практического характера по улучшению ведения хозяйства скотоводами в самой Калмыцкой степи. Так, в главе 6 «Об обязанностях по улучшению нравственного и хозяйственного быта калмыков» указывалось: «в видах улучшения хозяйственного быта калмыков, нойоны и правители улусов должны всевозможно внушать им пользу трудолюбия и обзаведения постоянным хозяйством, приохочивая к оседлости, к устройству загонов для скота, колодцев для водопоя, к заведению садов, лесов, к распространению хлебопашества, огородничества» (ПСЗ РИ, 1848: 369).

Часть из этих настоятельных рекомендаций администрации, а именно необходимость проведения работ по «устройству загонов для скота, колодцев для водопоя» была положительно воспринята калмыцкими скотоводами, которые понимали важность и необходимость таких работ для устойчивого развития собственного кочевого хозяйства. Впрочем, надо отметить, что рекомендованные администрацией загоны для скота, сделанные из различного материала, и колодцы с питьевой водой уже широко использовались кочевниками ранее в повседневной хозяйственной деятельности.

Стремление царской администрации заселить якобы «пустующие земли» кочевников, попутно приобщить их к оседлому образу жизни, занятию земледелием стало для чиновников своеобразной идеей фикс. Для реализации этой цели они затеяли переселение в Калмыцкую степь крестьян из центральных районов России, ощущавших нехватку земли для хозяйствования в местах прежнего проживания. Особенно усилился все более нарастающий поток крестьян на земли калмыцких кочевников после отмены крепостного права в 1861 г. Механическое переселение крестьян, в частности, в Калмыцкую степь со временем поставило калмыцкий народ на грань выживания. Да и переселенные крестьяне оказались в стесненных земельных условиях. Власти, инициировавшие и проводившие переселенческую политику в кочевой регион, в общем, не обратили внимания на то, что всем крестьянам-новоселам было мало той территории, выделенной в основном для ведения земледельческого хозяйства. Еще в 1803 г. особый чиновник по делам «назначения земель калмыкам в Астраханской и Кавказской губернии» генерал-майор И. И. Завалишин писал по поводу недостатка пахотной земли у переселенцев в Калмыцкую степь, отметив в своем донесении по инстанции вскользь, как неважную деталь, что у редкого из переселенцев есть «степной земли столько, чтоб можно было, не выходя за рубеж, производить запашку и пастьбу» и что они «нуждаются в землях для скотоводства» (ПСЗ РИ, 1806: 297). Новоприбывшие крестьяне не могли полноценно заниматься хлебопашеством из-за отсутствия достаточных запасов водных ресурсов и дождей, часто случавшихся засух и пр. Так, в 1879 г. у крестьян Малодербетовского улуса «все посеянные хлеба от сильных жаров и бездождия начали сохнуть, так что рожь большею частию всю должны были скосить еще зеленую, дабы сохранить ее хотя для корма скота» (НА Калм НЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16). Многим из переселенцев из-за специфических условий аридной территории Калмыцкой степи, в особенности в центре и на востоке степи, пришлось отказаться от занятий земледелием и перейти к ведению кочевого скотоводческого хозяйства. Крестьяне активно занимали земли, ранее принадлежащие кочевым калмыцким скотоводам, некоторая часть из которых, не выдержав серьезной конкуренции с переселенцами, была вынуждена перейти к занятию отходническими промыслами. Поток переселенцев, несмотря на сложные природно-климатические условия Калмыцкой степи, с каждым годом увеличивался, и крестьяне, надо отметить, успешно занимались скотоводством. По данным А. Команджаева в конце XIX в. переселенцы-крестьяне составляли около четверти населения Калмыцкой степи, у них наблюдался довольно значительный прирост поголовья животных: «только по двум волостям (Элистинскому и Ремонтненскому) на каждую сотню жителей приходилось 8 лошадей, 190 голов КРС, 6 025 овец и 18 коз. За исключением лошадей, эти цифры значительно превосходили численность поголовья, имеющегося у калмыков [Команджаев, 2009: 85].

С усилившимся переселенческим движением в Калмыцкую степь скотоводство калмыков и пришлых крестьян оказалось в условиях земельного голода. Тем не менее как у кочевников, так и у крестьян наблюдался рост, хотя и медленный, общего поголовья животных. Если в 1863 г. в основном калмыки имели 803941 овец, 143345 голов крупного рогатого скота, то в целом в дореволюционный период,

по выведенным обобщенным данным А. Н. Команджаева, в Калмыкии у калмыцких скотоводов и крестьян-переселенцев имелось: лошадей – 88,0 тыс. голов, крупного рогатого скота – около 500 тыс., овец – 1,5 млн, верблюдов – 25 тыс., коз – 20 тыс. Помимо этого, очевидно, как замечает исследователь, в переселенческих селах, наверняка, имелись свиньи и козы, которые не отражены в представленной им статистике.

Организация и успешное развитие крупных товарных скотоводческих хозяйств у переселенцев стали возможными, в том числе, за счет самовольного незаконного выпаса животных или дешевой аренды удобных участков земли под выпас скота и сенокосения. Постоянно усиливавшийся захват земли переселенцами при попустительстве губернской администрации вызывал естественное недовольство калмыцкого населения. Неудивительно, что на съезде калмыцких скотоводов в 1903 г. основным вопросом стал выпас в Калмыцкой степи «постороннего скота». Крестьянское оседлое население, по словам участников съезда, осуществляет «поступательное движение вглубь калмыцкой кочевки» и проводит «захваты Калмыцкой степи» при полном бессилии «родовых (аймачных) обществ в деле регулирования выпаса постороннего скота» (Наберухин, Тепикин, 1980: 44). Подавляющее большинство калмыцких представителей заявило, что выпас «постороннего скота» должен быть запрещен повсеместно на всей территории. Немногочисленные попытки отдельных чиновников управления калмыцким народом по защите калмыцких пастбищ, как, например, усилия Главного попечителя В. А. Башкирова, не могли играть особой роли ввиду того, что основное количество нарушителей проживало в пределах самой Калмыцкой степи [Лиджиева, 2016: 29].

Непродуманные решения властей, принятые без учета объективных реалий, привели к тому, что как кочевники, так и крестьяне, столкнулись с катастрофической нехваткой земли для ведения скотоводства, что создало для них сложные и трудноразрешимые проблемы, выливавшиеся подчас в межземельные споры и конфликты. Однако следует сказать, что переселенческий процесс в Калмыцкой степи в то же время имел и положительные стороны. Кочевники постепенно приобщались к земледельческому труду, научились выращивать хлеб и овощи, ставшие со временем непременным атрибутом их довольно скудного рациона питания. Крестьяне успешно перенимали у калмыков навыки ведения скотоводства, в чем номады имели богатый многовековой опыт. В процессе взаимного общения те и другие перенимали друг у друга прогрессивные способы ведения хозяйства. Калмыки по примеру переселенцев больше стали заготавливать корма для скота. Первые факты сенокосения у них отмечались еще в 1830-х гг. Так, в 1839 г. А. В. Попов отмечал, что после 1833 г. многие калмыки в Малодербетовском улусе «запасали на зиму столько кормов, что их хватало не только на период зимовки, но даже оставался избыток» (Попов, 1839: 45). Чиновник особых поручений барон Н. Вревский в своем рапорте от 22 ноября 1879 г. на имя министра государственных имуществ П. А. Валуева писал: «Приехав в Калмыцкую степь в начале июня месяца, я застал степных жителей в большой тревоге <...> у степных жителей Калмыков и крестьян урожай трав, на сенокосных местах, был очень скудный, и запасов сена, вследствие засух, во многих местах не сделано вовсе, у других хотя и сделаны, но незначительные» (НА Калм НЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16). По словам П. Небольсина, в XIX в. калмыки связывали

заготовленное сено в снопы, которые складывались в стога, состоявшие из тысячи снопов (Небольсин, 1852: 15). Сенокосение и заготовка кормов на зиму для скота прочно вошло в повседневную жизнь калмыков.

Административные реформы от 16 марта 1892 г. усилили процесс разрушения замкнутости скотоводческого хозяйства калмыков и вывели его на более качественный торгово-промышленный уровень. Под влиянием общероссийских тенденций кочевое хозяйство калмыков стало радикально изменяться с учетом все большего значения товарности производства. Скотоводческие хозяйства стали больше ориентироваться на рынок, что привело к активному развитию товарных отраслей животноводства. Калмыки, да и крестьяне тоже, не имея государственных заказов, выращивали и продавали скот в основном для собственного жизнеобеспечения. Однако, к примеру, на ускоренное развитие коневодства в Калмыкии в этот период оказало влияние принятое в 1894 г. Военным министерством «Положение о комплектовании войск лошадьми при приведении армии в полный состав и во время войны, в применении к калмыкам Астраханской губернии» (НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 1).

Важным итогом административной политики Российской империи стали глобальные трансформации в традиционном мировоззрении кочевников. В исследовательских работах по культуре монгольских народов распространено убеждение, что земля в среде кочевых этносов как таковая не представляла ценности. При наличии частной собственности на скот в кочевых обществах представления оседлых обществ о собственности на землю были неактуальными (Кычанов, 1997: 184). Говоря о собственности на землю в традиции кочевых культур Центральной Азии и Южной Сибири, следует отметить отсутствие явного экономического и юридического контекста представлений о собственности на землю в мировоззрении монгольских народов. Вместе с тем надо сказать, что в культуре кочевых этносов существовали устойчивые, духовные связи с землей и потому стоит усомниться в тезисе о том, что номады в действительности легко могли менять места проживания (Содномпилова, 2009: 263). Склонность к перемене мест древними кочевниками не определялась слабой связью с точками своего обитания, к этому подвигала их необходимость сохранить скот – основу жизнеобеспечения номадов. Об этом вечном движении кочевников, их причинах писал легендарный советский полководец О.И. Городовиков: «Кочевье – это вечная погоня за кормом для скота. Весной скотовод гонит свое стадо на пастбище на север, где и проводит с ним все лето до поздней осени, здесь много корма для скота... К зиме степь становится суровой. На ее открытых просторах разгуливают ветры. Трава за лето выгорает, и скоту нечем питаться. Надо подаваться на юг, где еще есть трава, и кочевник начинает перекочевывать к Манычу и дальше, к низовьям Терека и Кумы» (Городовиков 1957: 19).

С развитием товарных, капиталистических отношений в обществе земля стала представлять для кочевников особое значение, происходило изменение их ментальности в виде усиления в ней частнособственнических настроений (Фризен, 2016: 117). В традиционном кочевом обществе каждый род имел свои сезонные пастбища, но эти земли не предоставлялись в частную собственность, а только в пользование. С началом переселенческой политики в Калмыцкую степь представления о землеустройстве у кочевников стали меняться. В условиях постепенной утери наиболее удобных земель, калмыки нуждались в наличии земельных участков именно в собственности, чтобы на них не могли посягать власть и переселенцы.

Реформы 1892 г. привели к изменению традиционных правил кочевков и землепользования. Население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы больше получить сенокосных и пастбищных угодий, эффективно использовать свои территории в условиях всё большего роста крестьянской переселенческой деревни и связанного с ним серьезного сокращения территории калмыцких земель. Менялась и структура семейных отношений, подстроенная под новые веяния. Из каждого калмыцкого хозяйства большой патриархальной семьи выделяли совершеннолетних членов мужского пола. Это позволяло, к примеру, получить преференции в виде дополнительного пая из общинных сенокосных угодий. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи в конце XIX в. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи (Батыров, 2016: 101).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты административной политики Российской империи в Калмыцкой степи к началу XX в. в целом оказались ничтожными и не соответствовали затратам значительных финансовых сумм, которые расходовались из казначейства и из сборов с местного населения. Эти расходы с определенного времени стали распространяться и на новоприбывших крестьян из других регионов России, поток которых на калмыцкие земли значительно усилился, в особенности после отмены крепостного права в России в 1861 г. Правительство поощряло колонизацию Калмыцкой степи, имея в виду свои далеко идущие планы. Если в первой половине XIX в. оно стремилось проводить колонизацию территории постепенно, заселяя ее крестьянами-переселенцами вдоль трактов, чтобы не нарушать традиционные маршруты кочевания калмыков, то во второй половине XIX в. маршруты переселения крестьян распространялись вглубь территории Калмыцкой степи. Крестьяне, пользуясь определенной поддержкой со стороны административных органов Астраханской губернии, занимали, иногда и самовольно, плодородные земли и на них развивали хлебопашество. Там, где у них земли были менее плодородными, они наравне с калмыками занимались и, надо сказать, достаточно успешно разведением различных видов скота. Занимая и зачастую захватывая все больше территорий прежних кочевий калмыков, крестьяне стали вытеснять их из степи, вынуждая сокращать собственное поголовье скота, переходить к занятию отходническим промыслом – ловлей рыбы, соледобычей и пр. Немалое число калмыков стало заниматься строительными, транспортными и другими работами, трудиться наемными работниками в качестве батраков, поденщиков, табунщиков, пастухов в русских селах или у своих же зажиточных калмыков.

Сокращение пастбищных угодий в результате проводимой правительством России политики по ограничению территорий для кочевания калмыков уже со второй половины XIX в. сделало невозможным функционирование у кочевников традиционной пастбищной системы. Единственным способом для выживания в условиях земельного «голода» был переход к полукочевому, а затем и базовому скотоводству. К началу XX в., по словам С.С.Бадмаева, «завершился переход от кочевого к полукочевому скотоводству и шел интенсивный процесс перехода к оседлому товарному

хозяйству. И если для большинства улусов было характерно полукочевое хозяйство как переходное к оседлому, то для некоторых улусов (Большедербетовского, отдельных аймаков Малодербетовского, Яндыко-Мочажного, Александровского) основу составляло оседлое хозяйство» (Бадмаев, 1994).

Проведение радикальных хозяйственных и социальных изменений в жизни кочевых калмыков находилось в рамках тогдашней парадигмы государственного развития Российской империи, общей обрусительной политики государства по отношению к национальным этносам. Сами чиновники, состоящие в штате управления калмыками и усиленно предлагавшие перевод калмыков на оседлость, замену буддизма на православие, скотоводства на земледелие, зачастую не имели даже общего представления о языке, хозяйстве, верованиях, нравах и обычаях степного народа. Огромная многонациональная империя оказалась неспособной подготовить достаточное количество административных кадров, которые были не готовы к полноценной и эффективной работе в иноэтничных и иноконфессиональных регионах. Более того, чиновники, работавшие на периферии, в частности, в Калмыцкой степи, не стремились выбиваться из узких рамок своих должностных обязанностей, рассматривая службу в отдаленных регионах как очередной этап в своей служебной карьере. Министерства и ведомства России не имели даже формализованных знаний о социально-экономическом состоянии кочевых народов Востока. Видимо, по этой причине на протяжении первой половины XIX в. государством так и не были выработаны правильные и устойчивые взгляды на общественное развитие и скотоводство калмыков; решение этих вопросов было практически полностью отдано на откуп чиновникам местной губернской администрации. Служилые люди не учитывали многовековой опыт калмыцкого народа занятием скотоводством, устроенного им сообразно природно-климатическим условиям места проживания, если говорить, в частности, о Калмыцкой степи, то в целом ее территория, почвенная структура, климат никоим образом не подходили для земледельческого труда. Кочевое хозяйство и буддизм на протяжении многих столетий были для калмыков образом жизни. Судьба калмыцкого народа, дальнейшие пути социально-экономического развития этноса в тот исторический период всецело, можно сказать, зависели не от профессиональных знаний губернских чиновников, а от их личных предпочтений и волюнтаристских решений. В рамках и в условиях общеимперской национальной политики, суть которой состояла в скорейшем объединении социальных, экономических и хозяйственных интересов калмыков с общероссийскими, хозяйственная культура калмыцкого народа оказалась заложником этой самой политики, непродуманных действий губернских властей. Социальные и хозяйственные меры, предлагаемые властью по отношению к калмыцкому народу, показали свою несостоятельность и нежизнеспособность. В целом можно констатировать, что принятые различного рода решения и действия российской администрации, направленные на переход калмыков к земледелию, оседлому образу жизни, православию, так и не оправдались. В правящей верхушке и у губернских властей еще не появилось осознание необходимости использования достижений ориенталистики для подготовки грамотных административных кадров, выработки правильных государственных решений по дальнейшему развитию земельных отношений в регионе, кочевого

скотоводства калмыков, что в конечном итоге повлекло за собой не только глубокое социальное расслоение национального общества, но и постепенный отход от традиций кочевания, ставший к концу XIX в. одной из главных причин кризиса ведущей отрасли народного хозяйства Калмыцкой степи.

Литература

- ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII. 1-е собр. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1830а. 1196 с.; Т. XXIX. 1-е собр. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1830б. 1389 с.; 2-е собр. Т. XXII. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1848. 951 с.
- ГА АО – Государственный архив Астраханской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2502; Ф. 857. Оп. 1. Д. 12.
- ГА СК – Государственный архив Ставропольского края. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 3
- НА КалмНЦ РАН – Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16.
- НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199; Ф. 2. Оп. 1, д. 368; Ф. 9. Оп. 1. Д. 219; Ф. 9. Оп. 4. Д. 131; Ф. 9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 1.
- Гурий (Степанов), архимандрит (1915). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Ч. 1-2. Казань: Центральная типография.
- Бадмаев, С.Б. (1971). О расширении воспроизводства в дореволюционном скотоводческом калмыцком хозяйстве. *Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ*. № 13. Сер. историческая. Элиста, 70–76.
- Бадмаев, С.С. (1993). Основные направления хозяйствования и развития форм собственности в Калмыкии во второй половине XIX–начале XX вв. *Проблемы всеобщей истории*. Элиста: Калмгосуниверситет.
- Бадмаева, Е.Н. (2010). Вопросы развития животноводства Калмыкии в 1930-1940-х гг. *Oriental Studies*. 3(1), 67–70.
- Батыров, В. В. (2016). Большая патриархальная семья у калмыков в конце XIX в. // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 12 (54). Часть 2. 100–102.
- Белоусов, С. С. (2002). К истории разработки программы заселения дорог на калмыцких землях – первой государственной программы социально-экономических преобразований в Калмыкии. *Вестник КИГИ РАН*. Элиста, АПП «Джангар», 120–133.
- Борисенко И. В. (1991). *Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период*. Элиста.
- Бузулов, Д. (1997). Не взыскания, а награды заслуживает... Тимирязев И. С. *Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки*. Астрахань: ИПК «Волга», 81–94.
- Бурчинова, Л.С. (1977). Развитие животноводства Калмыцкой степи Астраханской губернии в 60-х начале 90-х XIX в. *Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии*. Калмыцкий НИИЯЛИ. 77–105.
- Бюлер, Ф.А. (1846). Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. *Отечественные записки*. СПб., Т. 47, отд. 2, № 7. С. 1-28; № 8. С. 59-125; Т. 48, № 10. С. 57-94; Т. 49, № 11. С. 1–44.
- Городовиков О.И. *Воспоминания*. М., 1957.
- Дуброва, Я.П. (1899). *Быт калмыков Ставропольской губернии*. Казань.
- Житецкий, И. А. (2013). *Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг.* Москва.

Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции (1868). СПб.: Министерство государственных имуществ; тип. В. Безобразова и К°.

Колчерин, А. (2014). *Христианизация народов Поволжья. Н. И. Ильминский и православная миссия*. Москва: РИСИ.

Команджаев, А.Н. (1976). Капиталистические тенденции развития животноводства в конце XIX – начале XX вв. *Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ*. 15. Сер. историческая. Элиста, 90-116.

Команджаев, А. Н. (2009). О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии. *История Калмыкии*. Т. 2. Элиста: ИД «Герел».

Команджаев, А. Н. (2011). Кочевое хозяйство калмыков: исторический опыт и современное звучание. *Экономическая история*, (4), 22–25.

Команджаев, А. Н., Андропов, А.Н. (2013). Развитие сельского хозяйства в Калмыкии во второй половине XIX века. *Вестник Калмыцкого университета*. История и археология. № 1(17). 56–63.

Костенков К. (1870). *Исторические и статистические сведения о калмыках*. СПб.

Кычанов, Е. И. (1997). Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит.

Лиджиева, И. В. (2016). Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым (1892–1895 годы). *Новый исторический вестник*. 24–31.

Мефодий, иеромонах (Львовский) (1898). *Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса и калмыцкие хурулы*. Ставрополь.

Наберухин, А. И., Тепикин, А. В. (1980). Программные требования калмыцкой национальной буржуазии накануне и в годы первой русской революции. *Калмыкия в трех революциях и гражданской войне*. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во. 42–63.

Небольсин, П. И. (1852). *Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса*. СПб., Типография Карла Крайя.

Нефедьев, Н. (1834). *Подробные сведения о волжских калмыках*, собранные на месте Н.Нефедьевым. СПб.: Тип. Карла Крайя.

Паллас, П. С. (1809). *Путешествие по разным провинциям Российской империи*. Часть 1. СПб.

Позднеев, А.М. (1886). Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CCXLIV, № 3 (март). СПб. 140-170.

Попов, А. В. (1839). Краткие замечания о приволжских калмыках. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. XXII. Отдел II. 17–47.

Содномпилова М. М. (2009). *Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Страхов, Н. И. (1810). *Нынешнее состояние калмыцкого народа, с привоскуплением калмыцких законов, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни «Савардин»*. СПб.: тип. Шнора.

Схиммельпеннинкван дер Ойе, Дэвид (2004). *Мирза Казем-бек и Казанская школа востоковедения. Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань: Центр исследований национализма и империи.

Трепавлов, В.В. (1999). Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI-XX века). *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений*. М.: Наука, Институт российской истории РАН, 115–120.

Фризен, Д. Я. (2016). Взаимоотношения между казахами и крестьянами-переселенцами Западного Казахстана в XIX – начале XX века. *Самарский научный вестник*. № 4 (17). 117–121.

References

- PSZ RI – The complete collection of laws of the Russian Empire. *Vol. XXVII*. 1st sobr. SPb.: Type. II Ed. Own. His Imp. Vel-va Chancery, 1830a. 1196 p.; *Vol. XXIX*. 1st sobr. SPb.: Type. II Ed. Own. His Imp. Vel-va Chancellery, 1830b. 1389 p.; 2nd sobr. T. XXII. SPb.: Type. II Ed. Own. His Imp. Vel-va Office, 1848. 951 p.
- HA AO – State archive of the Astrakhan region. F. 1. Op. 1. D. 2502; F. 857. Op. 1. D. 12.
- HA SC – State archive of the Stavropol territory. F. 408. Op. 1. 3. L. 3
- HA KalmNC RAN – Research archive Kalmyk scientific center of RAS. F. 4. Op. 2. D. 271. L. 16.
- NA RK – National Archive of the Republic of Kalmykia. F. 1. Op. 1. D. 199; F. 2. Op. 1, d. 368; F. 9. Op. 1. D. 219; F. 9. Op. 4. D. 131; F. 9. Op. 5. D. 1228. L. 1.
- Gury (Stepanov), Archimandrite (1915). *Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongolian tribes*. Vol. 1. Kalmyks. Ch. 1-2. Kazan: Central Printing House (in Russian).
- Badmaev, S. B. (1971). On the expansion of reproduction in the pre-revolutionary cattle breeding Kalmyk economy. *Bulletin of the Kalmyk NIIYALI*. No. 13. Ser. historical. Elista, 70-76 (in Russian).
- Badmaev, S. S. (1993). The main directions of management and development of forms of ownership in Kalmykia in the second half of the XIX-early XX centuries. *Problems of universal history*. Elista: Kalmgosuniversitet (in Russian).
- Badmaeva, E. N. (2010). Questions of the development of animal husbandry in Kalmykia in the 1930s and 1940s. *Oriental Studies*. 3(1), 67–70 (in Russian).
- Batyrov, V. V. (2016). A large patriarchal family among the Kalmyks at the end of the XIX century. *International Scientific Research Journal*. 2016. № 12 (54). Part 2. 100-102 (in Russian).
- Belousov, S. S. (2002). On the history of the development of the road settlement program on the Kalmyk lands – the first state program of socio-economic transformations in Kalmykia. *Bulletin of the KIGI RAS*. Elista, APP “Dzhangar”, 120-133 (in Russian).
- Borisenko, I. V. (1991). *Essays on the historical geography of Kalmykia*. The pre-revolutionary period. Elista (in Russian).
- Buzgulov, D. (1997). Not punishments, but rewards deserve... Timiryazev I. S. *Astrakhan governors. Historical and local history essays*. Astrakhan: IPK “Volga”, 81-94 (in Russian).
- Burchinova, L. S. (1977). The development of animal husbandry in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the 60s and early 90s of the XIX century. *From the history of pre-capitalist and capitalist relations in Kalmykia*. Kalmyk NIIYALI. 77-105 (in Russian).
- Buhler, F. A. (1846). Nomadic and sedentary foreigners living in the Astrakhan province. Their history and real life. *Domestic notes*. St. Petersburg, Vol. 47, ed. 2, No. 7. pp. 1-28; No. 8. pp. 59-125; Vol. 48, No. 10. pp. 57-94; Vol. 49, No. 11. pp. 1-44 (in Russian).
- Gorodovikov O.I. *Memoirs*. M., 1957.
- Dubrova, Ya. P. (1899). The life of the Kalmyks of the Stavropol province. Kazan (in Russian).
- Zhitetsky, I. A. (2013). *Essays on the life of the Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observations of 1884-1886*. Moscow (in Russian).
- The Kalmyk steppe of the Astrakhan province according to the research of the Kumo-Manych expedition* (1868). St. Petersburg: Ministry of State Property; type. V. Bezobrazova and Co. (in Russian).
- Kolcherin, A. (2014). *The Christianization of the peoples of the Volga region. N. I. Ilminsky and the Orthodox Mission*. Moscow: RISI (in Russian).
- Komandzhaev, A. N. (1976). Capitalist trends in the development of animal husbandry in the late XIX-early XX centuries. *Bulletin of the Kalmyk NIIYALI*. 15. Ser. historical. Elista, 90-116 (in Russian).

Komandzhaev, A. N. (2009). About the place of the resettlement economy in the agrarian evolution of Kalmykia. *History of Kalmykia*. Vol. 2. Elista: ID "Gerel" (in Russian).

Komandzhaev, A. N. (2011). Nomadic economy of the Kalmyks: historical experience and modern sound. *Economic History*, (4), 22-25 (in Russian).

Komandzhaev, A. N., Andropov, A. N. (2013). The development of agriculture in Kalmykia in the second half of the XIX century. *Bulletin of the Kalmyk University*. History and archeology. № 1(17). 56–63 (in Russian).

Kostenkov, K. (1870). *Historical and statistical information about the Kalmyks*. SPb. (in Russian)

Kychanov, E. I. (1997). *Nomadic states from the Huns to the Manchus*. Moscow: East lit (in Russian).

Lidzhieva, I. V. (2016). Protection of the borders of the Kalmyks' nomads by the Chief Trustee of the Kalmyk people, V. A. Bashkurov (1892-1895). *New Historical Bulletin*. 24–31 (in Russian).

Methodius, Hieromonk (Lviv) (1898). *The origin and history of the Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus and Kalmyk huruli*. Stavropol (in Russian).

Naberukhin, A. I., Tepikin, A.V. (1980). The program requirements of the Kalmyk national bourgeoisie on the eve and during the first Russian Revolution. *Kalmykia in three revolutions and a civil war*. Elista: Kalmyk publishing House. 42–63 (in Russian).

Nebolsin, P. I. (1852). *Essays on the life of the Kalmyks of the Khosheutovsky ulus*. St. Petersburg, Printing House of Karl Kraya (in Russian).

Nefediev, N. (1834). *Detailed information about the Volga Kalmyks*, collected on the spot by N. Nefediev. SPb.: Type. Karla Kraya (in Russian).

Pallas, P. S. (1809). *Travel to different provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg (in Russian).

Pozdneeve, A. M. (1886). Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century. *Journal of the Ministry of Public Education*. Ch. CCXLIV, No. 3 (March). St. Petersburg. 140-170 (in Russian).

Popov, A.V. (1839). Brief remarks about the Volga Kalmyks. *Journal of the Ministry of Public Education*. Ch. XXII. Division II. 17-47 (in Russian).

Sodnompilova M. M. (2009). *The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS (in Russian).

Strakhov, N. I. (1810). *The current state of the Kalmyk people, with the addition of Kalmyk laws, ten rules of their faith, prayer, a moral story, a fairy tale, proverbs and a song "Savardin"*. St. Petersburg: type. Schnora (in Russian).

Schimmelpennink van der Oye, David (2004). *Mirza Kazem-bek and the Kazan School of Oriental Studies. The new Imperial history of the post-Soviet space*. Kazan: Center for Research on Nationalism and Empire (in Russian).

Trepavlov, V. V. (1999). Formation of a system of relations between the center and national suburbs in Russia (XVI-XX centuries). *Russia in the XX century. Problems of National Relations*. Moscow: Nauka, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 115-120 (in Russian).

Friesen, D. J. (2016). The relationship between Kazakhs and migrant peasants of Western Kazakhstan in the XIX-early XX century. *Samara Scientific Bulletin*. № 4 (17). 117–121 (in Russian).

УДК 2-1+1(091)

ПОКЛОНЕНИЕ БУДДИЙСКИМ УЧИТЕЛЯМ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ¹

Андрей Александрович Базаров

доктор философских наук, доцент

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: bazarow_andr@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается культура визуальных образов бурятских буддистов юга Сибири на примере коллекции фотографий ИМБТ СО РАН и комплекса «Хоймор-Гунгурва». На основе сравнительного анализа автор устанавливает взаимосвязь между местной культурой визуальных образов буддистов и идентичностью бурят. После определения идентичности бурят буддистов на основе анализа визуальных аспектов их религиозного поклонения, в этой статье утверждается, что культура буддийских визуальных образов и повседневные практика поклонения им являются наиболее важными аспектами в формировании местной идентичности. Анализ подтвердил тот факт, что кардинальное изменение механизма передачи буддийской традиции в Бурятии, социальные сдвиги, экономический кризис привели к трансформации вектора развития традиционной буддийской культуры бурят, приоритетом которого становится не общерелигиозный, а местный этнический компонент.

Ключевые слова

Буддизм, визуальные образы, фото, коллекция, поклонение, буряты, идентичность, повседневная ритуальная практика

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00068 А. The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00068 A.

UDC 2-1+1(091)

WORSHIP OF BUDDHIST TEACHERS: VISUAL IMAGES IN EVERYDAY RITUAL PRACTICE

Bazarov Andrey Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

E-mail: bazarow_andr@mail.ru

Annotation

This article examines the culture of visual images of Buryat Buddhists in the south of Siberia on the example of the collection of photographs of the IMBT SB RAS and the complex “Hoimor-Gungurva”. Based on a comparative analysis, the author establishes the relationship between the local culture of visual images of Buddhists and the identity of the Buryats. After determining the identity of Buryat Buddhists based on the analysis of the visual aspects of their religious worship, this article argues that the culture of Buddhist visual images and the daily practice of worshipping them are the most important aspects in the formation of local identity. The analysis confirmed the fact that a radical change in the mechanism of transmission of the Buddhist tradition in Buryatia, social shifts, and the economic crisis led to the transformation of the vector of development of the traditional Buddhist culture of the Buryats, the priority of which is not the general religious, but the local ethnic component.

Key words

Buddhism, visual images, photo, collection, worship, Buryat identity, everyday ritual practice

ВВЕДЕНИЕ

Визуальные образы в буддизме Внутренней Азии и Южной Сибири играют основополагающую роль в повседневных религиозных ритуалах, психосоматической (йогической) практике и распространении идей. Активная социальная роль буддийской сангхи формируется за счет актуализации конкретных образов благодаря фото и картинам (танка, цагли). В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН хранится коллекция редких фотографий буддийских монахов, святых мест и предметов (250 е.хр.). Собрание фото Центра восточных рукописей до настоящего времени не подвергалось системному компаративистскому описанию и не вводилось в научный оборот. Существующие описания и презентации буддийских визуальных образов благодаря ряду объективных причин в основном направлены на музееведческий аспект. В связи с современными тенденциями в гуманитарном знании при изучении подобных собраний востребован исторический (Магидов, 2005) и социально-антропологический фактор (Гурьева, 2009; *Anthropology and Photography*, 1992).

Традиционно в буддийской культуре региона данные фото хранились на северной «святой» стороне (бур. хоймор) в специальном месте (бур. гунгурба) жилищ верующих буддистов региона¹. Для понимания реалий местного буддизма был проведен сравнительный анализ буддийских фото-образов из коллекции ИМБТ СО РАН (предполагается, что она была создана в результате экспедиционной деятельности института в 50-70 гг. прошлого столетия) и комплекса соответствующей повседневной ритуальной практики, неотъемлемой частью которого является «хоймор-гунгурба» (материалы комплекса были собраны в ходе экспедиционной деятельности 2006-2014 гг.). Данный анализ продемонстрировал синхронный и диахронный уровень развития повседневной визуально-ритуальной культуры буддистов обширного региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Предлагаемая в данном исследовании методика основывается на системном анализе культур прошлого и настоящего, которая в каждую историческую эпоху проявляет себя на 3-х взаимосвязанных уровнях: 1) на уровне повседневности (ежедневные действия, различные формы регламентации); 2) на уровне идеологии (система символов, отношений и культурно-значимых образцов, через которую формулируются ценности культуры, организуются существующие и вводятся новые представления, образы, понятия, а также решаются спорные вопросы или сомнительные случаи); 3) на уровне социальной организации (внутренние иерархические связи, объем и характер контактов с окружением и т.д.). Центральным звеном для изучаемых сообществ, связывающим между собой разные планы, является сакральный/авторитетный визуальный образ. Именно он позволяет носителям данных культур – создавать и транслировать ценности, задавать жизненный ритм,

¹Данные фотографии широко используются в ежедневной религиозной практике бурятами буддистами для ритуала восхваления учителя, прочтения «прибежища», многочисленных заклинаний и подношений и т.п.

выстраивать образцы «ритуального поведения», формировать визуально-поведенческие стереотипы и пр. Известно, что признание в качестве авторитетных одного и того же круга религиозного образа (текста) не ведет автоматически к схождению жизненных установок и стратегий носителей традиции. Поэтому реконструкция состава общинных и личных собраний визуальных образов (фото и икон-танок) в совокупности со сбором информации о конкретных людях и общинах создает возможность, во-первых, для исследования культурных ценностей и смыслов во временной и пространственной перспективе; во-вторых, для решения теоретических и практических вопросов, связанных с изучением модификационных процессов в буддизме Восточной Сибири. Именно это позволяет ставить вопрос об изучении функциональных аспектов общинных и индивидуальных собраний визуальных образов (икон-танок и фото) в их естественном социокультурном контексте, а также рассматривать эти собрания в целом и каждый образ в отдельности как носителей синтетической и многоаспектной информации, и, в конечном счете, обозначить теоретико-методологические принципы систематизации и исследования полевого и камерального материала.

ОБСУЖДЕНИЕ

Разработка метаязыка описания визуального образа с целью выяснения механизма актуализации данного материала в буддизме состоит из следующих пунктов:

- механизм отбора образов и отношение к ним;
- всестороннее изучение культурного контекста, в котором эти образы проявляются;
- ритуально-психо-соматические цели тех, кто представляет и, кто использует образы;
- характер материалов: старые-новые, картины-фото, ментальные в виде текстов;
- учет реакции потенциальных категорий, визуализирующих образы и влияние на нее, даже помимо того воздействия, которое оказывает само визуальное сообщение.

Благодаря предварительному сравнительному анализу фото хойморов и коллекции фото ЦВРК ИМБТ СО РАН становится возможным сформулировать проблему, связанную со спецификой формирования бурятской этничности (под влиянием буддийского мировоззрения и под влиянием роста этнического самосознания).

Характеристика коллекции фото ЦВРК ИМБТ СО РАН. Данная коллекция была создана в ходе экспедиционных работ института в 50-70 гг. прошлого столетия, поскольку в ней представлены в основном фото дореволюционного периода, наиболее поздние фото (небольшое количество) ограничены 60-ми гг. Фото (средний размер экземпляров от 6х9 см. до 9х14 см. – традиционный размер цагли, созданы в фотоателье «Cabinet portreit», «Photographie Borel, St.Petersbourg, Nevsky 54», «Н.А. есноковъ, Санкт-Петербургъ», «Т.А.Урсу, Верхенудинскъ», «Souvenir», «Т-во А.Ф.Второва съ С-ми. Отделение въ Верхнеудске», «Г.С. Сибирская фотография въ Читъ», «Yu Chang, Peking» и др..) представляют собой предмет религиозного ежедневного поклонения буддийским учителям. Какова структура коллекции?

Первый раздел – это Далай ламы. Фото образ 13 Далай-ламы Нгаванг Лобсанг Тхуптэн Гьямцхо (38 единиц хранения). Фото образ 14 Далай-лама Нгагванг Ловзанг Тэнцзин Гьямцхо до 1959 г., большая часть (7 фото) совместно с 10 Панчен ламой (13 единиц хранения).

Второй раздел – это Панчен ламы. Фото образ 9 Панчен ламы Тубден Чокьи Ньима (7 единиц хранения). Фотографии молодого 10 Панчен ламы Лобсанг Тринле Лхундруп Чокьи Гьялцен (11 ед.хр., 7 фото совместно с 14 Далай ламой).

Третий раздел связан с образами 8 Богдо-гэгэна Нгаванг Лобсанг Чокьи Ньима Тензин Вангчуга (15 экземпляров).

Четвертый раздел коллекции указывает на великих учителей из Амдо. Фото: 4 Гунчен Жамьян Шепы Келсанга Тубден Ванчуга (3 экз.); 5 Жамьян Шепа Лобсанг Жамьян Еше Тенпе Келсанг (1 экз.). 5 Гунтана Жамьян Танпи Нимы (2 экз.). 69 Гумбум тичен Джаягсы гэгэна (9 экз.), тибетский лама Лобсанг Жампа Зангпо (1 экз.), Милаггшин гэгэн (3 экз.).

Пятый раздел – это монгольские ламы. Фото Гашой-ламы Дамби-Жамса (Шераб Гягцо) (10 экз.), Акпа-лама (1 экз.), Дара-эхэ лама (1 экз.), Ургинский Гашой-лама (1 экз.).

Шестой раздел представляет фото образы зарубежных буддийских монахов, посещавших Бурятию в 1960-е гг. Фото: Амритананда Тхера (3 экз.) и «Председатель Китайского буддийского общества» (1 экз.).

Седьмой раздел принадлежит представителям бурятского буддизма, перерожденцам, Пандито хамбо-ламам, настоятелям монастырей и известным религиозным деятелям. В коллекции присутствуют: детская фотография 6 Ганжурва-гэгэна Данзан Норбоева (1 экз.); 10 Пандито Хамбо-ламы Дампил Гомбоева (1 экз.); 11 Пандито хамбо-ламы Чойнзон-Доржи Иролтубе (2 экз.); 15 Пандито хамбо-лама Цыгунжап Баниев (1 экз.); 17 Пандито Хамбо-ламы Лубсан-Нима Дармаева (1 экз.); 18 Пандито Хамбо Лама Еши Доржи Шарапов (1 экз.); Агван Лобсан Доржиева (3 экз.); Лубсан-Сандан Цыденов (1 экз.); Тутулдура Тобоева (1 экз.); Цыдена Соодоева, настоятеля Баргузинского дацана (6 экз.); Жамбаева, настоятеля Анинского дацана (5 экз.); Соржи ламы Чойжи Лобсан Гомбо Дорже Эрдынеева, настоятель Эгитуйского дацана, (5 экз.); Дашапыла Зодбоева, настоятеля Эгитувского дацана (4 экз.); Чагдаржапа Донсорунова, настоятеля Тугнуй-Галтайского дацана (2 экз.); Галсаа Тарба Иванова, настоятеля Цугольского дацана (1 экз.); Дарижап Норбоев, настоятель Агинского дацана (1 экз.); Аюша Абидуев, настоятель Анинского дацана (4 экз.). Кроме официальных религиозных лиц существовали фото относительно простых монахов, например: Хохюрте лама (лама Хохюртаевского дацана) (2 экз.) и янгажинский лама лхарамба Ринчена Дабаева (1 экз.).

Характеристика фоторяда «хоймор-гунгурба», представляющего материал социально-археографических экспедиций ИМБТ СО РАН в период 2006-2014 гг. (10 районов Республики Бурятия), в сравнении с вышеуказанной коллекцией. В текущем исследовании было изучено 28 комплексов «хоймор-гунгурба» с точки зрения поклонения образам буддийских учителей. Наибольшей представительностью обладает образ 14 Далай ламы Нгагванг Ловзанг Тэнцзин Гьямцхо (26 экз.). Присутствуют дореволюционные образы 8 Богдо-гэгэна Нгаванг Лобсанг Чокьи Ньима Тензин Вангчуга (2 экз.) Практически отсутствуют образы 13 Далай ламы,

панчен-лам, современного Богдо-гэгэна, монгольских учителей. Тибетские учителя представлены образами Кушок Бакула Ринпоче (3 экз.), Еше Лодой Ринпоче (2 экз.). Бурятские Пандито Хамбо Ламы представлены в 21 экземплярах, наибольшей популярностью обладает фото образ Пандито Хамбо Ламы 12 Даши-Доржо Итигэлов (18 экз.). Образ современного 24 Пандито Хамбо Ламы Дамбы Аюшеева отсутствует. В комплексах широко представлены образы дореволюционных настоятелей бурятских монастырей (17 экз.), родственников и односельчан – буддийских монахов (22 экз.), местных лам, работавших с населением в 50-80 гг. (10 экз.). В фоторяде «хоймор-гунгурба» количественное соотношение фотографий между зарубежными и бурятскими ламами установлено в пользу последних. Что касается коллекции фото ИМБТ СО РАН, то здесь наоборот.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате необходимо подчеркнуть, что анализ двух фоторядов (коллекция фотографий ИМБТ СО РАН и комплексов «хоймор-гунгурба») показал, что буддисты в Бурятии в период с конца XIX в. до 70-х гг. XX в. строили свою общину в весьма сложных условиях. Они прекрасно осознавали свое маргинальное положение в стране, свою культурную инаковость и чуждость основному направлению государственного развития. В этих условиях ординарное буддийское население рассматривает фото тибетских, монгольских (частично бурятских) лам не только как образ буддийского учителя, распространяющего учение (Нацов, 1995; Нацов, 1998) и предмет для ежедневной ритуальной практики, но и как основу своей собственной этнической идентичности. Вероятно, этот фактор, когда вопрос о бурятской идентичности в конце XIX в. стал острым, повлиял на массовое распространение данных фото.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что касается изменений, произошедших в 90-х гг. прошлого столетия, необходимо подчеркнуть, что определение локальной идентичности бурят буддистов подразумевает анализ разных аспектов их мировоззрения, культурной жизни, исторического прошлого (Жуковская, 2008). Буддийская визуальная практика и семейственность являются важнейшими аспектами в формировании местной идентичности в современных условиях. Анализ подтвердил тот факт, что кардинальное изменение механизма передачи буддийской традиции в Бурятии, социальные сдвиги, экономический кризис привели к трансформации вектора развития традиционной буддийской культуры бурят, приоритетом которого становится не общерелигиозный, а местный этнический компонент.

Литература

Гурьева, М. М. (2009). Повседневная фотография как объект научного исследования. *Вестник Ленинградского гос. ун-та им А.С. Пушкина*. Серия философия. № 3. Т. 2. С. 153–161.

Жуковская, Н. Л. (2008). Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета. *Религия в истории и культуре монголоязычных народов России*. М.: Вост. лит. С. 9-37.

Магидов, В. М. (2005). *Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания*. Москва.

Нацов, Г.Д. *Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I*. Введение, перевод и примечания Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995.

Нацов, Г-Д. *Материалы по ламаизму в Бурятии. Ч. II*. / Предисл., пер., примеч. и глоссарий Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998.

References

Guryeva, M. M. (2009). *Everyday photography as an object of scientific research. Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philosophy series*. No. 3. vol. 2. 153-161.

Zhukovskaya, N. L. (2008). Buddhism and Shamanism as factors of the formation of the Buryat mentality. *Religion in the history and culture of the Mongolian-speaking peoples of Russia*. Moscow: East lit. 9-37.

Magidov, V. M. (2005). *Film and photographic documents in the context of historical knowledge*. Moscow.

Natsov, G. D. *Materials on the history and culture of the Buryats. Ch. I*. Introduction, translation and notes by G. R. Galdanova. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS, 1995.

Natsov, G-D. *Materials on Lamaism in Buryatia. Ch. II*. / Preface, trans., note, and the glossary of G. R. Galdanova. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 1998.

УДК 94(470) “1238/1480”

БЫЛА ЛИ РОССИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИЕЙ? ЧАСТЬ 1

Диттмар Шорковиц

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник

Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия

Email: schorkowitz@eth.mpg.de

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. Автор благодарен редакции журнала “Nomadic civilization: historical research” за перевод и приглашение представить свою точку зрения. В тексте сохранена пунктуация переводчика.

Ключевые слова

Россия, Сибирь, колониализм, Калмыцкое ханство, политика

Перевод

Омакаева Элара Уляевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

Элиста, ул. Пушкина, д. 11.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

UDC 94(470) “1238/1480”

WAS RUSSIA A COLONIAL EMPIRE? PART 1

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., Dr. Phil. Habil., senior researcher

Max Planck Institute for Social Anthropology, Department of Law & Anthropology,
Berlin, Germany

E-mail: schorkowitz@eth.mpg.de

Annotation

The translation has been done from the edition: Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. The author is grateful to the editor of the journal “Nomadic civilization: historical research” for the translation and the invitation to present his point of view. The translator’s punctuation is retained in the text.

Keywords

Russia, Siberia, colonialism, Kalmyk Khanate, politics

Translation

Ellara U. Omakaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с риторического вопроса, глава описывает историческую экспансию России в Сибирь, Кавказ и Центральную Азию, подчеркивая особенности континентального колониализма и преемственность колониального контроля с царских до советских времен. Чтобы продемонстрировать, где, когда и как развивался колониализм в России, сначала основное внимание уделяется созданию многочисленных институтов, которые управляли вновь приобретенными территориями и превратили их во внешние или внутренние колонии империи. Затем приводятся рассуждения о колониализме и колонизации, о советском колониализме и деколонизации. Эти вопросы широко обсуждаются среди российских историков, которые иногда признают эксплуатацию нерусских народов, но не ее колониальный характер. В настоящее время утверждается, что ситуация в России скорее неоколониальная, чем постколониальная.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

Задолго до того, как Россия стала империей после окончания Великой северной войны против Швеции и Петра Великого (1682–1725), провозгласившего себя императором всея Руси (1721), великие князья и цари Московии были постоянно вовлечены в экспансию на восток после упадка Золотой Орды и вакуума власти, который турко-монгольские правители оставили во многих частях Европы и Азии.

Знаменитое завоевание Иваном IV, первым царем всея Руси (1547–1584 гг.), некогда могущественных Казанского и Астраханского ханств в 1552 и 1556 гг. стало важным переломным моментом в отношениях России с степными империями, приведшим, хотя и не обошлось без сопротивления и дальнейших конфликтов, к подчинению башкир, волжских булгар и других татарских групп (Khodarkovsky, 2002; Sunderland, 2004). Не менее важно, но, возможно, менее известно то, что Иван IV в 1558 г. поручил Строгановым финансово поддержать завоевание Сибири, предоставив купеческой семье монополию на торговлю солью и мехом (Martin, 1986, 1995). Подобно Ост-Индским компаниям того времени, строгановские купцы в течение нескольких лет оплачивали строительство крепостей на сибирских реках, а казакам атамана Ермака в 1582 г. окончательно удалось победить и изгнать Кучума, последнего хана Сибирского ханства, которым веками правили династии Чингисидов, Шейбанидов и Тайбугидов (Frank A., 1994; Forsyth, 1998: 25–27).

С тех пор Россия «расширила свой собственный путь континентальной колонизации в сторону Азии» (Hildermeier, 2013: 38), непрерывно продвигаясь в Южную и Восточную Сибирь, построив форты в Охотске на Тихоокеанском побережье в 1649 г. и в Иркутске на Байкале в 1652 г.

Само собой разумеется, что земля, отобранная во имя царя, вопреки официальному языку, не была *terra nullius*, а была заселена – хотя и редко – коренными народами, которые теперь периодически сталкивались с расширяющимися казачьими отрядами (Collins, 1991; см. Kivelson, 2007: 26-27, 35). Интересно, что, несмотря

на ожидания Строгановых получить землю, захват которой они профинансировали, казаки, следуя иной программе и желая большего признания со стороны царя, заключали все соглашения с новыми подданными от имени царя – абсолютного и самодержавного монарха, который, таким образом, получил власть над новыми налогоплательщиками и огромными землями.

Развивая колониальную практику московитов по присвоению сибирских земель, Валери Кивельсон недавно подчеркнула «глубокую и последовательную приверженность тем видам юридических и политических претензий, которые действовали в России в то время» (2007: 23). Таким образом, завоевание Сибири было вызвано не столько частными интересами, как можно было бы предположить на первый взгляд.

Сибирский пушной промысел превратился в коронную монополию, основанную в основном на уплате дани (ясака) коренными народами. Меха привозили либо в Соболиную казну Сибирского приказа, либо в царский Казенный двор в Москве и продавали западным купцам, снабжавшим европейские дворы модными мехами через Архангельск или Новгород (Fisher, 1943; Bakhrushin, 1955b; Dmytryshyn, 1991: 18; Forsyth, 1998: 38–42; Aust, 2000: 42; Reinhard, 2011: 134–137, 2016: 677–681).

Однако ориентация на Восток вскоре была дополнена ориентацией на юг. Имперские амбиции Петра Великого привели Россию к конфликту не только с Западом, но и с соседними державами в Азии, включая еще одну войну с Османской империей из-за Крыма и Азова в 1680–90-х гг., катастрофический Хивинский поход (1717 г.), Персидский поход (1722–1723 гг.) и столкновений с цинским Китаем из-за пограничных вопросов, приведших к Нерчинскому (1689 г.) и Кяхтинскому (1727 г.) договорам. Успехи в русско-турецких войнах продолжались при Екатерине Великой (1762–96), когда в состав империи вошли Крымское ханство и значительная часть Новороссии.

Императрица немецкого происхождения также была первой, кто привез большие отряды крестьян и ремесленников из Западной Европы в качестве поселенцев в Поволжье и Причерноморье. Недолгое правление ее сына Павла I (1796–1801) ознаменовало активизацию боевых действий на Кавказе, особенно в Грузии. Вскоре весь регион превратился в поле ожесточенной битвы, когда Россия распространила свои владения на южные районы, а затем на земли северных горных районов, кульминацией чего стали Черкесская и Мюридская войны 1850–60-х гг. (Allen, Muratoff, [1953] 1999; Henze, 1983; Halbach, [1989] 1994; Mostashari, 2001; Gamme, Kaplan, 2013). В результате «северо-западный Кавказ был очищен практически от всего его коренного населения» только для того, чтобы его заменили русские поселенцы (Geraci, 2008: 348; ср. Comins-Richmond, 2002: 63).

Вступая в эпоху империализма, особенно после разрушительной Крымской войны (1853–1856 гг.), Россия усилила свое участие в Средней Азии, что фактически началось ранее с еще одной неудачной кампании Василия Перовского в 1839 г. против Хивы. Однако теперь совместные усилия России привели к окончательному завоеванию региона в течение десятилетий: Ташкент был взят в 1865 г., Самарканд в 1868 г., Хива в 1873 г. и Мерв в 1884 г. В том же году, когда был завоеван Ташкент, указом Правительствующего Сената в Российском Туркестане была создана

«колониальная система власти», «система внутреннего административно-территориального деления [...], скорректированная с учетом военных потребностей и [...] разделенная на военно-территориальные единицы» (Abdurakhimova, 2002: 240; ср. Carrère d'Encausse, 1999a: 151-153).

Россия установила «механизм исключения» в отношении внутреннего управления и участия местных элит, чтобы сохранить колониальные различия. «Колониальный порядок был построен на исключении коренного населения Туркестана из имперского мейнстрима» (Khalid, 2009: 415), который местная интеллигенция и реформаторы – джаиды – стремились преодолеть¹.

Примечательно, что все эти макрорегионы и некоторые другие не упомянутые страны (такие как Прибалтика) пережили революцию 1917 г., будучи составной частью империи, и стали республиками Советского Союза.

По этой причине Уолтер Коларц использовал термин “колония” как «общий знаменатель для большого числа территорий, которые юридически или фактически имеют особый статус в Советской России [...], аналогичный статусу заморских зависимостей любой другой державы» (Kolarz, 1952: V), в то время как другие предпочитали мыслить категориями «тоталитарного советского империализма», потому что «советские коммунисты силой навязывают свое правление нациям, которые когда-то были покорены царем» (Seton-Watson, [1966] 1973: 115).

ОБСУЖДЕНИЕ

КОГДА И ГДЕ БЫЛ КОЛОНИАЛИЗМ В РОССИИ?

По мере расширения Российской империи увеличивалось и ее этническое и культурное разнообразие, и вопрос о том, как управлять таким большим имперским образованием, стал постоянной заботой властей. Фактически, подчиненные нации и их правительства не находились постоянно под прямым военным контролем, но «переходили в равной очередности под власть гражданских институтов губернской администрации по мере продвижения границы» (Schorkowitz, 2015: 6).

Их самоуправление, сначала широко предоставленное, а затем все более и более ограниченное, претерпело несколько переходов, приведших к «партикуляристским установкам правления» (Khalid, 2007: 117) и к высокой степени развития правовых и культурных форм, наложивших значительный отпечаток и на советскую эпоху. Хотя нет никаких сомнений в том, что «колониализм был присущ царству» (Hildermeier, 2013: 1112), с чем согласятся многие российские историки, следует иметь в виду, что российская экспансия и завоевание, по крайней мере, в Сибири, «не были полностью спланированным и тщательно выполненным предприятием», а скорее «подобно западноевропейским колониальным авантюрам [...] судорожным процессом, движимым множеством давлений и сил» (Dmytryshyn, 1991: 17).

¹Более подробные отчеты о колониальном сотрудничестве с так называемой «местной администрацией», местными старейшинами и вождями, а также изменениях в правовой сфере, особенно мусульманском праве и юрисдикции, см. Pierce (1960), Brower (1997), Martin V. (2001), Абдурахимова (2002) и Crews (2009). Об отношениях и взаимозависимости между российскими военными и академическими исследователями в Центральной и Внутренней Азии см. David Schimpelpenninck van der Oye (2019). *Handmaidens of Continental Colonialism? The Ambiguities of the Imperial Russian Geographical Society's Central Asian Expeditions*. In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism*, 151-73. Palgrave Macmillan, Singapore.

Таким образом, учитывая континентальную экспансию в Сибирь, на Кавказ и Среднюю Азию, вопрос заключается не в том, был ли колониализм в России, а скорее в том, где, когда и как он возник.

Здесь показателен случай с Калмыцким ханством, которое потеряло свою независимость относительно поздно, в 1771 г. Политически вновь модернизированная царем Павлом в 1800 г., калмыцкая администрация сначала была отделена от администрации Астраханской губернии и передана в ведение Коллегии иностранных дел, а затем снова была передана под контроль военного губернатора в 1803 г. в связи с усилением присутствия России в Кавказском регионе. Хотя до марта 1824 г. калмыцкая администрация номинально подчинялась Министерству иностранных дел, а после реформ 1825 г. – Министерству внутренних дел, доминирующая власть оставалась за военными.

Вновь реформированная в 1834 году калмыцкая администрация была передана Министерству внутренних дел, но вся местная администрация по-прежнему контролировалась военным губернатором Астрахани. В результате провинциальной реформы 1837 г. обязанности снова изменились, калмыцкая администрация перешла в ведение Министерства государственных имуществ на шестьдесят пять лет и была снова передана Министерству внутренних дел в 1902 г. (Schorkowitz 2015: 7).

Что касается колониального управления, то здесь наблюдается разительный контраст с западными морскими державами, большинство из которых создали отдельную колониальную администрацию, предшественники которой часто были заняты в сфере ведения войны, торговли или министерства иностранных дел. Так было в случае с Британским министерством по делам колоний (British Colonial Office), Испанским Королевским советом Индии (Real y Supremo Consejo de Indias), Министерством колоний (Ministère des Colonies) или Министерством иностранных дел (Ministère des Outre-mer) во Франции, министерством по делам колоний в Нидерландах (Ministerie van Koloniën), Имперским колониальным управлением Германии (Reichskolonialamt) или японским Министерством колониальных дел (Takumushō) (Stahl, 1951: 35–37; Sunderland, 2010: 127–31; Khodarkovsky, 2018: 14–16). Даже в континентальных империях, таких как Цинский Китай и Соединенные Штаты Америки, были свои колониальные ведомства: Лифаньюань (Lifanyuan, букв. Совет по управлению Внешними регионами), Бюро по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs) и Бюро по делам островов (Bureau of Insular Affairs), в то время как в Российской, Габсбургской и Османской империях их не было.

Царское правительство, очевидно, чувствовало уверенность в управлении вновь приобретенными территориями только через свой Азиатский департамент, агентство Министерства иностранных дел, которое стало «де-факто российским колониальным управлением» (Khodarkovsky, 2009: 159), координирующим все вопросы, касающиеся Востока, до 1917 г.

Создание Департамента действительно было естественным результатом зарубежных операций России, начиная с Посольским приказом, который занимался европейскими и азиатскими делами с 1549 г. В результате правительственных реформ царя Петра Посольский приказ был реорганизован в 1718 г. в Коллегию иностранных дел, в которую уже в 1797 г. входил специальный Департамент по азиатским делам

(Rogozhin, 1993; Schorkowitz, 2017: 400-401). Недавно введенные по образцу западноевропейских правительств девять коллегий заменили более или менее устаревшую московскую систему приказов, различные ветви которой, такие как Казанский приказ или Сибирский приказ, ранее отвечали за земли, завоеванные и аннексированные в 16 и 17 вв.

Некоторые из этих приказов были позже просто закрыты, когда необходимость в них отпала, некоторые были интегрированы в Посольский приказ, другие были связаны с провинциальными правительствами или воеводствами, как в случае Приказа калмыцких дел, чьи функции были переданы астраханским воеводам после 1662 года.

Сибирский приказ, который «мог бы считаться Колониальным управлением Сибири» (Lantzeff, 1943: 1), довольно поздно, в 1637 г., принял на себя обязанности от Посольского приказа, Новгородского приказа и Казанского приказа, которые ранее в разное время занимались «сибирскими делами». Хотя эта канцелярия пережила даже реформы царя Петра, «она была окончательно упразднена в 1763 г. реформами Екатерины II» (Lantzeff, 1943: 6), а ее функции перешли к сибирским губернаторам.

Очевидно, что, несмотря на отсутствие надлежащего колониального офиса, империя учредила аналогичные институты для создания «колоний правления» в пределах своих имперских границ. По мере продвижения границы ранее завоеванные территории были аннексированы и сменили органы власти из Министерства иностранных дел или военного министерства, а затем управлялись министерской бюрократией внутренних дел, имперских владений, сельского хозяйства, религии и образования.

В рамках таких специфических механизмов эти недавно сформированные агентства сталкивались с постоянными проблемами в создании «новых собственных компетенций в работе с ‘другими’ культурами и в разработке стратегий для их интеграции» (Schorkowitz, 2017: 401). Юрген Остерхаммель комментирует так: «Не имеет особого значения превращение пограничной зоны в имперское царство, независимо от того, назовете ли вы результат ‘внутренней колонией’ или ‘пограничной территорией’. Однако, поскольку он не подпадал под специальную администрацию [...], многое можно сказать против термина «колония»» (Osterhammel, [2009] 2014: 366, см. Sunderland, 2004: 223). Тем не менее, помимо формалистического характера своих аргументов, Остерхаммель, по-видимому, не знает о многих агентствах, которые точно служили колониальным целям в Российской империи.

Отсутствие «де-юре колониального ведомства» в империи, официальные лица которой предпочитали колонизацию дискурсу о колониализме (см. Bakhrushin, 1955a), вдохновило историков задуматься о подобных учреждениях, которые могли бы приблизиться к функциям колониального министерства. Фактически, такие агентства должны будут заниматься внутренними, а не внешними делами, представляя, таким образом, администрации внутреннего колониализма.

Среди правительственных органов России девятнадцатого века есть довольно хорошие кандидаты, два из которых Уиллард Сандерленд недавно назвал «протоколониальными министерствами» (Sunderland, 2010: 141) – Министерство государственных имуществ (1837–1894) и Переселенческое управление по (1896–1917)

части Министерства внутренних дел. Оба органа занимались управлением государственными землями (включая преобразование и экспроприацию земель коренных народов, их распределение среди государственных крестьян и переселение последних из Европейской в Азиатскую Россию), таким образом, представляя собой типичные учреждения поселенческого колониализма (ср. Fieldhouse, [1965] 1982: 334).

Однако значительная часть этой работы была также реализована через Земский отдел Министерства внутренних дел и Главное управление землеустройства и земледелия, 1905-1915), земельные реформы которых в Сибири были встречены враждебно, например, бурятскими старейшинами и аристократами и вызвали сильное сопротивление (Schorkowitz, 2018: 392).

Тем не менее, существовали и другие учреждения с аналогичными функциями, которые более конкретно занимались колониальными вопросами на периферии империи. Например, Министерство государственных имуществ, которое имело филиал в каждой отдельной губернии, руководило Отделением ордынских народов в Астрахани.

В течение многих десятилетий это же министерство также отвечало за Калмыцкое управление и, в частности, за Комиссию по заселению дорог на калмыцких землях, которая также находилась в Астрахани с представительствами в каждом улусе, где калмыцкая знать играла все меньшую политическую роль.

Министерство внутренних дел руководило не только Переселенческим управлением, но и Департаментом духовных дел иностранных исповеданий; таким же образом курировало отделения Департамента по делам мусульман, евреев, караимов и буддистов (Департамент духовных дел иностранных исповеданий по закону ламайскому), также осуществляющие колониальный контроль над практикующими шаманистами (Schorkowitz, 2001; Murray, 2016).

Кроме того, для управления имперскими делами были созданы многочисленные министерские комитеты, такие как два Сибирских комитета (1821–1838, 1852–1864) или Кавказский комитет (1833–1882). Более серьезно занимаясь “демографической политикой” во второй половине девятнадцатого века, Академия Генерального штаба ввела военную статистику и географию наряду с «этнографией, антропологией и общественным здравоохранением» (Holquist, 2001: 114; ср. Hirsch, 1998) в качестве необходимых предметов для лучшего понимания, классификации и управления многонациональной колониальной периферией.

Но «не было единого организационного места [...] для управления колониальными вопросами или колониальными народами более конкретно» (Sunderland, 2010: 135), возможно, как, кажется, предполагает Дэвид Макдональд, потому, что такое «Министерство азиатской России [...] заменили бы наместничества, которые управляли Кавказом, Средней Азией и большей частью Сибири» (McDonald 2010: 186; ср. Geraci, 2010).

После Февральской революции многие из этих министерских ведомств были преобразованы в органы Временного правительства России, например, в Департамент по делам инославных и иноверных исповеданий Министерства исповеданий. Чтобы сильнее подчинить колонизированные нации центральным органам, принимающим решения, и заручиться поддержкой их элиты в трудные времена, прави-

тельство в сентябре 1917 г. впервые создало Национальный отдел при Министерстве внутренних дел. Однако это было очень быстро заменено значительно модернизированным советским министерством – Народным комиссариатом по делам национальностей, первой попыткой централизации партикуляристского устройства царского правления во внутренних колониальных делах (Schorkowitz, 2017: 402–403).

Остается вопрос: каким же тогда был колониализм в России, какое место он занимает среди других колониальных империй? Мы можем с уверенностью сказать, что он был континентальным по своей природе, несмотря на временное правление Русской Америки (Аляска), проданной Соединенным Штатам в 1867 г., и некоторое недолгое присутствие на Гавайях и в Калифорнии, что не было экономически успешным (Lincoln, 1994: 141–142; Reinhard, 2011: 139–140; Vinkovetsky, 2011).

«В отличие от других колоний России, [Аляска] не граничила с родиной, поэтому то, что там произошло, не имело большого значения» (Gibson, 1991: 112); тем не менее, Берингию можно было считать трансконтинентальным мостом. Учитывая арктический климат Белого моря и османское господство над Черным морем, царская Россия так и не превратилась в морскую империю.

Этот континентальный колониализм, несмотря на кратковременные обязательства, такие как финансирование Строгановыми сибирских казаков или торговля мехом и морскими выдрами Русско-Американской компанией на Аляске, не был продиктован частными интересами. Скорее, именно государство платило за военную экспансию, повышало налоги с колонизированных, устанавливало местную бюрократию, предоставляло дешевых работников горнодобывающей промышленности с помощью системы ссылки (каторга), организовывало переселение крестьян и разрабатывало различные идеологии, чтобы замаскировать и узаконить то, что Майкл Ходарковский справедливо назвал «государственным колониализмом» (Khodarkovsky, 2018: 2; ср. Osterhammel, [2009] 2014: 367).

Тем не менее, по сравнению с другими формами заморского колониализма, государственный колониализм России не был основан ни на торговле, ни на плантационной экономике: «Россия была абсолютной монархией с экономикой, основанной на крепостном земледелии; в то время как Америка была республикой, экономика которой опиралась в основном на свободное земледелие» (Treadgold, 1952: 148).

В то время как Британская империя характеризуется как коммерческая империя с «либеральной, рассредоточенной морской властью», российский аналог уместно описывается как военно-династическая, «автократическая, централизованная сухопутная империя» (Lieven, 2004: 138).

Хотя британское правление в Индии было направлено на извлечение как можно большей прибыли и «местные доходы оплачивали огромную армию, состоящую в основном из местных войск, что сделало Британию мировой державой как на суше, так и на море» (Morrison, 2008: 31), расходы царя в российском Туркестане почти вдвое превышали его доходы от этого региона в период с 1868 по 1910 гг. В отличие от поселенческого колониализма в Северной и Латинской Америке, поощряемого частным капиталом и извлечением прибыли, экономическая эксплуатация России «внутренних колоний» всегда занимала второе место после территориальных, геополитических завоеваний и ожиданий правительства решить «крестьянский вопрос».

Несмотря на беглецов крестьянского, казацкого или старообрядческого происхождения XVII в., аграрные поселенцы появились в Сибири, на Кавказе и в Центральной Азии поздно, что было вызвано непродуманной крестьянской реформой 1861 г., которая «не устранила принципиальное юридическое препятствие для свободы передвижения, поскольку крестьяне все еще были привязаны к сельской общине» (Forsyth, 1998: 191).

Хотя формально они были освобождены от крепостного права Указом, объявленным Александром II в 1861 г., их фактическое освобождение было неразрывно связано с предоставлением им достаточного количества земли преимущественно в Сибири и на юге России, и эта политика стала бременем для каждого министра сельского хозяйства и внутренних дел, особенно для председателя Совета министров Петра Столыпина (1906–1911), с 1880-х гг. до Октябрьской революции и после (Treadgold, 1952: 149–151; Sunderland, 2000: 210, 2019: 437–462; Reinhard, 2016: 686–690).

Более того, добавим еще одно существенное отличие: морскими империями сложнее управлять, потому что они расположены за границей и постоянно отделены от метрополий. Хотя войска и товары могут быть доставлены морем быстрее и проще, «внутренние коммуникации морской империи гораздо более подвержены запрету, чем это имеет место в случае консолидированной сухопутной империи» (Lieven, 2004: 139). Вот почему они обычно разворачиваются как «эксплуатационные колонии» с коммерческими опорными пунктами или как колонии поселенцев и в конечном итоге превращаются в «колонии господства».

Российская империя возникла в результате «континентальной экспансии царской мощи, которая, покоряя нерусское население, составляла отношения колониальной власти особого рода» (Гейер, [1977] 1987: 14).

Царская Россия, подобно цинскому Китаю и Османской Турции, начала с континентальной экспансии по «движущейся границе», которая привела к появлению «колоний правления» на периферии. Хотя государственное вмешательство было косвенным и вначале ощущалось в меньшей степени, что позволяло использовать различные формы самоуправления (например, степные думы в Восточной Сибири), со временем контроль усилился с тенденцией к прямому правлению на более позднем этапе (например, Администрация Башкирского кантона, Калмыцкая администрация). В то время как Россия трансформировала свои «недавно приобретенные границы постепенно во внутренние колонии» (Schorkowitz, 2017: 419), переход от косвенного к прямому правлению в конечном итоге привел к более жестким формам централизации, интеграции и доминантности.

ДИСКУРСЫ ПО КОЛОНИАЛИЗМУ И КОЛОНИЗАЦИИ

Дискурс о России как о колониальной империи всегда был противоречивым, как и связанные с этим коннотации относительно континентального или внутреннего колониализма России по сей день. Хотя даже российские историки XIX века признавали эксплуатацию нерусских народов, ее колониальный характер либо сильно оспаривался, либо просто игнорировался. Таким образом, чтобы эвфемизировать колониальные эксцессы, советская историография разработала язык, заменяющий «такие термины, как покорение (подчинение) или завоевание (завоевание) [...]»

используя более нейтральную лексику, такую как присоединение (аннексия) или освоение (ассимиляция)» (Collins, 1991: 37; ср. Khalid, 2009: 416), или «так называемое добровольное вхождение», что буквально переводится как «добровольное присоединение к Российской империи» (Schorkowitz, 2012: 47).

Как это ни парадоксально, но политики и интеллигенция в равной степени «утверждали, что экспансия России позволила избежать насилия, связанного с европейскими империями, и что Российская империя принципиально благосклонна к своим имперским нехристианским подданным», при этом скрывая, что миллионы «коренных жителей были убиты российским оружием и изгнаны в результате российской политики по мере расширения империи» (Ходарковский, 2018: 6). Другими словами, «Россия противопоставляла себя западным империям и отрицала свой собственный колониальный характер» (там же), тем самым, по сути, отрицая также любые колониальные институты у себя дома.

Тем не менее, официальная версия экспансии России и ее экспедиций в Азию оставалась полна имперской гордости с тех пор, как министр иностранных дел Александр Горчаков в 1864 году направил европейским державам свой знаменитый Меморандум, узаконивший продвижение генерала Михаила Черняева в Чимкент и Ташкент, «сравнивая поведение России в Центральной Азии с поведением «всех других цивилизованных государств», которые оказались в контакте с дикими кочевыми народами» (Гейер, [1977] 1987: 89).

Министерская депеша завершилась заявлением о том, что «подобно Соединенным Штатам в Америке, Франции в Африке, Голландии в ее колониях и Англии в Восточной Индии», Россию теперь увлекают «не столько из амбиций, сколько по абсолютной необходимости» по пути, «на котором чрезвычайно трудно просто стоять на ногах» (там же; ср. Sahni, 1997: 83). Такие сравнения не были чем-то новым для русской интеллигенции по сравнению с достижениями западноевропейского колониализма, а скорее довольно обычным явлением, когда речь идет, например, о Сибири, изображаемой как «наше Перу», «наша Мексика», «русская Бразилия» или даже «наша маленькая Индия» (Bassin, 2006: 48).

Очевидная потребность в легитимации имперской экспансии в сочетании с попыткой догнать западную цивилизацию и экономику превратилась в особую российскую форму «ориентализма» (Sahni, 1997; Bassin, 2006: 49; ср. Schimmelpenninck van der Oye, 2010: 4–11).

Писатель-консерватор Федор Достоевский лучше всего выразил это в 1881 году: «В Европе мы были прихлебателями и рабами, а в Азии мы будем хозяевами. В Европе мы были татарами, а в Азии – европейцами. Наша миссия, наша цивилизационная миссия в Азии будет поддерживать наш дух и вдохновлять нас» (Dostoevsky, [1994] 2000: 1374; ср. Sahni, 1997: 71–86; Bassin, 2006: 54–55; Geraci, 2008: 360–361; Хофмайстер, 2011).

Безусловно, это не было крайней позицией среди славянофильских настроений во время русоцентрического правления Александра III. На самом деле, изречение о том, что «история России – это история страны, которая колонизируется» (Kliuchevskii, [1956] 1987: 50), было общим местом на рубеже веков даже среди либералов. Например, Василий Ключевский, историк со значительным интересом

к средневековой истории, последовал за своим учителем Сергеем Соловьевым в восприятии России как ‘пограничного общества’ (ср. Treadgold, 1952: 149; Breyfogle et.al., 2007: 1-2).

Безусловно, это не была крайняя позиция среди славянофильских настроений во время русоцентристского правления Александра III. Фактически, утверждение, что «история России – это история страны, которая сама себя колонизирует» (колонизируется), было обычным делом на рубеже веков даже среди либералов. Например, Василий Ключевский (Kliuchevskii [1956] 1987: 50), историк, проявлявший значительный интерес к средневековой истории, последовал за своим учителем Сергеем Соловьевым в восприятии России как “пограничного общества” (ср. Treadgold, 1952: 149; Breyfogle et al., 2007: 1-2).

Однако остается открытым вопрос, можно ли рассматривать экспансию раннего нового времени в то, что позже стало Азиатской Россией, просто как прямое продолжение ранней колонизации Европейской России, предпринятой великими князьями Московии или Новгорода. Мартин Ауст точно определил разницу между двумя историческими процессами с помощью формулы «“aedificatio terrae” против колониализма» (Aust, 2000: 40).

Он убедительно утверждает, что средневековый “Ландесаусбау” был обще-европейским процессом заселения, организованным феодалами и королями, в то время как завоевание Ермаком Сибирского ханства Кучума не сопровождалось централизованным планированием, не улучшило сельское хозяйство в сотрудничестве с экономикой коренных народов, но вместо этого продемонстрировало «в основном все черты европейской колониальной экспансии» (Aust, 2000: 42).

На самом деле колонизация может происходить как внутри национальных границ, так и за их пределами. Что касается России, то колонизация – это довольно новое явление, начавшееся в конце девятнадцатого века и осуществлявшееся социалистическим планированием в советское время. Это последовало за завоеванием, аннексией и проникновением в доселе чужие земли и «другие» культуры, которые со временем превратились в неотъемлемые части империи.

Заемствование понятия «внутренняя колонизация» из немецкого (Innere Kolonisation), используемого для программ расселения в Восточной Пруссии поздней Германской империей, как это предложил Александр Эткинд (Etkind, 2011: 2015), кажется ошибочным, вводящим в заблуждение, учитывая колонизацию внутренних колонизированных земель в Азиатской России. Фактически, история России и Советского Союза – это также история насильственной цивилизации, «культурного подчинения, не подразумеваемого колонизацией» (Baberowski, 1999: 482; ср. Khalid, 2009: 422–29).

Попытки скорректировать понятие ‘внутренняя колонизация’ (‘самоколонизация’) путем перевода на метафорический уровень, применяемый “к колонизирующему я”, следуя идеям Фуко о «биовласти» и механизмах «(само-) дисциплины и наказания», на мой взгляд, не решают должным образом связанные с этим герменевтические проблемы и диалектику «колонизатора и колонизированного» (Fournier, 2012: 521-522; ср. Etkind, 2001, но см. Baberowski, 1999: 484). И когда мы говорим о российских дворянах и их крестьянах, зависимых в правовом, экономическом, культурном и многих других отношениях, почему бы не сохранить

проверенные временем представления о классовой структуре и классовой зависимости. То же самое, кстати, справедливо и для более поздних советских – не только сталинских – зависимостей, когда городская элита исполняла декреты центральной партии против воли и блага народа (крестьянства) и когда «государственная власть принадлежала одной части общества (Центра управления) [использовалась] для навязывания неблагоприятных обменных курсов другой части того же общества» (Gouldner, 1977: 13; ср. Hind, 1984: 545-546). Другими словами, “внутреннюю колонизацию”, представляющую «культурную интерпретацию имперской истории» (Masoero, 2013: 61), не следует путать с «внутренним колониализмом», который в случае России и Советского Союза описывает колониальное положение неславянских, неевропейских групп в пределах империи. Безусловно, существуют эквиваленты «внутреннего колониализма» в отношении тех земель, которые стали частью Германской империи после трех разделов Польши.

Однако, хотя российских публикаций об усилиях и целях колонизации в различных частях империи было много, литература о России как колониальной империи оставалась исключением, составленным либо сибирскими областниками и их последователями (Iadrintsev, 1892; Panov, 1905; Potanin, 1907), либо связанным с колониальным опытом некоторых высокопоставленных российских генералов в Центральной Азии (например, Константин фон Кауфман, Алексей Куропаткин), столкнувшихся с британским империализмом в соседнем Афганистане и Тибете. Альберто Масоэро недавно вновь обратил наше внимание на растущую литературу о переселении и колонизации в начале двадцатого века с «авторитетной полуофициальной публикацией», в которой говорится, что «земли Азиатской России являются неделимой и неотделимой частью нашего государства и в то же время нашей единственной колонией» (Masoero, 2013: 59), тем самым подтверждая существование внутренних колоний в пределах империи. Официально, однако, было невозможно и даже рискованно называть Кавказ, Сибирь, Центральную Азию или другие части империи “русской колонией”, поскольку «неоднородная сложность имперского общества сопровождалась почти навязчивой заботой о территориальной целостности и централизации власти» (Masoero, 2013: 68). Характеристика России как империи внутренних колоний всегда бросала бы вызов культурной, гегемонистской и наднациональной конструкции «единой и неделимой России», одному из основных принципов управления и «национальной» идентичности в поздней имперской России (Frank S., 2003: 1659-1660) и, опять же, сегодня (Zorin, 2013; Schorkowitz, 2015: 10).

Только после Октябрьской революции и в идеологических целях более открыто заговорили о колониализме, чтобы критиковать и осуждать старый режим (Weinerman, 1993: 430-431). Царский колониализм тогда воспринимался как результат меркантилизма и господства торгового капитала, которые, по словам Михаила Покровского (ученика Ключевского), привели к «прямому грабежу», как и везде в мире (Драбкина, [1930] 2014: 5). Однако, в отличие от западных колониальных держав, Россия была многонациональной империей, в которой «большинство завоеванных ею наций представляли собой объект колониальной эксплуатации [...] с такой непосредственной близостью между колониями и метрополиями» (Драбкина, [1930] 2014: 6; ср. Fieldhouse, [1965] 1982: 334), что иногда было трудно провести границу. Помимо крепостного права, господствовавшего в Европейской России,

империя опиралась на свою азиатскую периферию, которая подвергалась колониальной эксплуатации, осуществлявшейся и поддерживаемой российским капиталом, военными и бюрократией, а также местными феодальными элитами.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Поскольку экономике отводилась главная роль в отношениях между колонизатором и колонизированными, крестьянский вопрос (переселение) и аграрное развитие (колонизация) доминировали в колониальном дискурсе в 1920-1930-х гг. Несмотря на идеологическую подоплеку и редуccionистскую форму (Demin, 2010: 86), объемы томов и журнальных статей, в которых подробно излагались и применялись марксистско-ленинские интерпретации царского колониализма в различных регионах империи, например в Сибири (Okun, 1935; Al'kor, 1936) и Закавказье (Petrushevskii, 1936), росли как грибы.

Обвинив царское правительство в поддержке «разграбления калмыцкой земли» помещиками, крестьянами и кулаками на юге России, Григорий Минкин подал жалобу в центральный орган «Историк-марксист» (первоначально редактируемом Покровским): «Калмыкия накануне империалистической войны [Первая Мировая Война. – Д.Ш.] была одной из тех колоний России, где русский военно-феодальный империализм господствовал безраздельно» (Minkin, [1933] 1968: 30, 35). Однако такая открытая критика была возможна только до конца 1930-х гг., когда по понятным причинам марксистская историография была быстро заменена патриотической историей, догматом дружбы народов и культом личности «великого вождя» Сталина (Tillett, 1969; Weinerman, 1993: 431–433): «Поскольку борьба за национальное выживание против Германии раздувала русский национализм, многие российские историки сочли просто неприемлемым осуждение русского колониализма» (Weinerman, 1993: 435). Однако некоторые черты более старой марксистской традиции сохранились и после XX съезда партии (1956 г.), вновь проявились во время и после кратковременной хрущевской оттепели (см. Gerasimova, 1957; Burchinova, 1968; Kamalov и др., 1971).

References

- Abdurakhimova, Nadira A. (2002). The Colonial System of Power in Turkestan. *International Journal of Middle East Studies*. 34(2), 239–262.
- Al'kor, Ian, Grekov, B. eds. (1936). *Kolonial'naia politika Moskovskogo gosudarstva v Iakutii XVII v.: sbornik dokumentov* [Colonial Policy of the Muscovite State in Seventeenth-Century Yakutia: Collection of Documents]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov severa TsIK SSSR (in Russian).
- Allen, William Edward David, Muratoff, Paul P. ([1953] 1999). *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828–1921*. Nashville, TN: The Battery Press.
- Aust, Martin (2000). *Rossia Siberica: Russisch-sibirische Geschichte im Vergleich zu mittelalterlichem Landesausbau und neuzeitlichem Kolonialismus. Zeitschrift Für Weltgeschichte*, 1, 39–63.
- Baberowski, Jörg (1998). Stalinismus als imperiales Phänomen: die islamischen Regionen der Sowjetunion 1920–1941. *Stalinismus: Neue Forschungen und Konzepte*, edited by Stefan Plaggenborg, 113–150. Berlin: A. Spitz.

Baberowski, Jörg (1999). Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der Sowjetunion. *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*, 47(4), 482–504.

Bakhrushin, S. V. (1955a). Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. [Essays on the History of Siberia's Colonization in the 16th and 17th Centuries]. *Nauchnye trudy, tom 3: Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv.; chast' pervaya: voprosy russkoi kolonizatsii Sibiri v XVI–XVII vv.*, edited by Aleksandr Aleksandrovich Zimin, Nikolai Vladimirovich Ustiugov, Lev Vladimirovich Cherepnin, and Viktor Ivanovich Shunkov. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 13–160 (in Russian).

Bakhrushin, S. V. (1955b). "Pokruta na sobolinykh promyslakh XVII v" [Facilities for Seventeenth Century Sable Hunting Trade]. *Nauchnye trudy, tom 3: Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv.; chast' vtoraya: istoriia narodov Sibiri v XVI –XVII vv.*, edited by Aleksandr Aleksandrovich Zimin, Nikolai Vladimirovich Ustiugov, Lev Vladimirovich Cherepnin, and Viktor Ivanovich Shunkov. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 198–211 (in Russian).

Bassin, Mark (2006). Geographies of Imperial Identity. *The Cambridge History of Russia, vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917* / edited by Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press, 45–63.

Breyfogle, Nicholas B., Schrader, Abby, Sunderland, Willard (2007). Russian Colonizations: An Introduction. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* / edited by Nicholas B. Breyfogle, Abby Schrader, and Willard Sunderland. London: Routledge, 1–18.

Brower, Daniel R. (1997). Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan. *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / edited by Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 115–137.

Burchinova, L. S. (1968). Kolonial'naiia politika tsarizma v Kalmykii v russkoi istoriografii [Colonial Policy of Czarism in Kalmykia in Russian Historiography]. *Vestnik Kalmytskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Iazyka, Literatury i Istorii*, 3, 5–25 (in Russian).

Carrère d'Encausse, Hélène (1999a). Organizing and Colonizing the Conquered Territories. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview* / edited by Edward Allworth. Durham: Duke University Press, 151–171.

Collins, David N. (1991). Subjugation and Settlement in Seventeenth and Eighteenth Century Siberia. *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution* / edited by Alan Wood. London: Routledge, 37–56.

Comins-Richmond, Walter (2002). The Karachay Struggle After the Deportation. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 22(1): 63–79.

Crews, Robert D. (2009). An Empire for the Faithful: A Colony for the Dispossessed. *Le Turkestan russe. Une colonie comme les autres?* / edited by Sergey Abashin and Svetlana Gorshenina. Paris: IFEAC-Complexe, 79–106.

Demin, M.A. (2010). Kolonizatsiia i khoziaistvennoe osvoenie Sibiri v XVII v. v rannei Sovetskoi istoriografii [Colonization and Economic Opening of Seventeenth Century Siberia in Early Soviet Historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(9), 86–91 (in Russian).

Dmytryshyn, Basil (1991). The Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700. In *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*, edited by Alan Wood, 17–36. London: Routledge.

Dostoevsky, Fyodor ([1994] 2000). *A Writer's Diary: Volume Two, 1877–1881*. Translated and Annotated by Kenneth Lantz. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Drabkina, E. Ia. ([1930] 2014). *Natsional'nyi i kolonial'nyi vopros v tsarskoi Rossii* [The National and Colonial Question in Tsarist Russia]. Moscow: Lenand (in Russian).

Etkind, Alexander (2001). *Fuko i tezis vnutrennei kolonizatsii: postkolonial'nyi vzgliad na sovetskoe proshloe* [Foucault and the Thesis of Internal Colonization: A Postcolonial Perspective on the Soviet Past]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 49, 50–73 (in Russian).

Fieldhouse, David K. [1965] 1982. *The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. London: Macmillan.

Fisher, Raymond H. 1943. *The Russian Fur Trade, 1550–1700*. Berkeley: University of California Press.

Forsyth, James. 1998. *A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.

Fournier, Anna (2012). Reflective Colonization: Domination, Consent, and the Self in Imperial Russia. *Russian History*, 39(4): 519–537.

Frank, Allen (1994). *The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir'*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies.

Frank, Susi K. (2003). 'Innere Kolonisation' und frontier-Mythos: Räumliche Deutungskonzepte in Rußland und den USA. *Osteuropa*, 53(11): 1658–1675.

Geraci, Robert (2008). Genocidal Impulses and Fantasies in Imperial Russia. *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, Subaltern Resistance in World History* / edited by A. Dirk Moses. New York: Berghahn, 343–71.

Geraci, Robert (2010). On 'Colonial' Forms and Functions. *Slavic Review*. 69(1): 180–184.

Gerasimova, Kseniia Maksimovna (1957). *Lamaizm i natsional'no-kolonial'naia politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov* [Lamaism and the National-Colonial Policy of Czarism in Transbaikalia in the 19th and beginning of the 20th Century]. Ulan-Ude: Buriat-Mongol'skii nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury (in Russian).

Gibson, James R. (1991). Tsarist Russia in Colonial America: Critical Constraints. *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*, edited by Alan Wood. London: Routledge, 92–116.

Gouldner, Alvin W. (1977). Stalinism: A Study of Internal Colonialism. *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 34, 5–48.

Halbach, Uwe ([1989] 1994). 'Holy War' Against Czarism: The Links Between Sufism and Jihad in the Nineteenth-Century Anticolonial Resistance Against Russia. *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*, edited by Edward Allworth. Durham: Duke University Press, 251–276.

Henze, Paul B. (1983). Fire and Sword in the Caucasus: The 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers. *Central Asian Survey*, 2(1): 5–44.

Hildermeier, Manfred. 2013. *Geschichte Russlands: Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München: Beck.

Hind, Robert J. (1984). The Internal Colonial Concept. *Comparative Studies in Society and History*, 26(3): 543–568.

Hirsch, Francine (1998). *Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union, 1917–1939*. PhD diss., Princeton University.

Holquist, Peter (2001). To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*, edited by Ronald Grigor Suny and Terry Martin. Oxford: Oxford University Press, 111–144.

Iadrintsev, Nikolai Mikhailovich (1892). *Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etno- graficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographical, and Historical Respect]. Sankt Petersburg: Sibiriakov (in Russian).

Kamalov, Sabir Kamalovich, Zh. Ubbiniiazov, and R.K. Kosbergenov, eds. (1971). *Bor'ba trudiashchikhsia Karakalpakii protiv sotsial'nogo i kolonial'nogo gnet (1873-fevral' 1917 g.)* [The Struggle of Karakalpakstan Workers Against the Social and Colonial Yoke (1873–February 1917)]. Tashkent: Fan (in Russian).

Khalid, Adeeb (2007). The Soviet Union as an Imperial Formation: A View from Central Asia. *Imperial Formations*, edited by Ann Laura Stoler, Carole McGranahan, and Peter C. Perdue, 113–39. Santa Fe: School for Advanced Research Press.

Khalid, Adeeb (2009). Culture and Power in Colonial Turkestan. *Cahiers D'Asie Centrale*, 17–18: 413–47.

Khodarkovsky, Michael (2002). *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington: Indiana University Press.

Khodarkovsky, Michael (2009). The Return of Lieutenant Atarshchikov: Empire and Identity in Asiatic Russia. *Ab Imperio*, 1: 149–64.

Khodarkovsky, Michael (2018). Between Europe and Asia: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective, 1550s–1900s. *Canadian-American Slavic Studies*, 52(1): 1–29.

Kivelson, Valerie (2007). Claiming Siberia: Colonial Possession and Property Holding in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*, edited by Nicholas B. Breyfogle, Abby Schrader, and Willard Sunderland, 21–40. London: Routledge.

Kliuchevskii, Vasilii Osipovich ([1956] 1987). *Sochineniia v deviaty tomakh: Kurs russkoi istorii, tom I, chast' I* [Writings in Nine Volumes: A Course of Russian History, Volume I, Part I]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Kolarz, Walter (1952). *Russia and Her Colonies*. London: George Philip & Son Ltd.

Lantzeff, George V. (1943). *Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration*. Berkeley: University of California Press.

Lieven, Dominic (2004). Empire on Europe's Periphery: Russian and Western Comparisons. *Imperial Rule*, edited by Alexei Miller and Alfred J. Rieber, 133–149. Budapest: Central European University Press.

Lincoln, William Bruce (1994). *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*. London: Cape.

Martin, Janet (1986). *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Martin, Janet (1995). *Medieval Russia, 980–1584*. Cambridge: Cambridge University Press.

Martin, Virginia (2001). *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Richmond: Curzon Press.

Masoero, Alberto (2013). Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14(1): 59–91.

McDonald, David MacLaren. 2010. Russian Statecraft After the 'Imperial Turn': The Urge to Colonize? *Slavic Review*, 69(1): 185–188.

Minkin, Grigorii Zakharovich ([1933] 1968). Kolonial'naia politika tsarizma v Kalmykii vo vtoroi polovine XIX i nachale XX vv. [Colonial Policy of Czarism in Kalmykia in the Second Half of the 19th and beginning of the 20th Centuries]. *Ob obshchestvennom stroe Kalmykii i kolonial'noi politike tsarizma*, edited by A.I. Naberukhin, 30–57. Elista: Kalmytskii Nauchno-Issledovatel'skij Institut Iazyka, Literatury i Istorii (in Russian).

Morrison, Alexander Stephen (2008). *Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press.

Mostashari, Firouzeh (2001). Colonial Dilemmas: Russian Policies in the Muslim Caucasus. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, edited by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky, 229–249. Ithaca: Cornell University Press.

Murray, Jesse D. (2016). ‘Not Far from the Kingdom of God’: Shamanism and Colonial Control in Russia’s Eastern Borderlands, 1853–1917. *Journal of World History*, 27(3): 535–563.

Okun, Semen Bentsianovich (1935). *Ocherki po istorii kolonial’noi politiki tsarizma v Kamchatskom krae* [Essays on the History of Colonial Policy of Czarism in Kamchatka Land]. Leningrad: Sotsekgiz (in Russian).

Osterhammel, Jürgen ([2009] 2014). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Translated by Patrick Camiller. Princeton: Princeton University Press.

Panov, Aleksandr Alekseevich (1905). *Sakhalin kak koloniia: ocherki kolonizatsii i sovremennogo polozheniia Sakhalina* [Sakhalin as Colony: Essays of Colonization and the Contemporary Situation of Sakhalin]. Moscow: I.D. Sytin (in Russian).

Petrushevskii, Il’ia Pavlovich (1936). *Kolonial’naia politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane v 20-60-kh gg. XIX v.* [Colonial Policy of Russian Czarism in Azerbaijan in the 1920s to 60s]. Moscow: Akademiia Nauk SSSR (in Russian).

Pierce, Richard A. (1960). *Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley: California University Press.

Potantin, Grigorii Nikolaevich (1907). *Oblastnicheskaia tendentsiia v Sibiri* [Oblastnik Tendencies in Siberia]. Tomsk: Parovaia tipo-litografiia Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela (in Russian).

Reinhard, Wolfgang (2011). *A Short History of Colonialism*. Manchester: Manchester University Press.

Reinhard, Wolfgang (2016). *Die Unterwerfung der Welt: Globalgeschichte der europäischen Expansion 1415–2015*. München: C.H. Beck.

Rogozhin, Nikolai M. (1993). Posolski Books as a Source in the Study of Political Relations of Russia with Peoples and Countries of the Orient. *Altaica Berolinensia: The Concept of Sovereignty in the Altaic World: Permanent International Altaistic Conference, 34th Meeting, Berlin, 21–26 July 1991*, edited by Barbara Kellner-Heinkele, 191–208. Wiesbaden: Harrassowitz.

Sahni, Kalpana (1997). *Crucifying the Orient: Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia*. Oslo: White Orchid Press.

Schimmelpenninck van der Oye, David (2010). *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven: Yale University Press.

Schimmelpenninck, David van der Oye (2019). Handmaidens of Continental Colonialism? The Ambiguities of the Imperial Russian Geographical Society’s Central Asian Expeditions. *Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions*, edited by Dittmar Schorkowitz, John Chávez, and Ingo Schröder, 151–173. Singapore: Palgrave Macmillan.

Schorkowitz, Dittmar (2001). The Orthodox Church, Lamaism and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, edited by Robert Geraci and Michael Khodarkovsky, 201–225. Ithaca: Cornell University Press.

Schorkowitz, Dittmar (2010). Geschichte, Identität und Gewalt im Kontext postsozialistischer Nationsbildung. *Zeitschrift Für Ethnologie*, 135: 99–160.

Schorkowitz, Dittmar (2012). Historical Anthropology in Eurasia ‘... and the Way Thither’. *History and Anthropology*, 23(1): 37–62.

Schorkowitz, Dittmar (2015). *Imperial Formations and Ethnic Diversity: Institutions, Practices, and Longue Durée Illustrated by the Example of Russia*. (Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper 165). Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology.

Schorkowitz, Dittmar (2017). Dealing with Nationalities in Imperial Formations: How Russian and Chinese Agencies Managed Ethnic Diversity in the 17th to 20th Centuries. *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*, edited by Dittmar Schorkowitz and Chia Ning, 389–434. Leiden: Brill.

Schorkowitz, Dittmar (2018). ‘... *Dafi die Inorodcy niemand rettet und das Heil bei ihnen selbst liegt ...*’: *Quellen und Beiträge zur historischen Ethnologie von Burjaten und Kalmücken*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Seton-Watson, Hugh ([1966] 1973). Moscow’s Imperialism. *Crisis and Continuity in World Politics: Readings in International Relations*, edited by George A. Lanyi and Wilson C. McWilliams, 114–117. New York: Random House.

Stahl, Kathleen Mary (1951). *British and Soviet Colonial Systems*. London: Faber and Faber Limited.

Sunderland, Willard (2000). The ‘Colonization Question’: Visions of Colonization in Late Imperial Russia. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 48(2): 210–232.

Sunderland, Willard (2004). *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca: Cornell University Press.

Sunderland, Willard (2010). The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been. *Slavic Review*, 69(1): 120–150.

Sunderland, Willard (2019). The Imperial Emancipations: Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia. *Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions*, edited by Dittmar Schorkowitz, John Chávez, and Ingo Schröder, 437–462. Singapore: Palgrave Macmillan.

Tillett, Lowell (1969). *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.

Treadgold, Donald W. (1952). Russian Expansion in the Light of Turner’s Study of the American Frontier. *Agricultural History*, 26(4): 147–152.

Vinkovetsky, Ilya (2011). *Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867*. Oxford: Oxford University Press.

Weinerman, Eli (1993). The Polemics Between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia’s Role in the History of the Region. *The Slavonic and East European Review*, 71(3): 428–81.

Zorin, Vladimir Iur’evich (2013). Strategii gosudarstvennoi natsional’noi politiki: Traditsionnost’ i novye podkhody k ukrepleniiu edinstva mnogonatsional’nogo naroda Rossii (Rossiiskoi natsii)” [The Strategy of Governmental National Policy: Traditionalism and New Approaches for Consolidating the Unity of Russia’s Multinational People (Russian Nation)]. *X Kongress étnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moskva, 2–5 iul’ia 2013 g.*, edited by Marina Iur’evna Martynova, Natalina A. Lopulenko, and N.A. Belova, VII–XII. Moscow: IĖA RAN (in Russian).

Продолжение см. в след. номере

**СУДЬБА КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД ИСТОРИКА
СИНИЦЫН Ф.Л. «РОССИЯ И КОЧЕВНИКИ.
ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО ДРЕВНОСТИ».
М.: ВЕЧЕ, 2021. 288 с.**

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, директор,

Международный научный центр «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»,

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста,

Российская Федерация

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская

Федерация

E-mail: elomakaeva@mail.ru

**THE FATE OF THE NOMADIC CIVILIZATION
IN RUSSIA: A NEW VIEW OF THE HISTORIAN
SINITSYN F. L. “RUSSIA AND NOMADS.
FROM REVOLUTION TO ANTIQUITY”.
MOSCOW: VECHE, 2021. 288 p.**

Badmaeva E.N.

Dr. Sc. (History), Director,

International Scientific Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”, Kalmyk State
University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Omakaeva E.U.

PhD in Filology, Associate professor

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: elomakaeva@mail.ru

История кочевых народов уже не одно столетие интересует отечественных и зарубежных исследователей. Между тем, концептуальных и обобщающих работ по выявлению особенностей кочевой цивилизации и взаимодействия оседлого государства и кочевых народов на примере дореволюционной истории России практически нет.

Новая монография известного специалиста по истории кочевых народов Ф.Л. Сеницына «Россия и кочевники. От древности до революции» впервые рассматривает кочевые регионы в Российском государстве начиная с IX до начала XX вв. Научный труд представляет собой историческую ценность, поскольку исследователь опирался на документальные источники, выявленные в ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, РГИА, научном архиве института этнографии и антропологии РАН, государственном архиве Забайкальского края и Агинском филиале государственного архива Забайкальского края. Основной части книги, состоящей из четырех объемных глав, предпослано небольшое введение.

Во введении автор обозначает основную проблему, поставленную в работе, – исследовать особенности кочевой цивилизации и на примере дореволюционной истории России показать взаимодействие оседлого государства и кочевых народов.

Первая глава «Кочевники и их взаимодействие с “оседлым” государством» (с. 7–60) посвящена, как указано в заглавии, отношениям «оседлого» государства и кочевых обществ. Однако автор прежде подробно останавливается на терминологии кочевничества, что немаловажно для исследователей, интересующихся не только кочевой цивилизацией, но и изучением кочевых народов в культурно-историческом пространстве, в том числе в степной зоне Евразии. Ф. Сеницын справедливо рассуждает: «в современном мире кочевники все чаще сталкиваются с интересами оседлого населения и «оседлых» государств <...> обострилась проблема миграции и соответственно реализации права человека на свободу передвижения (именно она всегда была одной из главных проблем во взаимоотношениях кочевников и «оседлого» государства). <...> в некоторых странах остро встала проблема дефицита земельных ресурсов (земельный вопрос является одной из главных проблем в отношениях кочевников и оседлых)». Поэтому исследователь приходит к мысли, что «особенности отношений между государством и человеком наиболее выпукло проявляются в процессе взаимодействия таких цивилизационно разных субъектов, как «оседлое» государство и кочевники» (с. 60).

Во второй главе «Взаимодействие с кочевниками в IX–XVIII вв.» (с. 61–106) автор охватывает огромный по хронологии промежуток времени и раскрывает взаимодействие государства с кочевниками в тот период, когда Россия стала усиливать свой политический прессинг на кочевые регионы. Изначально Российское государство использовало позицию «мягкой силы» в отношении кочевых народов с XVI по XVIII вв. Для этих целей использовалось сотрудничество с местной знатью кочевых народов, повышалась выплата жалованья местным владельцам, активно вовлекалась в общеимперское пространство местная элита. Как показывает автор, все мероприятия проводились в рамках взаимовыгодного сотрудничества, и сложный процесс интеграции кочевых народов в Российское государство носил, по мнению исследователя, достаточно гибкий характер. Правительство было заинтересовано

перевести кочевников на оседлость, что позволило бы еще более интегрировать их в государство. Как отмечает автор, на примере калмыков-кочевников, в XVIII в. государство предприняло попытку перевести калмыков на оседлый образ жизни, но это не имело успеха из-за отсутствия у них склонности к оседлости (с. 94).

Ф. Синицын считает, что между Россией и кочевыми народами всегда были существенные противоречия, такие, как политические, проявлявшиеся в разном понимании самой сущности власти и подданства. Так, например, пришедшие из Центральной Азии на Нижнюю Волгу калмыки-кочевники воспринимали все договора с Россией как временный союз, который в любой момент можно расторгнуть, и тем самым создать государство в государстве, а Российское государство трактовало их по-своему, рассчитывая на полное подчинение калмыков царю (с. 95).

Существенными были правовые противоречия между Российской империей и кочевыми народами. По мнению автора, у кочевников сформировалось неправильное понимание собственности на землю. Отсутствие у кочевников института права собственности на землю вызывало недоразумения у российских властей. Так, калмыки претендовали на земли, отвоеванные ими у других народов (с. 97). Также кочевые народы отличали кражу от угона скота. Последний у кочевников был традиционным явлением (удаль, геройство) и не считался преступлением. Автор отмечает, что российские законы и традиции кочевников вступали между собой в противоречия.

На рубеже XVIII–XIX вв. Россия увеличивает свое политическое давление на кочевые регионы, но, по мнению автора, все равно с позиций «мягкой силы». В интегрированных регионах начинается колонизация земель выходцами из Центральной России. Происходит ограничение земель кочевания земледельческими территориями и пограничными линиями. Иными словами, начинается захват земель у кочевого населения, что вызывало у него вполне естественное недовольство, выливавшееся в откочевку за пределы России, как например, уход большой группы калмыков в 1771 году в Китай или в различного рода восстания, выступления против власти.

В третьей главе «Россия и кочевники в XIX в.» (с.107–170) автор исследует проблему присоединения кочевых территорий Российским государством. В этот период в орбиту политического и экономического влияния Российской империи попали Великая степь и кочевые территории севера Евразии, Средней Азии, Северный Азербайджан, где часть населения вела кочевой образ жизни, Чукотка.

В XIX в. именно земельный вопрос становится все более острым на всей территории России. Особенно после отмены крепостного права в 1861 г., когда многомиллионная масса крестьян получила волю, но осталась без земли. Вследствие чего среди крестьян-переселенцев получило свое активное развитие колонизация кочевых территорий. У кочевников стали активно изымать «кочевые» земли для крестьян, прибывших из центральных регионов России. По мнению автора, колонизация была бинарным процессом, решавшим сразу два вопроса: наделяла землей крестьян-переселенцев и обеспечивала безопасность удаленных границ (с. 170).

В четвертой главе «Положение в “кочевых” регионах в конце XIX – начале XX вв.» (с.171–239) исследователь анализирует особенности кочевой цивилизации, в особенности переход номадов на оседлый образ жизни. И как отмечает автор,

вопросами оседания кочевников занимались на высоком правительственном уровне, считая, что продолжение колонизации кочевых регионов и вызванный ею земельный голод усилят этот процесс (с. 173).

Можно согласиться в Ф. Сеницыным, что процесс оседания кочевых народов проходил в русле усиления интеграции кочевых народов в общее политическое пространство Российской империи, колонизации и изъятия земель у кочевников, что не могло не вызвать у них недовольства, выразившееся в виде откочевки и восстаний. В качестве наглядного примера исследователь приводит откочевку части кочевнического населения за границу: Монголию, Китай, Хиву, Бухару, Афганистан и др. Туркестанское восстание в 1916 г. наиболее ярко иллюстрирует недовольство политикой России по интеграции и модернизации Средней Азии. По мнению автора «в начале XX в. в кочевых регионах произошло обострение ситуации, которое выразилось в расшатывании кочевой цивилизации, усилении отчуждения между кочевниками и государством, а также ухудшении отношений между кочевниками и оседлым населением <...> и с оседлым населением из числа своих соплеменников» (с. 208).

В период революции, гражданской войны и всеобщего хаоса, российским государством не проводилось каких-либо стратегических действий в отношении кочевников. В 1920-е гг. во многих кочевых регионах произошло установление советской власти и отношения социалистического государства и кочевников были равными. Противостояние Советского государства и кочевой цивилизации возникло значительно позднее.

Россия с самого начала своего существования, как отмечает автор, жила в постоянном взаимодействии с кочевой цивилизацией. Оседлость и кочевание характеризуются исследователем как цивилизационные маркеры, не менее важные, чем принадлежность к одному этносу. Исторический опыт изучения кочевнического мира позволяет нам в утвердительной форме говорить о некоторых особенностях кочевой цивилизации – это, прежде всего, приверженность кочевников к традиционному образу жизни; высокая приспособляемость и гибкость в экологическом, экономическом и социально-политическом плане; сохранение родового строя вплоть до XX в. и др.

В целом, присоединение кочевых территорий к России не повлекло, по мнению автора, каких-либо тяжелых последствий для кочевников. Национальная элита получила большую полноту власти, немалые привилегии, что касается простых кочевников, то они продолжали кочевать, вести традиционный образ жизни. Важным моментом в жизни кочевников являлось приобретение российского подданства, гарантировавшее в определенной степени защиту от внешних посягательств. Кочевое население все сильнее втягивалось в социально-экономическую и политическую структуру России. Со временем кочевники «переформатировались», прекратили кочевой образ жизни, тем самым как бы сами разрушили кочевую цивилизацию (с. 229). С другой стороны, Российская империя, начав проводить политику «мягкой силы», а впоследствии колонизацию кочевых земель крестьянами-переселенцами из центральной России, затем плановое землеустройство кочевых земель, целенаправленно «помогла» разрушению кочевой цивилизации. Окончательно разрушила ее форсированная модернизация советской властью «кочевых» территорий, начатая в 1930-е гг.

Монография Ф.Л. Сеницына «Россия и кочевники. От древности до революции» демонстрирует серьезную попытку изучения ряда вопросов взаимодействия, сосуществования и культурного взаимообогащения кочевого и оседлого миров. В рецензионных рамках нет возможности привести все тонкие и интересные наблюдения автора, но, несомненно, проведенное им исследование кочевой цивилизации в России дает возможность понять и раскрыть многие моменты отечественной истории, малоизученность которых до сих пор зачастую становится поводом для националистических измышлений.

Подводя итоги, следует признать правомерным применение автором регионального подхода к изучению истории непростых взаимоотношений кочевых и оседлых народов, особенностей коммуникации между кочевой элитой и российскими властями. Представления кочевых народов о власти, суверенитете и подданстве были в корне отличны от концепций, разделявшихся оседлыми народами, включая русских. Исследование Ф.Л. Сеницына – это не просто изучение прошлого, но также и взгляд на судьбу кочевой цивилизации в современном мире. Для нас, калмыцких исследователей, было увлекательно и познавательно ознакомиться с оригинальной монографией известного российского ученого, в которой он коснулся и кочевого прошлого нашего народа. Надеемся на появление в будущем новых работ автора, таких же основательных в научном плане, как рецензируемая нами монография.

«Nomadic civilization: historical research» (возрастная категория 16+) предоставляет возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области кочевниковедения, привлекает внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей и аспирантов вузов, к перспективным и актуальным направлениям современной науки.

Журнал «Nomadic civilization: historical research»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель/Издатель:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова» (КалмГУ)

Адрес редакции:

358000, Республика Калмыкия, г. Элиста,
ул. им. А.С. Пушкина, 11.

Главный редактор:

Екатерина Николаевна Бадмаева
E-mail: istkalm@yandex.ru

Научный редактор: Э.У. Омакаева

Переводчик: Э.У. Омакаева

Компьютерная верстка: Т.Е. Хахулин

Дата загрузки: 29 июня 2021 г.

 **Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов**